

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Башкова Е. В.</i> МИФООБРАЗ ЭВИТЫ ПЕРОН В АРГЕНТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВВ.	5
<i>Гавриленко Н. Н.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА.	10
<i>Гарнова К. В.</i> АКССУАРЫ В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ЗОНТИК.	13
<i>Гордина М. А.</i> ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОГО СНОВИДЕНИЯ В РОМАНЕ МИЛОРАДА ПАВИЧА «ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ»	17
<i>Губанов С. А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ГЛАЗА»)	20
<i>Замальдинов В. Е.</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТИПОВЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ	23
<i>Казакова Л. Н.</i> ДЕКОДИРОВАНИЕ ТРОПЕИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ В ДИСКУРСЕ ЗАГЛОВОКОВ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ	26
<i>Колупанова Т. Ю.</i> ДИНАМИКА КОНЦЕПТА РОССИЯ В ИДИОСТИЛЕ С. А. ЕСЕНИНА	31
<i>Курило С. А.</i> ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ФРЕГАТА "ПАЛЛАДА"» И. А. ГОНЧАРОВА	34
<i>Моисеев П. А.</i> ДЕТЕКТИВ НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНЕРА ПОВЕСТВОВАНИЯ И ДЕТЕКТИВ (СЛУЧАЙ ЮЗЕФОВИЧА)	38
<i>Мэй Цзылинь, Чарыкова О. Н.</i> СИНЕСТЕЗИЯ КАК ПРИЁМ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	42
<i>Никитина И. В.</i> ЧИТАТЕЛЬ КАК ПРОБЛЕМА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОД ЗНАКОМ ВЕРНОСТИ АВТОРУ И ПЕРЕВОДИМОМУ ТЕКСТУ (НА ПРИМЕРЕ «ЛИСТЬЕВ ТРАВЫ» УОЛТА УИТМЕНА)	44
<i>Попова М. К.</i> «НОВАЯ АТЛАНТИДА» Ф. БЭКОНА КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ И НАУЧНОЕ СОЧИНЕНИЕ	51
<i>Радь Э. А.</i> ТИП «ЧЕЛОВЕКА ЗАБЛУЖДАЮЩЕГОСЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТВОРЧЕСТВО А. Н. РАДИЩЕВА	55
<i>Серебрякова Е. Г.</i> «ВОРОНЕЖСКИЙ СЛЕД» В «БЕЛОЙ КНИГЕ ПО ДЕЛУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»	59
<i>Серова А. Д.</i> ДВЕ ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА	64
<i>Твердохлеб О. Г.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТОНИМОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ..	69
<i>Тихонова Н. А.</i> ЛЕКСИКА РУССКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	72
<i>Хорольский В. В.</i> ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.	75
<i>Хорошевская Ю. П.</i> МИФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»	81

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Авдони́на Ю. Б., Щербако́ва Г. И.</i> ДРАМА МОЛОДЕЖИ КАК ТРАГЕДИЯ РОССИИ: ОБРАЗ НИГИЛИСТА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ «ГРАЖДАНИН»	85
<i>Быков Д. В.</i> КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА ОСНОВНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ХОЛДИНГОВ США В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЩАНИЯ (1946–1956 ГГ. XX ВЕКА)	93
<i>Дабержа В. В.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ВИРУСНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	97
<i>Иовва Н. И.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ СЛОВА С ВОСПРИЯТИЕМ ЕГО АУДИТОРИЕЙ.....	100
<i>Кейта Кали</i> ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ПОЛИТИКУ И СМИ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ	103
<i>Колобов В. В.</i> ИЗ ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ» (ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ А. В. ЖИГУЛИНА ОБ Е. А. ЕВТУШЕНКО)	107
<i>Новичихина М. Е.</i> ЭКСПЕРТИЗА ТОВАРНОГО ЗНАКА В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	112
<i>Старых Н. В.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)	116
<i>Сурнина И. А. В. Ф. КЛУН – АВСТРИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ВЕСТНИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ» Ф. В. ЧИЖОВА</i>	124
<i>Телоев И. Д.</i> ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМАТИКИ ГРУЗИНСКИХ СМИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МИХАИЛА СААКАШВИЛИ	127
<i>Ускова Д. А.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ РОК-МУЗЫКАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ.....	133
<i>Чан Ван Ле.</i> СИСТЕМА СМИ ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К «ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ» (К ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ)	137
<i>Тулупов В. В.</i> РЕЦЕНЗИЯ. АХМАДУЛИН Е. В., ВАРА Т. Б. СИСТЕМА АРАБСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.).....	141
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	143

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2016. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bashkova E. V.</i> EVITA PERON'S IMAGE IN ARGENTINIAN CULTURE AND LITERATURE IN XX-XXI	5
<i>Gavrilenko N. N.</i> FUNCTIONING OF PSYCHOLOGICAL MECHANISMS IN THE PROCESS OF FOREIGN TEXT UNDERSTANDING BY A TRANSLATOR.....	10
<i>Garnova Ch. V.</i> THE ACCESSORIES IN F.M. DOSTOEVSKY'S PROSE: AN UMBRELLA.....	13
<i>Gordina M. A.</i> POETICS OF LITERARY DREAM IN MILORAD PAVICH'S NOVEL «DICTIONARY OF THE KHAZARS»	17
<i>Gubanov S. A.</i> ARTISTIC CONCEPT AND ESPECIALLY ITS PHRASE IN TEXTS OF MARINA TSVETAeva (BASED ON THE CONCEPT «EYES»).....	20
<i>Zamaldinov V. E.</i> STRUCTURAL FEATURES OF A TYPICAL NEW WORDS IN THE MASS-MEDIA	23
<i>Kazakova L. N.</i> DECODING TROPICAL CONSTRUCTIONS IN THE NEWSPAPERS' AND MAGAZINES' DISCOURSE: COMPARATIVE ASPECT.....	26
<i>Kolupanova T. Yu.</i> THE DYNAMICS OF THE CONCEPT RUSSIA IN S. A. YESENIN'S IDIOSTYLE.....	31
<i>Kurilo S. A.</i> GENRE STRUCTURE OF I. A. GONCHAROV'S «FRIGATE PALLADA».....	34
<i>Moiseev P. A.</i> THE DETECTIVE ON THE BACKGROUND OF WORLD LITERATURE: THE REALISTIC MANNER OF NARRATION AND THE DETECTIVE GENRE (CASE OF YUZEFOVICH).....	38
<i>Mey Zsilin, Charykova O. N.</i> SYNAESTHESIA AS SUGGESTIVE INFLUENCE IN THE ADVERTISING TEXT	42
<i>Nikitina I. V.</i> READER AS A PRAGMATIC CHALLENGE: LITERARY TRANSLATION SUBORDINATE TO THE AUTHOR AND THE ORIGINAL TEXT (CASE STUDY INTO WALT WHITMAN'S LEAVES OF GRASS).....	44
<i>Popova M. K.</i> «NEW ATLANTIS» OF FRANCIS BACON AS A LITERARY AND SCIENTIFIC WORK.....	51
<i>Rad E. A.</i> TYPE OF «AN ERRING MAN» IN THE RUSSIAN LITERATURE: A. N. RADISHCHEV'S LITERARY WORK.....	55
<i>Serebryakova E. G.</i> VORONEZH TINGE IN «THE WHITE PAPER ON THE CASE OF SINYAVSKY AND DANIEL».....	59
<i>Serova A. D.</i> TWO ARTISTIC DESTINIES: NIKOLA RUBTSOV AND LARISA VASILIEVA	64
<i>Tverdokhlebo O. G.</i> FUNCTIONING OF ANTONYMS OF DIFFERENT TYPES OF PARADOXICAL DEFINITIONS	69
<i>Tikhonova N. A.</i> VOCABULARY OF RUSSIAN FOLK MUSICAL CULTURE.....	72
<i>Khorolskiy V. V.</i> LITERARY AND ARTISTIC PECULIARITIES OF EUROPEAN POPULAR SCIENTIFIC WRITINGS ON THE VERGE OF XX-XXI CENTURIES.....	75
<i>Khoroshevskaya Y. P.</i> MYTHICAL SPACE IN THE NOVEL OF NEIL GAIMAN «AMERICAN GODS»	81

JOURNALISM

<i>Avdonina Y. B., Shcherbakova G. I.</i> DRAMA OF YOUTH AS THE TRAGEDY OF RUSSIA: THE IMAGE OF THE NIHILIST ON THE PAGES OF THE MAGAZINE-NEWSPAPER «THE CITIZEN»	85
<i>Bykov D. V.</i> COMPETITION MAJOR TELEVISION HOLDINGS USA IN THE FIRST DECADE OF BROADCASTING (1946–1956 GG. XX CENTURY).....	93
<i>Dabezha V. V.</i> CLASSIFICATION OF VIRAL VISUAL INFORMATION IN THE INTERNET.....	97
<i>Iovva N. I.</i> THE RELATIONSHIP OF THE WORD WITH THE PERCEPTION OF ITS AUDIENCE	100
<i>Keita Kali.</i> THE INFLUENCE OF ISLAM ON POLITICS AND THE MEDIA IN THE REPUBLIC OF MALI.....	103
<i>Kolobov V. V.</i> OF THE GENERATION OF «SIXTIES» (DIARY ENTRIES ABOUT A. V. ZHIGULINA E. A. EVTUSHENKO).....	107
<i>Novichihina M. E.</i> TRADEMARK'S EXPERT EXAMINATION IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION	112
<i>Sarykh N. V.</i> THE COMMUNICATIVE STRATEGY: EXPERIENCE OF THEORETICAL RECONSTRUCTION (ON AN EXAMPLE OF NONPROFIT ADVERTISING).....	116
<i>Surnina I. A. V. F.</i> CLUN – AUSTRIAN CORRESPONDENT OF THE «BULLETIN OF THE INDUSTRY» F. V. CHIZHOV.....	124
<i>Teloev I. D.</i> THE MAIN CONTENT AND THE NATURE OF THE PROBLEMS OF GEORGIAN MEDIA DURING THE REIGN OF MIKHAIL SAAKASHVILI.....	127
<i>Uskova D. A.</i> INTERPRETATION OF SOCIAL ACTION OF ROCK MUSICIANS IN THE CONTEMPORARY PRESS.....	133
<i>Tran Van Le.</i> VIETNAM MEDIA SYSTEM IN THE PERIOD OF TRANSITION TO «DEMOCRATIC SOCIALISM» (THE QUESTION OF THE PARTY SPIRIT IN JOURNALISM).....	137
<i>Tulupov V. V.</i> AKHMADULIN EVGENY V., VARA TAREK BASSAM. THE SYSTEM OF THE ARAB JOURNALISM (XIX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY).	141
SUBMISSION GUIDELINES.....	143

МИФООБРАЗ ЭВИТЫ ПЕРОН В АРГЕНТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ XX-XXI ВВ.

Е. В. Башкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 июня 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается формирование и развитие образа Эвиты в культуре и литературе Аргентины во второй половине XX – начале XXI вв. Автор отмечает неоднозначное отношение аргентинцев к образу Эвиты, который изначально создавался как политический имидж, а в итоге превратился в универсальный мифообраз заступницы и «Матери нации» в культуре и литературе страны.

Ключевые слова: Эва Перон, Эвита, «Мать нации», мифообраз женщины, процесс самоидентификации.

Abstract: the article discusses the nature of formation and development of Evita's image in Argentinian culture and literature in the second half of the XX – in the beginning of XXI. The author of the article emphasizes the ambiguous relationship of Argentinians to Evita's image which had created like political image at first and then turned into universal archetype of patroness and «Mother of the nation» in the culture and literature.

Keywords: Eva Perón, Evita, «Mother of the nation», woman's archetype, cultural identification.

В латиноамериканской литературе второй половины XX – начала XXI века появляется образ женщины и Матери, изображаемой в исторической перспективе. «Новый» исторический роман, возникший в 80-е – 90-е годы XX века в связи с приближением празднования 500-летия открытия Нового Света, свидетельствует о возросшем интересе писателей Латинской Америки к эпохе первооткрытий и Конкисты. Роман такого типа актуализировал множество ключевых исторических фигур и источников. В частности, он обращается по-новому к женским образам, переосмысляет и реабилитирует их. Одним из таких образов в истории, культуре и литературе Аргентины стала Эва Перон.

Мария Эва Дуарте де Перон была второй женой Хуана Перона и с 1946 вплоть до своей смерти в 1952 году – Первой леди Аргентины. Хотя она никогда не занимала определенного поста в правительстве Хуана Перона, во время первого срока президентства своего мужа она вела активную общественную деятельность, поддерживала профсоюзы и вскоре стала самой влиятельной женщиной Аргентины. Наибольшую популярность среди народа она обрела благодаря своей работе в благотворительном Фонде Эвы Перон, который она же и учредила, а также основанию крупномасштабной политической партии (Partido Peronista Femenino). В 1951 году Эва Перон заявила о своем желании баллотироваться на пост вице-президента Аргентины. Ее кандидатура получила большую поддержку со стороны перонистской

общественности, однако ухудшение ее здоровья и постоянное противостояние со стороны военных и политической элиты страны сделали невозможным выдвижение ее кандидатуры на этот пост. В конечном итоге, в качестве утешения ей предложили официальный титул Духовного Лидера Нации незадолго до ее смерти в 1952 году.

Популярность и важность фигуры Эвы Перон как символа нации в истории Аргентины главным образом связана с целым рядом изменений, произошедших, когда у власти находился ее муж Хуан Перон, в частности, предоставления избирательных прав женщинам и вовлечения народных масс в общественную деятельность и политику страны. Эва Перон была неординарным представителем аргентинского народа не только потому, что высказала проблемы обычных людей и прилагала усилия для их решения, но и потому что сама была выходцем из народа.

Образ Эвы Перон начал формироваться в 1950-е годы и после ее смерти, вот уже на протяжении шестидесяти лет, постоянно обновлялся, обогащаясь новыми чертами и характеристиками, постепенно превратился в универсальный мифообраз¹, знако-

¹ Под мифообразами мы понимаем повторяющиеся образы и символы, которые лежат в основе мифа. Создание новых мифообразов в культуре и литературе Латинской Америки и переосмысление старых воплощает в себе стремление писателей создать новое представление о мире в сознании латиноамериканцев. Подробнее об этом см.: Ainsa F. Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa. Madrid, 1986; Кофман А. Ф. Латиноамериканский художе-

мый каждому аргентинцу. Эта фигура снова и снова вдохновляла писателей, режиссеров, композиторов, становясь объектом многочисленных исследований и сюжетом, вокруг которого строились произведения литературы, музыки, кино.

Образ Эвиты в аргентинской литературе вобрал в себя множество подлинных и вымышленных свойств, характеристик и ликов Эвы Перон, формировавшихся всю ее жизнь и после смерти во многом благодаря ее положению и роли в истории страны. Это породило множество точек зрения и художественных интерпретаций, литературных произведений, которые по-разному осмыслили этот «сверхнормативный образ»². Так, появляются произведения, сюжет которых сосредоточен на церемонии прощания народа с Эвитой и дани уважения, отдаваемой ей аргентинской общественностью: рассказы «Она» (Ella, 1953) Хуана Карлоса Онетти, «Творение» (La creación) Сильвии Окампо, «Симулякр» (El simulacro, 1960) Хорхе Луиса Борхеса и «Мертвая сеньора» (La señora muerta, 1963) Дэвида Виньяса, а также два стихотворения Нестора Перлонгера «Труп» (El cadáver) и «Труп нации» (El cadáver de la nación).

В рассказе «Она» уругвайский писатель Хуан Карлос Онетти с ужасающим реализмом описывает труп Эвы Перон, церемонию прощания с телом. Автору удалось показать пропасть, разделяющую богатых и бедных аргентинцев, первые из которых проявляли презрение к Эвите, другие же – обожали ее, преклоняясь, как перед святой.

В небольшом рассказе «Симулякр», который вошел в сборник рассказов «Делатель» (El Hacedor, 1960), Борхес показывает, как политики манипулируют общественным мнением, используя в своих целях заупокойное бдение у тела Эвы Перон. Здесь Эва изображена как белокурая кукла, Хуан Перон же выступает кукловодом, разыгрывающим целый спектакль, чтобы завоевать любовь доверчивого народа. Он превращает Эвиту в симулякр, символ, за которым скрывается пустота и вымысел.

Рассказ Родольфо Уолша «Эта женщина» (Esa mujer, 1965) связан с романом Томаса Элоя Мартинеса «Святая Эвита» (Santa Evita, 1995), который можно рассматривать как его продолжение. В них повествуется о перемещениях, путешествиях и злключениях тела Эвы Перон после ее смерти, при этом главный образ мира. – М. : Наследие, 1997, а также в работах Земскова В. Б.

² Мифологема «сверхнормативности» отражает представление о Латинской Америке как аномальном мире, который противопоставляется европейской норме. А. Ф. Кофман считает, что она настолько прочно укоренилась в латиноамериканском художественном сознании, что проявляется «в способе художественного отражения действительности, в образах героев и моделях их поведения, в сюжетике» [5; с. 34].

оно становится объектом ненависти и жажды обладания, страха и любви, символом нации для ее врагов и почитателей. В основу этих произведений легли реальные интервью³ с очевидцами и свидетелями, которые могли поделиться информацией об Эвите. Здесь тело Эвы, ее образ становятся метафорой аргентинской нации, историей ее злоключений.

Рассказы «Эвита жива» (Evita vive) Нестора Перлонгера, «Единственный привилегированный» (El único privilegiado, 1991) Родриго Фресана, «Ночь Санта-Ана» (La noche de Santa Ana) Фернандо Лопеса и роман «Невозможный мертвец» (El cadáver imposible) Хосе Пабло Фейнманна объединяет интерес к политической ситуации в Аргентине в 1970-х годах и при Карлосе Менеме⁴. В этих произведениях фигура Эвы Перон важна для отражения и осмысления событий того времени.

В рассказах «Касандра» (Cassandra) Родольфо Вилькока и «Привилегированный» (El privilegiado, 1963) Дэвида Виньяса и пьесе «Эва Перон» (Eva Perón, 1964) Копи воплощается идея о своеобразной деспотичности и излишнем своеволии женщин, облеченных властью. А в стихотворении «Эва Перон на костре» (Eva Perón en la hoguera, 1972) аргентинского писателя и поэта Леонидаса Ламборгини и романе «Генеральша должна умереть» (La generala debe morir, 1995) Сесара Дани авторы уделяют основное внимание восхождению Эвы на пути к известности, славе и власти.

Роман «Роберто и Эва» (Roberto y Eva, 1989) Роберто Саккоманно и пьеса «Эва и Виктория» (Eva y Victoria, 1990) Моника Оттино повествуют о вымышленных встречах и диалогах между Эвой Перон и Роберто Арльтом в первом произведении и Эвой Перон и Викторией Окампо – во втором, как способе переосмысления и переоценки противоречивых взаимосвязей литературы и политики, высокой и массовой культуры, модернизма и постмодернизма. Подобные сопоставления Эвы с другими известными историческими фигурами и противопоставления им подчеркивают фикциональность происходящего и вводят в контекст мировой культуры, что позволяет нам говорить о том, что образ Эвиты становится символом нации, универсальным мифообразом.

И наконец, в романах «Китовая пасть» (La boca de la ballena, 1974) Гектора Лаистра, «Семейные секреты» (Secretos de familia, 1995) Грасиэлы Беатрисы Кабаль и «В 20:25 Сеньора вошла в бессмертие» (Alas

³ Существует обширный пласт литературных произведений, исследований и мемуаров, авторы которых сознательно используют недостоверную информацию, вымышленные свидетельства и интервью.

⁴ Карлос Саул Менем – президент Аргентины (1989–1999). Его президентство характеризовалось неолиберальной политикой, которая привела страну к экономическому кризису.

20:25 la Señora entró en la inmortalidad, 1981) Марио Зичмана Эва Перон является скорее второстепенным персонажем, а не главным героем, символом, который отражает настоящее и предвещает будущее страны. Интересно, что Хулио Кортасар также должен был написать роман об Эве Перон в рамках проекта «Отцы родины», предложенного Карлосом Фуэнтесом, однако роман так и не был написан. Показательно, что на роль аргентинского диктатора Кортасаром была выбрана именно фигура Эвиты Перон.

Образ Эвиты Перон воплощается в многочисленных литературных произведениях всех жанров и форм, в песнях, романсах, на радио и в кино, в граффити на стенах, в молитвах... Это в свою очередь вызывает волну исследований о ней у журналистов, историков, литературоведов, культурологов, политиков, экономистов и др. Эвита становится устойчивым аргентинским мифообразом и феноменом в культуре и литературе страны.

Постепенно самые удачные литературные воплощения Эвы Перон, становятся мифами, ее слова превращаются в крылатые выражения и возвращаются из литературы в массовую культуру. Образ Эвиты, как символ покровительницы Аргентины, соткан из множества ликов, интерпретаций, которые постоянно меняются, и по сей день миллионами воспроизводятся и возвращаются в аргентинскую культуру.

Эва Перон стала важной и значимой фигурой для Аргентины, ее истории несмотря на то, что она лишь ненадолго появилась на политической сцене страны. Вместе со своим мужем Хуаном Пероном они навсегда изменили политическую ситуацию в стране, а масштаб их влияния можно проиллюстрировать фразой известного аргентинского критика и аналитика культуры и литературы Беатрис Сарло: «Formó parte de una generación que fué marcada en lo político por el peronismo y en lo cultural por Borges» [1, 9]. Она считает, что в аргентинской культуре и политике послевоенного периода существует два феномена: если Борхес является выдающейся фигурой в истории литературы, имевшей огромное значение и сформировавшей целое поколение писателей и читателей, то супруги Перон оказали такой же эффект на политическую жизнь страны.

Перонизм, прежде всего, был движением, основанным на сильном эмоциональном воздействии на обычных людей, которые вовлекались в политическое движение благодаря пропагандируемому и тиражируемому чувству социальной справедливости, основные принципы которого были изложены идеологией хустисиализма. Следует отметить, что общим знаменателем идеологии перонизма был, конечно, сам Хуан Перон, однако идеи и принципы, стоящие за этим человеком, даже внутри политического движения очень часто трактовались по-

разному, иногда кардинально противоположными способами. Это достаточно подробно описано в исторических и политологических исследованиях, а также находит свое отражение даже в литературных произведениях. Так, роман-пародия «Ни горя, ни забвения...» (*No habrá más penas ni olvido*, 1980) аргентинского писателя Освальдо Сориано написан на внутривнутриполитическую борьбу оппозиционных групп, каждая из которых называет себя перонистской, при этом вкладывает в это понятие совершенно противоположный смысл. Точно так же и в романе аргентинского писателя Томаса Элоя Мартинеса «*La novela de Perón*» (1985) Хуан Перон является лишь именем, некой оболочкой, обозначением, наполняемым противоречивыми идеями внутривнутриполитического противостояния.

В истории Аргентины и для перонистского движения в целом Эва Перон не может рассматриваться только как супруга президента, всегда скрытая в тени Хуана Перона. Она не только занимала важное политическое положение, но стала символом, иконой, в которых воплотились многие политические и социальные стремления народа Аргентины, она обрела большую популярность среди обычного населения, чем ее супруг – Хуан Перон, президент Аргентины. В своем исследовании Сусана Росана несколько раз подчеркивает, сколь важное значение в формировании мифообраза имел визуальный и эмоциональный образ Эвы Перон, тщательно продуманный и разработанный еще во время первого президентского срока Перона [4, 189–190].

Во время обоих президентских сроков Перона (1946–1952 гг. и 1952–1955 гг.) Министерство Информации (*Secretaría de Informaciones*) организовало масштабную информационную кампанию для популяризации образов Эвы и Хуана Перона. Портреты Эвы Перон ежедневно появлялись на первых полосах в проправительственных газетах, таких как «Мир Перониста» (*Mundo Peronista*), «Демократия» (*Democracia*) и «Дело Перониста» (*La causa Peronista*), отныне публикация изображений Эвы и Хуана Перон стали обязательными во всех школьных учебниках. Помимо этого Министерством были выпущены брошюры об Эве, ее изображения тиражировались на тысячах спичечных коробков, пепельниц, носовых платков, зажигалок, календарей, ее голос звучал на радио и телевидении, чета Перон была частым и главным героем кинохроники (*Sucesos argentinos*), шедшей перед каждым показом фильма в кинотеатрах по всей стране. Аргентинское общество постоянно засыпало и просыпалось с изображением Эвы Перон, смотрящей на них из газет, рекламных щитов, киноэкранов, говорящей с ними каждый день по радио [3].

Фигура Эвы Перон должна рассматриваться в контексте мифов, созданных политической пропагандой, подхваченных литературой и ставших

важной культурной составляющей страны. В них она воплощает всеохватную материнскую заботу и любовь, направленную на каждого аргентинца, отныне они мыслятся ее детьми, ведь своих она не имела, она превращается в мифообраз «Матери народа». Однако следует отметить, что даже своим существованием, занимаемым высоким положением и популярностью она оскорбляла мораль и нормы приличия и поведения среднего класса и элиты. Она опережала свое время, и ее фигура не вмещалась в привычные рамки норм поведения и традиции. Ее осуждали за карьеру актрисы и безнравственность, критиковали за властный и вспыльчивый, порой даже агрессивный, характер, упрекали в холодности и неполноценности ее как женщины, так как она не имела детей, а ее благотворительность мотивировали ее жаждой власти. Но именно в этих качествах и проявились мифологические характеристики истинного латиноамериканского героя – такие, как сверхнормативность, «хаотичность», укорененность в «своем» латиноамериканском мире⁵. Тот факт, что Эва не имела собственных детей, перестает быть недостатком, делая ее образ универсальным символом, Матерью всего аргентинского народа, позволяя каждому прикоснуться к «чудесному».

Среди всего, что было написано об Эве Перон, можно выделить роман Абель Поссе «Страсти по Эвите», который вобрал в себя всю предшествующую литературную традицию. Те черты и характеристики мифообраза, которые только намечались в других произведениях, в полной мере нашли отражение в романе Поссе. Так, «таинственность» и непостижимость образа Эвиты, обозначенная Борхесом и Онетти превращается в амбивалентный⁶ многоликий и многоголосый образ у Поссе [2]. Чудесные свойства Эвы Перон, проявляющиеся уже после ее смерти, о которых повествуют Уолш и Мартинес предвосхищаются в разговорах Эвиты с отцом Бенитесом в романе «Страсти по Эвите». Поссе переосмысляет взбалмошность, избалованность и своеволие Эвиты, описанные Копи и Перлонгером, превращая их в сверхнормативность, и «хаотичность», присущие всякому подлинному латиноамериканскому герою. Так же, как и Роберто Саккомано и Моника Оттино, Поссе вводит образ Эвиты в контекст мировой истории и культуры, однако не в вымышленных встречах и диалогах с известными фигурами, а в описании реальных встреч с Папой Римским и королем Испании. Все это позволяет говорить о том, что в романе «Страсти по Эвите» накопились и нашли яркое выражение все основные черты мифообраза женщины и Матери арген-

⁵ Подробнее см.: Кофман А. Ф. [5].

⁶ Мифологемы «хаотичности» и «амбивалентности», так же как и мифологему «сверхнормативности», относят к основным характеристикам латиноамериканского художественного образа мира [4].

тинской нации. Образ Эвиты, изначально создаваемый как имидж, превратился в символ нации и универсальный мифообраз.

В романе «Страсти по Эвите» Абель Поссе использует те же способы и принципы «переписывания» истории, что и в своих предшествующих романах – вместо того, чтобы использовать традиционные методы и структуру повествования с линейной хронологией, всезнающим рассказчиком, который определяет основную точку зрения на описываемые события, перед нами фрагментированный полифоничный роман с нелинейной и непоследовательной хронологией, история, рассказывается несколькими рассказчиками, каждый из которых предлагает свою точку зрения на жизнь Эвы Перон (1919–1952). Такая структура повествования позволяет Поссе параллельно рассказывать о юности главной героини, ее становлении, о кратком периоде ее участия в политической жизни Аргентины (1946–1952), о периоде ее болезни и преждевременной смерти, а также позволяет показать как конструировался миф об Эвите Перон, как она стала символом объединения народных масс и их включения в политическую жизнь Аргентины.

«Страсти по Эвите» следует рассматривать в контексте других многочисленных текстов, романов, исторических документов и фильмов, имеющих отношение к Эве Перон, и к которым автор делает как прямые отсылки, так и те, что прочитываются между строк. Эва Перон была не только многогранной и сложной личностью, которая оказала колоссальное влияние на новейшую историю Аргентины, но и стала национальным мифом, символом, который до сих пор находит отражение в многочисленных исследованиях, художественном творчестве, в средствах массовой информации. В своем романе Поссе не отдает предпочтение какой-то одной версии ее жизни, а соединяет многие из них в полифоничном тексте романа.

В романе «Страсти по Эвите» Абель Поссе переосмысливает историю Эвы Перон, уже в названии романа делает отсылку к агиографическому изображению Эвы, которое так тщательно разрабатывала и внедряла перонистская пропаганда, представляя ее святой. Однако в то же время он показывает двусмысленность и многоликость ее личности, которые делают образ «истинной» Эвы текучим и неуловимым. Благодаря полифоничности романа и изображению Эвы с нескольких точек зрения автор избегает устоявшихся клише и политического китча. Также Поссе использует свой роман для создания нового видения аргентинской нации, что отражается, в частности, в организации самого текста, для которого характерна временная и повествовательная фрагментарность.

Акцентируя свое внимание на последнем периоде жизни Эвы, Поссе представляет ее смерть как апофеоз жизни. И действительно, сверхъестествен-

ной популярности, которая переживает падение перонистского режима, и тому факту, что образ Эвы Перон становится символом, иконой для поклонения и святой для аргентинцев, способствует длительная и мучительная болезнь, каждый этап которой в подробностях транслировали все СМИ страны, а также ее смерть в относительно молодом возрасте. К тому же образ Эвиты постоянно тиражировался массовой культурой, где воспроизводились ее изображения из разных периодов жизни: тех, когда она была здорова, молода и красива, и тех, когда ее истощенное болезнью тело и запавшие глаза свидетельствовали о невероятных мучениях и железной воле последних месяцев жизни.

Абель Поссе, рассказывая историю Эвы Перон, выбирает период, когда главная героиня оказывается на пороге смерти. С одной стороны, это момент слабости, с другой же стороны – именно это позволяет персонажу многое осознать, переосмыслить все свои поступки, вместе с читателем заново пережить самые яркие моменты своей жизни. Такой прием используется не только в романе «Страсти по Эвите», но и в других латиноамериканских «новых» исторических романах, например в романах Риверы о Хосе Марии Пасе и Хуане Мануэле де Росасе, в романе Маркеса «Генерал в своем лабиринте» о Симоне Боливаре, в романе Алехо Карпентьера «Арфа и тень» о Христофоре Колумбе, в романе Абеля Поссе «Долгие сумерки путника» об Альваре Нуньесе Кабесе де Ваке и др. Однако

в случае же с Эвой Перон, именно в период своей болезни и после смерти благодаря умелой пропаганде и фантастической популярности в аргентинской культуре и литературе она становится Святой Эвитой, символом, защитницей и покровительницей народа.

Необычайная роль и значимость Эвиты в истории и культуре страны позволяет говорить о потребности аргентинцев в образе Матери, заступницы и покровительницы, способной изменить традиции, помочь осознать свое место в стремительно меняющемся мире и дать надежду на лучшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarlo Beatriz. La pasión y la excepción / Beatriz Sarlo. – Buenos Aires : Siglo veintiuno, 2003. – 270 p.
2. Cano Pérez, Mercedes. Imágenes del mito: la construcción del personaje histórico en Abel Posse / prólogo de Beatriz Aracil Varón. Alicante : Universidad de Alicante, 2010.
3. Halperín Donghi, Tulio. The Contemporary History of Latin America / Ed. and trans. John Charles Chasteen. – Durham : Duke UP, 1993. – 426 p.
4. Rosano, Susana. Reina, santa, fantasma: la representación del cuerpo de Eva Peron / Susana Rosano // El salto de Minerva. Intelectuales, género y Estado en América Latina. María Rosa Olivera-Williams y Mabel Moraña editoras. – Madrid : Iberoamericana-Vervuert, 2005. – P. 189–204.
5. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. – М. : Наследие, 1997. – 318 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Башкова Е. В., магистр филологии, аспирант кафедры истории и зарубежной литературы

E-mail: aksila@mail.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Bashkova E. V., Master of Philology, Post-graduate Student
of the Foreign Literature Department
E-mail: aksila@mail.ru*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Н. Н. Гавриленко

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье рассмотрены психологические механизмы, обеспечивающие максимально точное и полное понимание смысла исходного иноязычного текста переводчиком. Такой анализ показывает, что восприятие исходного текста переводчиком качественно отличается от простого понимания текста и включает в себя понимание в качестве своего структурного компонента. Уровень понимания исходного текста в существенной мере определяется когнитивным багажом переводчика и сформированностью рассмотренных механизмов.

Ключевые слова: понимание текста переводчиком, смысл, осмысление, память, внимание, вероятностное прогнозирование, инференция.

Abstract: the article describes the psychological mechanisms that provide the accurate and full understanding of the original text's meaning by a translator. This analysis shows that the perception of the source text by translator is different from the usual understanding of the text and it becomes the component of the professional activity of a translator. The level of the understanding of the source text is determined by the cognitive baggage of the translator and the formedness of the regarded mechanisms.

Keywords: translator's understanding of the text, meaning, conceptualization, memory, attention, probabilistic forecasting, inference.

Полное, глубокое и точное понимание иноязычного текста переводчиком является предпосылкой его адекватного перевода на родной язык. На этом этапе переводчик анализирует высказывание и выработывает стратегию перевода с учетом всех известных факторов коммуникативной ситуации и специфики переводимого текста, то есть понимание и адекватная интерпретация иноязычного текста выступают основой его последующего перевода.

Рассмотрим подробно механизмы в процессе понимания переводчиком исходного текста.

а) *Осмысление* представляет собой процесс установления смысловых связей и смысловых отношений между элементами и единицами воспринимаемого материала. Операционным механизмом смысловой организации служит перекодирование, в процессе которого формируется смысловая единица, сокращенное сообщение, фиксируемое в простых сигналах [1, 123].

Компрессия воспринимаемой информации представляется чрезвычайно важным профессиональным умением переводчика. Последний должен уметь отбирать ключевую информацию, которая несет в себе информационную и логическую нагрузку, особенно ярко это умение проявляется в процессе устного перевода. Именно ключевые слова составляют основу записей при последовательном переводе [2, 34].

Из вышеизложенного следует, что осмысление в процессе перевода имеет ярко выраженную тенденцию к смысловой сегментации и компрессии исходного текста. Следовательно, переводчик должен обладать способностью выделять в тексте ключевые слова, которые отражают основную информацию и логику изложения высказывания и служат опорой для доступа к хранящимся в долговременной памяти знаниям.

Следующим механизмом, обеспечивающим деятельность переводчика на этапе понимания текста, является *память*, в которой хранится ранее накопленный опыт. Обобщенные знания о типах ситуаций и социокультурных контекстов хранятся в памяти в виде фреймов, сценариев или ситуационных моделей. Под фреймом понимается «такая когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных и гипотетических объектов» [3, 153]. Сценарии отражают стандартную последовательность событий, обусловленную ситуацией. Таким образом, принятие каждого переводческого решения предваряется операцией сопоставления описываемого в тексте оригинала отрезка реальности с имеющимся в памяти переводчика когнитивным прототипом или сценарием [4, 56].

Сложность обработки воспринимаемого материала в процессе понимания текста переводчиком

определяет особенности работы его памяти. В процессе последовательного перевода особая роль отводится оперативной, кратковременной памяти, так как переводчик должен удерживать в памяти всю существенную информацию до момента ее передачи на языке перевода в условиях острого дефицита времени [2; 5].

Исследователи рассматривают данный механизм как организацию сознания человека, как сосредоточенность на определенном объекте, как матрицу-форму «психоотражения реальности, которая заключается в закреплении, усвоении, сохранении, репродукции субъектом своего индивидуально-апостериорного опыта» [6, 348].

Концентрация внимания рассматривается исследователями как один из важных психологических факторов при устном переводе. Именно внимание, являясь центральным механизмом психики, регулирует когнитивные процессы перевода, как и любой деятельности [7]. *Специфика внимания письменного и устного переводчика проявляется в его раздвоенности, в его направленности как на смысл, так и на языковое выражение этого смысла в исходном тексте.*

г) Важную роль в процессе понимания иноязычного текста играет *прогнозирование*, которое определяется исследователями как механизм выдвижения и последующего подтверждения или отклонения выдвинутой гипотезы в процессе сличения с ней входящего сигнала. Выдвижение гипотезы идет по двум направлениям – по системе языка (вербальное прогнозирование) и по смысловому содержанию высказывания (смысловое прогнозирование) [8, 136], – и определяет скорость процессов слушания и чтения, глубину проникновения в содержание воспринимаемых текстов [9, 86]. В процессе понимания концептуальные фреймы позволяют предсказывать определенные характерные черты еще не актуализированных частей текста и прогнозировать некоторые сведения об устройстве той предметной области, которая стоит за этими текстами [10, 30].

Следует отметить, что вероятностный характер восприятия характеризует как устный, так и письменный перевод. В сознании переводчика актуализируются те смысловые образования (сценарии), речевое (фреймовое) оформление которых с максимальной вероятностью совпадает с воспринятым переводчиком фрагментом речи, причем эта идентификация подкрепляется ситуативными факторами и контекстом, повышающими достоверность прогноза [11, 23]. При этом для переводчика важно уметь выделять опорные элементы для понимания смысла текста, опираясь на механизм вероятностного прогнозирования [12, 59–60].

По мере своей актуализации субъективные концепты постепенно образуют концептуальную структуру, которая представляет собой внутреннюю

программу будущего текста на языке перевода. На основе этой концептуальной структуры в сознании переводчика формируется единое мысленное представление всей описываемой текстом ситуации.

Следовательно, в деятельности переводчика функционирование механизма вероятностного прогнозирования будет осуществляться с опорой на его предметные, фоновые, лингвистические знания и на контекст, что позволит выделять опорные элементы для понимания смысла высказывания и образовывать в сознании переводчика концептуальную структуру смысла текста перевода.

д) Исследования последних лет в области когнитивной лингвистики позволили авторам выделить *механизм инференции*, с которым связано понимание текста на уровне глубинного смысла, на уровне его интерпретации [13;14; 15].

Переводчику инференция, по всей видимости, должна помочь проследить логику изложения высказывания. Иногда в текстах не вся информация будет эксплицитно выражена, некоторые явления, факты могут подразумеваться автором высказывания, в этом случае вступает в действие механизм/операция инференции. Для полного понимания смысла переводчику может потребоваться обращение к предыстории рассматриваемого вопроса, знакомство с предыдущими публикациями, высказываниями автора. При устном переводе знакомство с подобными фактами осуществляется переводчиком до начала работы. Исследователи отмечают, что профессионализм переводчика в данном случае будет проявляться в проведении информационно-справочного поиска и переводческого анализа исходного текста [16;17].

Проведенный анализ механизмов, необходимых для переводческого понимания и интерпретации исходного текста, позволил определить профессиональные действия и соответствующие умения переводчика [17].

Данные умения помогут достичь высокого уровня понимания исходного текста переводчиком. По мнению исследователей, переводчик должен обладать высшим уровнем понимания и уметь оценивать поступающее сообщение с позиции языковых, предметных и фоновых знаний получателя.

По мнению Л. В. Кушниковой, при переводе смысл представляет собой динамический процесс, направленный на порождение гармоничного текста перевода посредством понимания текста на исходном языке, а затем передачей его на языке перевода. Исследователь отмечает, «что переводчик погружен в поиск смыслов, а переводческое пространство соткано из лоскутков смысла, которые словно лабиринт раскрывают ему истинный путь порождения гармоничного текста перевода» [18, 195].

Рассматривая понятие смысла в деятельности переводчика, З. Д. Львовская отмечает, что он имеет

свою структуру и включает семантический (языковой) и прагматический (экстралингвистический) компоненты, обусловленные коммуникативной ситуацией. При этом прагматический компонент не поддается наблюдению, а семантический компонент не является однозначным проявлением замысла автора. Наличие же коммуникативной ситуации делает возможным понимание смысла высказывания переводчиком [19, 60–61].

Таким образом мы видим, что деятельность переводчика на этапе восприятия исходного текста качественно отлична от простого понимания текста и включает в себя понимание в качестве своего структурного компонента. Для переводчика понимание является этапом, определяющим его дальнейшую деятельность. Уровень понимания исходного текста в существенной мере определяется когнитивным багажом переводчика и сформированностью рассмотренных механизмов. Чем богаче когнитивный багаж и лучше сформированы необходимые умения, тем глубже понимание смысла исходного текста переводчиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2006.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. – Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев / Ответственный редактор М. Я. Блох. – М. : Готика, 1999. – 176 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Усачева А. Н. Когнитивная деятельность переводчика / А. Н. Усачева // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / под редакцией В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 36–65.
5. Ericsson K.A., Kintsch W. Long-Term Working Memory (1995) / K. A. Ericsson, W. Kintsch. – [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/7740089> (дата обращения: 15.06.11).
6. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т.: пер с англ. / А. Ребер. – М. : АСТ: Вече, 2001. – 1152 с.
7. Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода: учеб. пособие / Е. В. Аликина. – М. : Вост. кн., 2010. – 234 с.
8. Леонтьев А. А. Основы психоллингвистики / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – М. : Смысл; СПб. : Лань, 2003. – 287 с.
9. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
10. Каменская О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 152 с.
11. Цвиллинг М. Я. Когнитивные модели и перевод / М. Я. Цвиллинг // Перевод как когнитивная деятельность: Вестник МГЛУ. – М. : Изд-во МГЛУ, 2003. – Вып. 480. – С. 21-26
12. Пшенкина Т. Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психоллингвистический аспект: дис. ... доктора филол. наук / Т. Г. Пшенкина. – Барнаул, 2005. – 330 с.
13. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста: Моногр. / Т. В. Дроздова. – Астрахан. гос. техн. ун-т. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
14. Кубрякова Е. С. Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний: инференция и сферы ее действия в языке / Е. С. Кубрякова // Английский лексикон и текст: Сб. науч. тр. – М. : Изд-во МГЛУ, 1996. – Вып. 434. – С. 11–17.
15. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
16. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научнотехнической литературы / Б. Н. Климзо. – М. : Р. Валент, 2006. – 508 с.
17. Гавриленко Н. Н. Понять, чтобы перевести: перевод в сфере профессиональной коммуникации / Н. Н. Гавриленко. – Книга 2. – М. : Научно-техническое общество имени академика С. И. Вавилова, 2010. – 206 с.
18. Кушникова Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... д. филол. н. / Л. В. Кушникова. – Пермь, 2004. – 426 с.
19. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская / Пер. с исп. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

*Российский университет дружбы народов
Гавриленко Н. Н., д. пед. наук, проф. кафедры иностранных языков*

*Peoples' Friendship University of Russia
Gavrilenco N. N., Professor of the Foreign Languages Department*

АКСЕССУАРЫ В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ЗОНТИК

К. В. Гарнова

Смоленский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа одной из значимых составляющих гардероба действующих лиц романов Ф. М. Достоевского – зонта. В ходе анализа установлено, что в тексте романов наряду с традиционным значением этот предмет обретает ряд авторских коннотаций, выступая опознавательным знаком социальной функции персонажа, способом реализации как внутри- и межтекстовых связей, так и связи разных уровней повествования.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «пятикнижие»; гардероб; аксессуар; зонтик; значение; функции.

Abstract: the author of the article analyzes one of the most important accessories in the novels "Crime and punishment" and "Demons" – an umbrella. During the research it is found that this item gets the number of original connotations in the texts, it is also used as a distinguishing mark of the social function of the character, the way to reveal intra- and intertextual relations, and communications at various levels of the narration.

Keywords: F. M. Dostoevsky; «pentateuch»; wardrobe; accessories; umbrella; value; function.

Бытовые подробности в художественных произведениях, как правило, мало привлекают учёных-филологов. Мы же придерживаемся точки зрения Д. С. Лихачёва, утверждавшего, что без «реалий быта» художественное произведение «не может быть правильно воспринято» [1, 3]. Такой подход к изучению текста предусматривает анализ узкой предметной области: «конкретное литературоведение <...> приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля» [1, 7–8].

Мы занимаемся исследованием конкретного художественного образа – гардероба¹, поскольку как в жизни, так и в произведениях искусства костюм в значительной степени выражает «эстетический идеал эпохи» [2, 4].

В исследовательской литературе одежде действующих лиц приписываются определённые функции: указание на время действия, эпоху; элемент бытописания; составляющая портрета действующего лица; способ выражения авторского замысла; средство организации смысловых пластов [3, 4; 4, 5; 5, 2; 6, 7].

Что касается портретных описаний в поэтике Ф. М. Достоевского, оценки существенно разнятся: от утверждения, что внешность действующих лиц вообще мало занимала писателя (Д. С. Мережковский [7, 144], Вяч. Иванов [8, 417], В. В. Набоков [9, 178], А. П. Чудаков [10, 102–103]) до указания особенной роли «гардеробных» описаний в его произведениях (Л. П. Гроссман [11, 125], С. В. Белов [12, 31]).

¹ Под гардеробом мы понимаем совокупность всех видов одевания: верхняя одежда, платье, аксессуары, головные уборы, обувь.

Цель нашего исследования – выявить, описать и систематизировать значения и функции одежды действующих лиц в прозе Достоевского. Материалом исследования послужили романы «великого пятикнижия».

В этой статье представлены наблюдения и выводы, полученные в ходе анализа одного из распространённых в художественном мире Достоевского аксессуара – зонта².

Слово «зонт» в пятикнижии встречается 29 раз: в «Преступлении и наказании» – 4 раза, в «Бесах» – 22, в «Подростке» – 2, в «Братьях Карамазовых» – 1; в «Идиоте» этот предмет не упоминается.

Рассмотрим, какие значения и функции зонтика реализуются в текстах Ф. М. Достоевского.

1. Зонт как «**транслятор**» норм «**костюмного**» этикета. Встретив в парке на своём пути обесчещенную девушку, Раскольников оценивает её внешний вид: «Ему вдруг захотелось понять, что именно в этой женщине такого странного? Во-первых, она, должно быть, девушка очень молоденькая, шла по такому зною простоволосая, без зонтика и без перчаток...» [14, 40]. В середине XIX века для выхода на улицу девушке следовало придерживаться определённых правил: непременным атрибутом являлся зонтик, который в туалете женщины занимал особое место, так как «загорелое лицо и руки считались дурным тоном. Аристократки не хотели походить на простолюдинок, занимавшихся физическим трудом» [15, 140].

Отсутствие в данном случае определённых не-

² Зонтик – «упругий матерчатый купол на длинной ручке, натягивающийся на спицах и раскрывающийся над головой для защиты от дождя или солнца» [13, 233].

обходимых элементов гардероба подчёркивает «ненормальность» ситуации, то есть упоминание об отсутствующих деталях маркирует этот образ на фоне других (не только автор, но и герой выделяет девочку среди остальных прохожих).

2. Зонт как **средство создания коммуникативного барьера**. «Ракитин, особенно в последнее время, не любил встречаться с Алёшей, почти не говорил с ним, даже и раскланивался с натугой. Завидев теперь входящего Алёшу, он особенно нахмурил брови и отвёл глаза в сторону, как бы весь занятый застёгиванием своего большого тёплого с меховым воротником пальто. Потом тотчас же принялся искать свой зонтик» [16, 127]. В контексте приводится ряд примет, указывающих на нежелание Ракитина («Братья Карамазовы») контактировать с Карамазовым: отсутствие вербального общения при встрече и необходимых жестов приветствия, отсутствие зрительного контакта; завершает ряд напускная занятость, проявляющаяся в застёгивании пальто и поиске зонтика.

3. Зонт как **средство создания образа-маски**. Покинув дом благодетельницы Ставрогиной, Степан Трофимович («Бесы») предстаёт в новом костюме: «Одет был “по-дорожному”, то есть шинель в рукава, а подпоясан широким кожаным лакированным поясом с пряжкой, при этом высокие, новые сапоги и панталоны в голенищах». По словам автора, Верховенский-старший именно так «соображал себе дорожного человека, а пояс и высокие сапоги с блестящими гусарскими голенищами, в которых он не умел ходить, припас ещё несколько дней назад». Дополняли облик Степана Трофимовича умело подобранные аксессуары: «Шляпа с широкими полями, гарусный шарф, плотно обматывавший шею, палка в правой руке, а в левой чрезвычайно маленький, но чрезмерно туго набитый саквояж довершали костюм. Вдобавок, в той же правой руке распушенный зонтик» [17, 411]. Однако сквозь сооружённую оболочку, маску романтического странника, пробивается ценитель комфорта и уюта, для которого такой вояж оказывается проблематичным, что и обнаруживают упомянутые аксессуары: «Эти три предмета – зонтик, палку и саквояж, было очень неловко нести всю первую версту, а со второй и тяжело» [17, 411].

Разобщённость внутренней и внешней составляющей образа Степана Трофимовича обнажает автор-повествователь, который по-своему обосновывает довольно странный способ путешествия Верховенского: «Мне казалось, что мысль о подорожной и лошадях (хотя бы и с колокольчиком) должна была представляться ему слишком простою и прозаичною; напротив, пилигримство, хотя бы и с зонтиком, гораздо более красивым и мстительно-любовным» [17, 480].

4. Зонт как **атрибут власти имеющего**. «Будь только у меня могущество, рассуждал я, мне и не по-

надобится оно вовсе; уверяю, что сам, по своей воле, займу везде последнее место. Будь я Ротшильд, я бы ходил в стареньком пальто и с зонтиком» [18, 74], – замечал Аркадий Долгорукий («Подросток»). Если наличие «старенького пальто» у Ротшильда объясняется далее в контексте романа³, то причина присутствия зонтика становится ясной только при обращении к культурологическим сведениям.

В католичестве зонт с давних времён имел значение регалии власти и выполнял коммуникативную функцию: подданный мог общаться с государем в интимной обстановке на виду у всех [19, 116]. Позже такая традиция переносится и на русскую почву: «“зонтики” несут над головами двух высших обладателей власти – светской и церковной» [19, 141]. В истории культуры зонт имеет то же значение – это «свод Небес, земная и небесная власть» [20, 115].

Поэтому наличие в представлении подростка рассматриваемого аксессуара у Ротшильда трактуется в данном контексте как обладание атрибутом власти.

Мы рассмотрели основные значения, в которых выступает зонт в текстах Достоевского; но в романах есть эпизоды, где интересующий нас аксессуар обладает **семантической многослойностью**.

Самым функционально и семантически насыщенным является зонт Николая Ставрогина. На уровне фабулы представлена история дворянина, который сотрясает умы окружающих: его называют «звездой», «принцем», «Иваном-Царевичем», «талисманом», «предводителем», «солнцем». Вокруг него формируется группа «шутов», основным из которых является Пётр Степанович Верховенский⁴.

Два персонажа, неразрывно связанные с женихом-Ставрогиным и невестой-Лебядкиной, – капитан Лебядкин и Федька-каторжный. Зонтик подлежит рассмотрению в связи с этими действующими лицами.

Упоминается аксессуар в эпизоде похода героя к Лебядкиной. С бытовой точки зрения основное значение и, следовательно, функция зонтика в данном случае – утилитарное: Николай Всеволодович применяет специальное устройство для защиты от дождя. Добавочные значение и функции же проявляются при более близком рассмотрении следующего фрагмента.

³ Старое пальто является отражением идеологии подростка, согласно которой накопление денег возможно лишь при ущемлении всех потребностей, в том числе и в одежде: «Несколько лет назад я прочёл в газетах, что на Волге, на одном из пароходов, умер один нищий, ходивший в отрепье, просивший милостыню, всем там известный. У него, по смерти его, нашли зашитыми в его рубище до трёх тысяч кредитными билетами» [П, 66–67], – рассуждал Аркадий.

⁴ В тексте романа Ставрогин называет его своим шутком 4 раза.

Ставрогин, направляясь ночью в непогоду к семейству Лебядкиных, по пути встречает Федьку-каторжного: «“Не позволите ли, милостивый господин, зонтиком вашим заодно позаимствоваться?”»

В самом деле, какая-то фигура пролезла, или хотела показать только вид, что пролезла, под его зонтик. Бродяга шёл с ним рядом, почти “чувствуя его локтем”, – как выражаются солдатики» [17, 204]. На фабульном уровне описана ситуация сговора заказчика и убийцы, которые, прижавшись друг к другу под зонтиком, им объединяются (отметим коммуникативную функцию).

Далее герой приходит в назначенное место, где его поджидает капитан Лебядкин: «– Это дело; стойте на крыльце. Возьмите зонтик.

– Зонтик ваш... стоит ли для меня-с? – пересластил капитан.

– Зонтика всякий стоит.

– Разом определяете *minimum* прав человеческих...

<...> И, однако же, почти тотчас же, как [Лебядкин] вышел на крыльцо и распустил над собой зонтик, стала наклёвываться в легкомысленной и плутоватой голове его опять всегдашняя успокоительная мысль, что с ним хитрят и ему лгут, а коли так, то не ему бояться, а его бояться» [17, 213]. В данном случае помимо утилитарного значения зонтик приобретает добавочное: регалия власти.

Принимая во внимание многовековую историю семантики зонта и заданную в тексте романа иерархию действующих лиц, можно утверждать, что в «Бесах» происходит карнавальное действие: развенчание короля. Увенчанный король изначально обречён на развенчание: он должен умереть, чтобы воскреснуть: «Царь есть жених и Бог. Он царствует год, а затем умерщвляется или изгоняется <...>; побеждённый смертью, он из царя становится рабом <...>; но это убийство или изгнание благодетельны потому, что <...> он проходит фазу смерти, преодолевает её и снова входит в жизнь царём» [21, 81]. Переход зонта от Ставрогина к Лебядкину знаменует обмен сущностями: король и раб (шут) меняются местами.

Для развенчания необходимо наличие определённых карнавальных категорий: 1) вольный фамильярный контакт; 2) карнавальные мезальянсы (сближение раба и короля); 3) профанация [22, 335]. Все эти категории присутствуют в привлекаемых к анализу эпизодах: попытку Федьки «втиснуться» под зонт Ставрогина можно расценивать как проявление фамильярности; иерархия «царь-Ставрогин и его шуты» – воплощение мезальянсов (сближение того, что раньше было разобщено). Искажение социального статуса Ставрогина⁵ как короля выражает зонтик.

⁵ Ставрогин становится мнимым королём: управляет всем революционным сообществом Пётр Верховенский.

Как показали приведённые примеры, в романах Ф. М. Достоевского внешний вид зонтика зачастую не описывается: автор ограничивается указаниями «свернул» (Николай Ставрогин), «распустил» (Степан Верховенский из романа «Бесы»), «слегка ударила» (Лиза из романа «Подросток»), «принялся искать» (Ракитин из «Братьев Карамазовых»). Из всех романов пятикнижия только в «Преступлении и наказании» появляется цветовой параметр и синонимичный галлицизм «омбрелька».

После посещения полицейской конторы на мосту Раскольников ударили кнутом, после чего купчиха с дочерью подают ему двугривенный: «Но в ту минуту, как он стоял у перил и всё ещё бессмысленно и злобно смотрел вслед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то суёт ему в руки деньги. Он посмотрел: пожилая купчиха <...> и с нею девушка, в шляпке и с зелёным зонтиком, вероятно дочь» [14, 89]. Зонт девушки, с одной стороны, имеет функцию этическую, с другой стороны, – существенным значением обладает упоминание православного собора в следующем предложении: «Он зажал двугривенный в руку, прошёл шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца. <...> Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста <...>, так и сиял...» [14, 89–90]. В православии зелёный цвет – это цвет вечной жизни, символизирующей победу жизни над смертью [20, 359]. В свете сказанного, появление зелёного зонтика в контексте ситуации с Раскольниковым можно истолковать как указание на возможность прощения, высшую милость. Но герой не приемлет милосердия: «Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил её в воду; затем повернулся и пошёл домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [14, 90].

Рассмотрим второй маркированный пример. Впервые Раскольников увидел Соню после трагического происшествия с Мармеладовым, который был раздавлен на улице коляской: «Соня остановилась в сенях у самого порога, <...> забыв и о своём <...> неприличном здесь, цветном платье, <...> и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой...» [14, 143]. На следующий день Соня посещает Родиона Романовича, но совершенно в другом облачении: «Раскольников не узнал её с первого взгляда. <...> только в руках был, по-вчерашнему, зонтик» [14, 181]. Автор обрисовывает два гардероба Сони – «рабочий» и повседневный; но один аксессуар присутствует в двух описаниях – зонтик. Когда речь идёт о том, как выглядит Соня в «нормальной» жизни, писатель использует привычное название «зонтик». Но изображая внешний облик Сони-проститутки, Достоевский употребляет галлицизм «омбрелька». Смена наименования кардинально меняет

контекстуальную семантику самого предмета: зонт – принадлежность приличной девушки, «легкомысленная» омбрелька – элемент гардероба падшей женщины.

Таким образом, зонт в романах Достоевского имеет следующие значения:

А) часть портрета действующего лица (гардеробный этикет XIX века); б) обозначение социального статуса (атрибут предводителя, омбрелька как метка проститутки); в) маркер сюжетного мотива (панибратство Федьки выражено его попыткой залезть под зонт; провал коммуникации между Ракитиным и Алёшей Карамазовым).

В пятикнижии зонт выполняет различные функции: 1) традиционные: этическая (по правилам этикета все приличные женщины в XIX веке при выходе из дома должны были взять зонт); утилитарная функция (защита от дождя / солнца); характеристика личности (зонт предводителя); зонт как средство коммуникации; 2) авторские: дифференцирующая (вещь как опознавательный знак: зонт приличной девушки и омбрелька проститутки); организующая внутри- и межтекстовые связи (объединение действующих лиц в схожих ситуациях); средство связи смысловых пластов (повествовательный – идейный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д. С. Литература – Реальность – Литература / Д. С. Лихачев. – Л. : Современный писатель. Ленинградское отделение, 1981. – 214 с.
2. Киреева Е. В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века / Е. В. Киреева. – М. : Просвещение, 1970. – 165 с.
3. Абрамова Е. И. Костюм как полифункциональная деталь в исторической прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Екатерина Игоревна Абрамова. – Тверь, 2006. – 19 с.
4. Давыденко Л. А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лариса Александровна Давыденко. – Саратов, 2008. – 22 с.
5. Мякинина Е. С. Вещный мир в творчестве Н.В. Гоголя (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и «Петербургских повестей»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Сергеевна Мякинина. – М., 2006. – 17 с.
6. Попова Ю. С. «Язык одежды» в творчестве И.А. Бунина: характерологические и сюжетобразующие функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юлия Сергеевна Попова. – Воронеж, 2012. – 22 с.
7. Мережковский Д.С. Л.Толстой и Достоевский / Д.С. Мережковский. – М.: Наука, 2000. – 588 с.
8. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // Собрание сочинений: в 4 томах. – Т. 4. – Брюссель, 1987. – 800 с.
9. Набоков В. М. Лекции по русской литературе / В.М. Набоков. – М. : Независимая газета, 1999. – 440 с.
10. Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского / А.П. Чудаков // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 4. – Л.: Наука, 1980. – 283 с.
11. Гроссман Л. П. Живопись Достоевского / Л. П. Гроссман // Поэтика Достоевского. – М. : Государственная академия художественных наук, 1925. – 188 с.
12. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий / С. В. Белов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
14. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 6. Преступление и наказание. – 1973. – 424 с.
15. Алешина Т. С. Городской костюм в России XVIII – начала XX века / Т. С. Алешина // Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России XV – начала XX века. Из собрания Государственного исторического музея. – М. : АРТ-РОДНИК, 2000. – 231 с.
16. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 15. Братья Карамазовы: книги XI–XII. Эпilog. – 1976. – 624 с.
17. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 10. Бесы. – 1974. – 520 с.
18. Достоевский Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 томах. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 13. Подросток. – 1975. – 456 с.
19. Бойцов М. А. Папский зонтик, Бог Гелиос и судьбы России / М. А. Бойцов // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – Вып. 6. – М. : ОГИ, 2005. – 99–154.
20. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М. : Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. – 401 с.
21. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
22. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : NEXT, 1994. – 508 с.

Смоленский государственный университет
Гарнова К. В., соискатель
E-mail: crisdiamond@yandex.ru

Smolensk state university
Garnova Ch. V., Researcher
E-mail: crisdiamond@yandex.ru

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОГО СНОВИДЕНИЯ В РОМАНЕ МИЛОРАДА ПАВИЧА «ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ»

М. А. Гордина

Иркутский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию онейрического текста романа М. Павича «Хазарский словарь». Автор рассматривает реализацию приёма разделенного сновидения в романе, а также обращается к особенностям онейрического архетипа, представленного в «Хазарском словаре».*

Ключевые слова: *онейротоп, онейрический текст, литературное сновидение, архетип сновидения.*

Abstract: *the article presents the analysis of the dream narrative in the novel by Milorad Pavić «Dictionary of the Khazars». The article considers the method of a divided dream as well as the features of the dream archetype in «Dictionary of the Khazars».*

Keywords: *dream sign, dream narrative, literary dream, dream archetype.*

Изучение особенностей литературных сновидений, или художественная гипнология, онейропоэтика, является одним из наиболее интересных направлений современных литературоведческих исследований. Особенный интерес, на наш взгляд, представляют работы Т. Ф. Теперик [4], В. В. Савельевой [3] и Н. Нагорной [1], посвящённые данной тематике, а также «сноведческие» труды В. Топорова, А. Ремизова, В. Брюсова, М. Волошина и др. Прежде всего, стоит определиться с тем, что мы будем понимать под онейрическим текстом (oneiros (греч.) – сон). Обратимся для этого к определению, данному В. Савельевой в монографии «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей»: «Онейрический текст – вербально оформленное сновидение персонажа или писателя; это письменный сложно организованный авторский и персонажный рассказ вымышленного сновидения, содержащий элементы спонтанной внешней и внутренней речи, описания, нарративные эпизоды, ремарки, комментарии, включающий фрагменты рефлексии и интерпретации» [3, 14].

Таким образом, онейрический текст – это описание вымышленного сновидения, литературного сна. Кроме того, употребление термина «онейрический текст», как нам кажется, вполне уместно при обозначении совокупности «сновидных» элементов творчества того или иного автора (сны персонажей, онейрические состояния: бред, галлюцинации и т.д.), представленных в его произведениях. Например, речь может идти об онейрическом тексте Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, В. Набокова и т. д.

В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении особенностей онейропоэтики романа Милорада Павича «Хазарский словарь». Для этого

следует прежде всего уточнить, что события «Хазарского словаря» происходят в трёх временных пластах: во время хазарской полемики (861 год), в 17 веке и в 1982 году (конференция в Царьграде). На всех трёх уровнях романа сны персонажей играют важнейшую сюжетную функцию, то есть влияют на ход сюжета, направляют действия героев, предсказывают им грядущие события и т. д. Так, самое первое событие романа, которое «запускает» весь последующий сюжет – хазарская полемика (прения представителей христианства, иудаизма и ислама о том, какую веру следует принять хазарам) – происходит как следствие сна, увиденного хазарским правителем, и необходимости его истолкования.

Одним из самых распространенных способов изображения литературного сновидения в «Хазарском словаре» является приём *разделённого сна* [3], то есть сна, который снится одновременно двум и более людям. Данная особенность онейропоэтики вполне органична для текста романа и вытекает из самого его сюжета, ведь собирателями текста словаря, как правило, являются участники секты ловцов снов – люди, способные проникать в чужие сновидения. Ловцы снов путешествуют по чужим снам, разделяют их со спящими, ищут в миллионах снов частички тела ангельского предка людей. При этом особенной удачей считается найти двух людей, которые связаны сном, то есть живут, видя друг друга во сне. Явь одного – это сон другого, и наоборот. Одному из последних ловцов Юсуфу Масуди это удаётся, он после долгих блужданий по чужим снам находит Аврама Бранковича и Самуэля Коэна – христианского и иудейского собирателей словаря. Вот как Павич описывает «охоту» ловца снов на Коэна: «Выслеживая свою добычу, Масуди шел из города в город вдоль берега Черного моря. Он начал подмечать особенности тех, кто видит сон, ставший его

целью. Там, где число людей, которых во сне навещает седоусый юноша, увеличивалось, он отмечал удивительные вещи: глаголы в речи приобретали более важную роль, чем существительные, которые при малейшей возможности вообще выбрасывались. Иногда юноша появлялся во снах целых групп людей. Армянские купцы видели его под виселицей, установленной на повозке, запряженной волами...» («Зелёная книга») [2, 166–167].

Сам Юсуф Масуди пишет исламскую версию текста. Интересно, что все три собирателя чувствуют недостаточность своего варианта словаря и мечтают найти свидетельства представителей других религий. Они стремятся к встрече друг с другом, к соединению трёх фрагментов в один сакральный текст, чему всеми силами стараются помешать различные демоны. Вот как об этом рассуждает Самуэль Коэн в «Жёлтой книге» «Хазарского словаря»: «*Может быть, где-то в мире есть двое, которые ищут меня так же, как я ищу их. Может быть, они видят меня во снах, как и я их, жаждут того, что я уже знаю, потому что для них моя истина – тайна, так же как и их истина для меня – сокрытый ответ на мои вопросы...*» [2, 246].

Так же как три версии словаря составляют единый текст, три его собирателя являются как бы разделёнными по странам и религиям частями одного человека. Они вечно ищут друг друга и не чувствуют полной гармонии, пока не обретут единства. Интересно в связи с этим упоминание Павичем троицы, которая, по предположению Коэна, является необходимым основанием любого самостоятельного творения, будь то мироздание или сакральный текст-тело хазарского словаря. И эта троица не только единство души, духа и плоти, но и синтез христианства, ислама и иудаизма:

«В Талмуде написано: «Пусть идет, чтобы его сон был истолкован перед троицей». Кто моя троица? Не рядом ли со мною и второй, христианский охотник за хазарами, и третий, исламский? Не живут ли в моих душах три веры вместо одной? Не окажутся ли две мои души в аду и лишь одна в раю? Или же всегда, как и в книге о сотворении света, необходима троица, а кто-то один недостаточен, и поэтому я не случайно стремлюсь найти двух других, как и они, вероятно, стремятся найти третьего» [2, 246].

Собиратели незримо связаны с хранителями древней религии хазар – сектой ловцов снов. Хазарские жрецы путешествовали по чужим сновидениям, стремясь вербально воссоздать тело ангельского первочеловека Адама Рухани (в Зелёной книге), или Адама Кадмона (в Жёлтой книге), существо которого растворено во снах всего человечества как чистой, истинной реальности, объединяющей людей независимо от их веры. Найденные частицы фиксируются ловцами в письменной форме, собираются в так называемые энциклопедии, или словари. Таким

образом, все сохранившиеся тексты хазарского словаря представляют собой материальное воплощение, своеобразную «икону» ангельского первочеловека Адама, сакральный текст-экфрасис. Именно поэтому на собирателей словаря как религиозного текста охотятся демоны всех трёх преисподней.

Отдельного внимания заслуживает пример разделенного сна Авраама Бранковича и Самуэля Коэна. В. Савельева в монографии «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей» указывает на то, что ситуация разделенного сна свидетельствует об особой незримой связи между героями [3], которые включены в это общее для них пространство. Интересно, что герои Павича не просто видят один сон, они связаны сновидной материей настолько, что один остаётся живым только, пока жив второй. Герои видят во сне явь друг друга, то есть не могут бодрствовать одновременно, поэтому Коэн спит ночью, а Бранкович засыпает всегда только днём. Явь Коэна, например, со временем вытесняет из снов Бранковича следы его собственной яви и личной жизни, полностью заменяя их собой в сновидном пространстве. Во сне Авраам чувствует себя моложе, перестаёт хромать, осознаёт себя представителем другой религии и т. д. То же самое происходит и с Коэном: «Сам Бранкович говорит о своем сне, что сначала он почувствовал какое-то беспокойство, которое, подобно камню, брошенному в его душу, падало через нее на протяжении дней, и падение это прекращалось только ночью, когда вместе с камнем падала и душа. Позже этот сон полностью овладел его жизнью, и во сне он становился в два раза моложе, чем наяву. Из его снов навсегда исчезли сначала птицы, затем его братья, потом отец и мать, простившись с ним перед исчезновением. Потом бесследно исчезли все люди и города из его окружения и воспоминаний, и наконец из этого совершенно чужого мира исчез и он сам...» («Красная книга» [2, 51].

Рассматривая особенности онейрического текста того или иного автора, можно проследить некую закономерность, схему, по которой в его произведениях происходит погружение в сон и пробуждение, выяснить, как чаще всего засыпают герои (внезапно, долго мучаясь бессонницей), что видят во сне, как просыпаются (спокойно, в состоянии падения и т. д.) В связи с этим продуктивным представляется обращение к понятию *архетипа сновидения*, которое предлагает в своей работе В. Савельева [2]. Исследователь определяет *онейрический архетип* как «индивидуально-авторскую версию представления триединой архетипической ситуации засыпания-сновидения-пробуждения» и указывает, что «онейрический архетип относится к категории литературных архетипов, которые являются в определенной мере сознательными вторичными архетипами в противовес архаическим, которые базируются на коллективном бессознательном» [3, 82].

Любое литературное сновидение – это, как правило, своеобразное «путешествие», перемещение из исходного времени-пространства в сновидную реальность с последующим возвращением. Именно поэтому Савельева пишет об архетипе сновидения как «пространственно-временной композиционной и мнимой сюжетной петле с кольцевым возвращением в исходный локус и топос» [3, 82].

Если обратиться к тексту романа Павича, то становится очевидным, что в данном случае ситуация засыпания зачастую имеет спонтанный, внезапный характер. Герои проваливаются в сон, стремительно переносятся в сновидную реальность и так же стремительно из неё возвращаются. Например, Авраам Бранкович, который засыпает в тот момент, когда просыпается Коэн, то есть днём, опасается того, что неожиданно уснёт, потеряет связь с реальностью где-нибудь в неподходящем месте. Это не касается участников секты ловцов снов, они попадают в чужие сны по собственному желанию и сами выбирают нужный момент. Например, Юсуф Масуди подбирается к спящим людям и проникает в их сны в поисках Коэна, а принцесса Атех вообще вечно путешествует по человеческим снам и только в них может познать земную любовь. Таким образом, герои романа, не наделенные способностями ловцов снов, как правило, попадают в пространство сна неожиданно и так же неожиданно из него возвращаются, а ловцы снов способны контролировать засыпание и пробуждение.

Литературное пространство «Хазарского слова-

ря» Милорада Павича чрезвычайно насыщено образами различных религий, фантастично и многослойно, автор запутывает читателя, чтобы потом подарить ему радость «собрания» из множества частиц единой картины древней причудливой истории. Немалую роль в построении романной яви «Хазарского словаря» играет онейрический текст. При исследовании литературных сновидений романа можно обнаружить различные варианты изображения пространства литературного сна, представляющего собой «кольцевое путешествие» из «яви» в сновидную реальность с дальнейшим возвращением, а также влияние онейрического текста на развитие сюжета произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм / Н. А. Нагорная. – М. : МАКС-Пресс, 2006. – 258 с.
2. Павич М. Хазарский словарь: роман-лексикон. Мужская версия / М. Павич / Пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб. : Азбука, 2000. – 386 с.
3. Савельева В. В. «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей»: монография / В. В. Савельева. – Алматы : Жазуши, 2013. – 520 с.
4. Теперик Т. Ф. Поэтики сновидений в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана): автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т.Ф. Теперик. – Москва, 2008.

Иркутский государственный университет

*Гордина М. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента
E-mail: m-gordina@mail.ru*

Irkutsk State University

*Gordina M. A., Candidate of Philology, Lecturer of the Journalism and Media Management Department
E-mail: m-gordina@mail.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ГЛАЗА»)

С. А. Губанов

ЧОУ ВО «Международный институт рынка» (Самара)

Поступила в редакцию 26 ноября 2015 г.

Аннотация: целью данной статьи является аналитическое описание особенностей художественного концепта, механизмов его построения и функционирования в конкретном эстетически маркированном тексте; отмечаются признаки креативного концепта.

Источником для исследования послужили тексты Марины Цветаевой. В работе дается попытка показать языковую специфику осмысления поэтом одного из ключевых для его творчества концептов – концепта «глаза/взгляд» средствами эпитетного ряда.

Ключевые слова: концепт, эпитет, Марина Цветаева, стилистический эффект, ключевое слово, метафора, метонимия.

Abstract: the purpose of this article is an analytical description of the features of the art concept, the mechanisms of its construction and operation of a particular aesthetic bulleted text; signs of a creative concept. The source for the study is based on the texts of Marina Tsvetaeva. The paper presents an attempt to show the specificity of language comprehension of the poet one of the key concepts of his work – the concept of «eye / sight» means epithet series.

Keywords: concept, epithet, Marina Tsvetaeva, stylistic effect, keyword, metaphor, metonymy.

В статье рассмотрим понятие художественного концепта на примере вербализации базового (частотного) концепта «глаза» в текстах Марины Цветаевой в составе эпитетной структуры (эпитет и определяемое слово). Выбор данного поэта обусловлен неординарной логикой поэтического мышления М. Цветаевой, а также ролью эпитета в ее творчестве [1].

Центральным понятием когнитивной лингвистики является понятие **концепта** как универсальной познавательной единицы, вербализованной и имеющей различные реализации в культуре и языке. Статус концепта признается за ментальными образованиями любой степени общности, обладающими внутренней семантической расчлененностью, отмеченными этнокультурной спецификой и находящими фиксированное языковое выражение [2, 54]. Остановимся на трактовке метафорического, художественного концепта и метафорической модели как полной реализации художественного смысла.

Категория метафорической / метонимической модели, центральная для нашего исследования, предполагает выявление взаимодействия двух структур знания: когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [3]. Метафорическая модель устанавливает связь между этими областями. Само понятие метафорической модели имеет разное наполнение. В когнитивной

теории она понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности, структурированная, как уже отмечалось, двумя взаимосвязанными концептуальными сферами [4]. С когнитивным направлением смыкается исследование регулярной многозначности и регулярности семантических преобразований в рамках лексико-семантического подхода [5].

Ключевые концепты поэтической модели мира писателя, вывод о центральном положении которых делается на основе критериев коммуникативной, смысловой и эстетической значимости их ключевых слов-репрезентантов, образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую эстетическую программу художника слова, тематическое, идейное и жанровое своеобразие его творчества.

В последнее время появляются работы, посвященные рассмотрению центральных для творчества М. И. Цветаевой смыслов, или ключевых слов. Из основных, ведущих концептов автора складывается его языковая картина мира. Для М. И. Цветаевой такими концептами являются концепты Душа [6], Деревья [7] и некоторые другие, причем количество их у разных исследователей разное (от нескольких до десятка, в том числе *верста*, *бузина*, *рябина*, *дом*, *Москва* и другие). Основным критерием при их выделении и описании для исследователей выступает их концептуальная значимость для мировосприятия М. И. Цветаевой, их частотность, наличие одноимен-

ных стихотворений и циклов стихов; учитывается их роль в организации поэтического мировидения в определенный период творчества.

Всего нами было проанализировано более 2500 именных контекстов. Глагольная лексика также частично включалась в состав выборки, но лишь та ее часть, которая оказывалась наиболее близкой к именной (причастия, слова категории состояния) и интерпретируемой в качестве эпитета.

Субстантив *глаза* является своеобразным «семиотическим центром лица». В русском сознании глаза ассоциируются с тем органом, посредством которого можно узнать, «узреть» о внутреннем состоянии человека, то же относится и к взгляду, взору (см. выражения *выражение лица, глаз, но не носа*). Именно глаза способны представить любую из ипостасей человека – в этом концепте сливаются внешняя и внутренняя явленность человека в мире (глаза *добрые, умные, бесстыжие, заботливые, утомлённые, грустные, больные, гордые, воровские* и т. д.).

Именную структуру концепта *глаза* в нашем материале составляют следующие имена: *глаза* (177 употреблений), *очи* (33), *взгляд* (37), *взор* (25), *веки* (9), *ресницы* (4), *слезы* (3), *брови* (3), *завитки ресниц* (1), *зрачок* (1), *зрение* (1), *зоркость* (1), *роскось глаз* (1). Они связаны между собой отношениями смежности – как целое и часть (*глаза – зрачок* и др.), как предмет и его состояние (*глаз – взгляд*), предмет и его качество (*глаз – роскось*) и др.

В составе эпифраз данный концепт представлен 296 определениями при его именах, что говорит о его большой актуальности в рамках эпифраз. Посредством обращения к этому концепту интерпретируются многие основные качества человека, по глазам можно узнать о внутреннем состоянии субъектов – как «обладателе» глаз, так и созерцающего, наблюдателя.

М. И. Цветаева так комментировала метонимические переносы определения с именем данного концепта: «Не глаза – страстные, а я чувство страсти, вызываемое во мне этими глазами, приписала глазам. Не я одна. Все поэты» [8, т. 6, 206]. Данная цитата говорит о том, что М. И. Цветаева указывала на распространенный характер таких переносов, зная их продуктивность и частотность в речи и в своем творчестве, это своеобразный ключ к пониманию многих словоупотреблений поэта.

Как показал анализ, большая часть эпитетов, зафиксированных в контексте этих субстантивов, репрезентантов концепта «глаза», представляют собой результат переноса качеств с человека на его глаза, части глаз (*веки, зрачок, ресницы, завитки ресниц, веки*), их состояние (*взор, взгляд, слезы*). Наиболее частотны в контексте названных существительных следующие эпитеты: *печальный, грустный* (98 единиц); *задумчивый* (36); *юный* (21).

Преобладание эпитетов *печальный, грустный* свидетельствует о том, что для поэта более характерно это эмоциональное состояние субъекта; в лексемах, воплощающих концепт *глаза*, актуализируется значение «*глаза – зеркало души*». Не менее важной характеристикой субъекта является и мыслительная, сопряженная с внутренними переживаниями и потому не выступающая в чистом виде (*задумчивый*). Сема наивности, чистоты вербализируется в определении *юный*.

Экспансия определения на смежные реалии в поэзии М.И. Цветаевой реализуется тотально, массово, что может быть сопоставлено только со свободой разговорной речи. Это объясняется отсутствием скованности нормами сочетаемости определений с определяемым словом. К примеру, выражение *памятливые глаза* явно окказионально, но вполне закономерно в рамках описываемой нами тенденции. Поэту важно увидеть в глазах любимого человека прошлое; с другой стороны, возможна интерпретация данного выражения и как *глаза, способные многое помнить*. Таким образом, выражение вызывает целый шлейф ассоциаций и возможных толкований.

Набор определений при всех именах, воплощающих концепт *глаза* (глаза, взгляд, ресницы и др.), одинаков, что говорит о единой тенденции переноса определения – процесса наделения основными, ключевыми качествами человека не только концепта *глаза*, но и его частей, проявлений, продуктов деятельности (слезы). Функция таких переносов состоит не просто в передаче значения (*глаза грустные ↔ человек грустный*), но и в экспрессии, в подчеркивании необычности качества, места его локализации.

Главная синонимическая триада *грустный – печальный – тоскливый* представлена с уточнением и градациями: *неумолимо-грустный, печально-братский, невозможно-печальные* и т.д. Другая синонимическая пара *юные – младенческие* подчеркивает наивность, неопытность.

Представим корпус определений, зафиксированный в текстах произведений М. И. Цветаевой при лексемах, воплощающих рассматриваемый концепт. В статье анализируем его основное имя – *глаза*.

С именами *глаза* и *очи* зафиксированы эпитеты: *грустный, печальный* (87 употреблений), *задумчивый* (35), *юный* (11), *сонный* (10), *невинный* (5), *ласковый* (4), а также представленные единичными употреблениями *бесполезный, вероломный, гневный, горящий, грозный, жаждущий, страстный, кроткий, смиренный, невнятный, робкий, строгий, требующий, степенный, не зная желаящий, смертный, пасхальный, передающие широкий спектр чувств и состояний*.

Приведем контексты, в которых употреблены данные эпифразы:

а) с эпитетом *грустный (печальный), горюющий*: *У мамы сегодня печальные глазки* [8, т.1, 103]; *И глаза твои, грустные, те же* [8, т.1, 72]; *Черный лишь пряности / Цвет – горюющим очам* [8, т.3, 631]; *Отчего твои очи грустны?* [8, т.1, 369]; *В страну ... Печальных глаз и роз лимонных* [8, т.1, 21];

б) с эпитетом *задумчивый*: *И, отвернув задумчивые очи, / Он продолжал заоблачный свой путь.* [8, т.1, 361];

в) с эпитетом *сонный*: *Самое святое дело мне – / Сонные глаза стеречь!* [8, т.1, 164].

Необходимо отметить, что в большинстве текстов М.И. Цветаева говорит о глазах других лиц: персонажей, возлюбленного, подруги. Все эти характеристики передают именно ее, авторское, субъективное восприятие человека, его характера, состояния в данный момент (ср. *невыразимо-нежные, близкие и ненавистные и – памятливые* (о себе)).

Окказиональная сочетаемость эпитета и субстантива, а также самих эпитетов при одном субстантиве может быть выражена посредством использования компаративной конструкции или третьего эпитета: *Твои глаза зеленые, Прозрачные, как ложь* [8, т. 2, 49]. Глаза – это главный выразитель чувств человека, то, что говорит нам о человеке, его сущности и, с другой стороны, о его сиюминутном состоянии. Они становятся прозрачными, и это свойство начинает говорить нам о человеке как о противоречивом субъекте.

Прозрачные глаза – 1) бесцветные (прямое, лежащее на поверхности значение); 2) бездушные (производная характеристика, метафорический перенос); 3) как и слова, лживые, но ложь эта хорошо видна, она легко угадываема (это значение формируется на базе компаративной конструкции).

Языковое моделирование визуального концепта строится на расширении сочетаемостных свойств имени *глаза*: оно употребляется с прилагательными психофизиологического характера и приобретает объемную семантику: глаза становятся именно тем органом, который способен выразить всю гамму чувств, испытываемых человеком, не ограничиваясь

стереотипами (они зафиксированы в узусе и словаре в выражениях типа *печальные глаза*). Потенциал смещенного определения, или переносного эпитета, в формировании семантического богатства имени концепта огромен: любое «психологическое» определение используется М.И. Цветаевой в сочетании с этим концептом, что рождает неожиданные образы. Таким образом, рассмотрев функционирование концепта «глаза» в текстах М. Цветаевой в рамках эпитетного ряда, мы смогли установить антропоцентричную логику осмысления данного концепта, которая проявляется как на уровне имени концепта, так и на уровне подбора эпитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Губанов. – Самара, 2009. – 24 с.

2. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар : ИТДК «Гнозис», 2002. – 236 с.

3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УРСС, 2001. – 238 с.

5. Илюхина Н. А. Языковая образность в фокусе семиологического и лингвокогнитивного взглядов (к вопросу об интеграции подходов) / Н. А. Илюхина // Языковая личность-текст-дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. – Ч. 1. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 38–43.

6. Войтехович Р. С. Образ Психеи в творчестве М. Цветаевой / Р. С. Войтехович. – М. : Просвещение, 2003. – 202 с.

7. Ревзина О. Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой / О. Г. Ревзина // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1982. – Вып. 576. – С. 141–148.

8. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах / М.И. Цветаева. – М. : Эллис-Лак, 1994.

ЧОУ ВО «Международный институт рынка»
Губанов С. А., доцент кафедры германских языков
gubanov5@rambler.ru

International Market Institute
Gubanov S. A., assistant professor of the department
germanic languages
gubanov5@rambler.ru

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТИПОВЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

В. Е. Замальдинов

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Поступила в редакцию 19 марта 2016 г.

Аннотация: рассматриваются структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве как фактор экспрессивизации текста. Описывается префиксация как один из способов создания окказионализмов.

Ключевые слова: экспрессивность, словотворчество, СМИ, окказионализмы стандартной структуры

Abstract: examines the structural features a typical new words in media as a factor of expresivitatea text. Describes prefixation as a way of creating occasional words.

Keywords: expressivity, word creation, massmedia, occasionalisms standard structure.

Основной функцией средств массовой информации (СМИ) считается донесение информации. Однако «к началу XXI века СМИ превратились в сильнейшее средство воздействия на массовое сознание. Можно сказать, что в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции (например, информирования) и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [1, 11]. «Таким образом, язык СМИ (массовой коммуникации) можно определить как широкое функционально-стилевое единство, в рамках которого объединяются языковые средства разных функциональных стилей (прежде всего газетно-публицистического), а также нелитературных средств (просторечие, жаргоны)» [2, 12].

В современных СМИ значительную роль играют новообразования стандартной словообразовательной структуры, построенные по существующим в современном русском языке моделям и типовым образцам. Новообразования стандартной структуры – это потенциальные слова, производные или сложные слова, реально не существующие (т. е. не зафиксированные в реально осуществившихся уже произведениях речи), но могущие создаться в любой момент в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями данного языка [3, 331].

В журналистских текстах можно обнаружить большое количество окказионализмов со следующими префиксами: *не-, анти-, сверх-, супер-, от-, да-, контр-, недо-, псевдо-, квази-* и др. «Экспрессивность окказионализмов, созданных узуальными способами, может создаваться благодаря семантико-стилистическим свойствам производящей лексемы и характеру денотата, номинируемого окказионализ-

мом, благодаря оценочности аффиксов, экспрессивности самой словообразовательной модели» [5, 51].

К оценочным аффиксам можно отнести заимствованный префикс **анти-** со значением противоположности или противопоставленности. При помощи префикса **анти-** образуются имена существительные со значением «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» [6, 224] и прилагательные со значением «направленный против того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» [6, 302]: «ГУММид: вместо **антитеррора** – деньги на премии» («Ленинская смена». 14.11.13); «Принят **антиспайсовый** закон» («Борское информационное агентство». 06.02.15); «Редакция обнаружила **антикризисные меры** с сайта госзакупок: люксовые подарки, алкоголь, бесполезные проекты, сверхдорогая аренда автомобилей, а также интеллектуальный аутсорсинг» («Новое дело. Нижний Новгород». 25.02.15); «Под болтологию о социальной направленности бюджетов всех уровней, приоритете социальной политики в Нижегородской области в последние год-два проводится **антисоциальный эксперимент**» («Зеркало». 14.08.15); «Патриарха Кирилла попросили ввести в таинство венчания **антиабортную клятву**» («Новое дело. Нижний Новгород». 02.03.16). Расширение синтагматических возможностей и особая словообразовательная семантика проявляется у данного префикса в сочетаемости с аббревиатурами, с одушевленными существительными, с именами собственными, с междометиями и числительными: «21 февраля по всей стране прошли митинги **антимайдан**» («Борское информационное агентство». 25.02.15); «**Антишанцевский** *“сити”* хотя бы

начнет биться с областным правительством за интересы города...» («Ленинская смена». 25.12.15); «Доклад Совета Европы по трагедии в Одессе 2 мая: **“антимайдановцы”** сами сожгли себя» («Новое дело. Нижний Новгород». 05.11.15); «Нужен альтернативный отчет – **“антисорокин”**» («Зеркало». 25.03.14); «**Антивалдайская** речь. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин произнес валдайскую речь» («Ленинская смена». 31.10.14); «У гидроторфного противостояния **“глушковцев”** и **“антиглушковцев”** есть местная и глобальная подоплёка» («Ленинская смена». 08.09.14); «В этом смысле позиции Владимира Путина и **“антиглушковской”** оппозиции совпадают, а у Глушковых совпадают с позицией группы лиц из правительства области» («Ленинская смена». 08.09.14); «Видимо, **антиглушковская** оппозиция признана несистемной силой» («Новая газета в Нижнем Новгороде». 04.04.14). Тем самым нарушаются условия словообразовательного типа, и новообразования перестают быть потенциальными, становятся нестандартными.

В текстах нижегородских СМИ встречаются новообразования с латинским префиксом **про-**, которые «имеют значение “приверженный тому, осуществляемый в пользу того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное”» [6, с. 307]: «**Ответ прощанцевским** провокаторам!» («Ленинская смена». 16.01.14); «**CNN** впервые честно назвала армию Украины **“проамериканскими** войсками» («Комсомольская правда в Нижнем Новгороде». 10.02.15); «В субботу, во время проведения либеральной оппозицией **“Марша памяти Бориса Немцова”** в Москве, неизвестные **проукраинские** экстремисты напали на одинокого беззащитного старика...» («Новое дело. Нижний Новгород». 29.02.16).

Высокую активность в нижегородских СМИ проявляют окказионализмы, образованные при помощи префикса **супер-**: «**Супераферист** или **зиц-председатель?**» («Ленинская смена». 22.03.15); «**“Водоканал”** станет **супермиллиардером**» («Зеркало». 25.09.14); «**Секретный, суперинтересный**» («Нижегородская правда». 14.07.15. № 70); «**Супермозг – открыто!**» («Нижегородская правда». 29.05.14. № 55); «**Составлен топ-7 суперкрутых аттракционов на Покровке**» («Про Город. Нижний Новгород». 22.01.16); «**Супертепллица на Бору**» («Борское информационное агентство». 03.07.15); «**Напечатает пальцы и добудет гелий на Луне! Нижегородские школьники конструируют роботов с супер-способностями**» («Город и горожане». 22.01.15); «**Стали известны первые результаты “супервторника” в США**» («Новое дело. Нижний Новгород». 02.03.16); «**В Нидерландах создали мерцающую суперъяхту для миллиардеров**» («Новое дело. Нижний Новгород». 04.03.16).

Достижения научно-технического прогресса активизировали употребление в текстах СМИ деривационного аффикса **нано-**. Семантика префиксоида определяется как ‘равный миллиардной доле исходной единицы измерения’. Исследователи отмечают, что «в последнее время **нано-** используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где **нано-** указывает на отношение к нанотехнологиям» [7, 52]: «**Вся нанопрактика региона**» («Нижегородская правда». 14.07.15. № 70); «**Нано-протезы для Шарика (Нижегородский госпиталь для животных на базе приюта не имеет аналогов в России)**» («Город и горожане». 30.09.15); «**Народная новость: “наноасфальт” на дорогах**» («Нижний сейчас». 02.07.15).

Активны в нижегородских медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными суффиксами. Так, в создании инноваций активно участвует суффикс отымённых существительных с семантикой неодобрения **-щин(а)**: «**Борьба с “москальщиной” в незалежной продолжает приобретать формы острого психического расстройства**» («Комсомольская правда в Нижнем Новгороде». 27.05.15); «**Особенность этих “локальных” выборов <...> состоит в том, что “по Гидроторфу” досрочно выдвинулись как сам глава МСУ Балахнинского района Глушков со своими ближайшими “корешами”, так и самые главные его оппоненты – ряд депутатов городской Думы Балахны, которые, пытаясь привлечь внимание губернатора и правоохранительных структур к “глушковщине”, блокировали на несколько месяцев работу городского представительного органа**» («Ленинская смена». 08.09.14); «**Путин против “глушковщины”**» («Ленинская смена». 08.09.14); «**Вдруг они за год, к большой выборной кампании 2015 года, станут реальной альтернативой “глушковщине”?**» («Ленинская смена». 08.09.14); «**В Балахнинском районе сложился уникальный режим власти – “глушковщина”**» («Зеркало». 26.11.13); «**В народе заговорили, что все эти куцевские образы воплотились не только в глушковщине (как прозвали люди творящийся в Балахне бардак), но и в попытках победить её**» («Новая газета в Нижнем Новгороде». 05.04.14); «**Жиделевщине – нет, команде Каргина – да!**» («Зеркало». 01.09.15); «**Вступив в должность главы администрации в постапокалиптической обстановке, когда над городом только потух ядерный гриб “двухолеговщины”, а радиоактивный дождичек орошает развалины городского хозяйства, можно разве что нацепить химзащиту и пошуршать под завалами в поисках чего-нибудь ценного, а потом эвакуироваться на безопасное расстояние**» («Зеркало». 23.12.15); «**Имея специфический опыт работы в Москве (“лужковско-батурицкий ампири”), Шанцев, как талантливый копировальщик, решил продублировать “лужковщину” в Нижегородской области**» («Зеркало». 15.04.15); «**А ведь сейчас чувствуется,**

что «*шанцевщина*» исчерпала себя полностью» («Зеркало». 15.04.15). Как видно из примеров, оценочные окказионализмы часто производятся на базе собственных имен (А. Глушков, Ю. Жиделёв, О. Кондрашов, О. Сорокин, Ю. Лужков, В. Шанцев), а также от имен нарицательных (*москаль*). «Причем оценки могут быть разными и зависят от того, кто создает слова – сторонники или противники именуемого. Но в большей своей части оценки все-таки отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой» [8, 152].

Ярким экспрессивно-оценочным средством выступают новообразования с суффиксом отвлеченной признаковой семантики **-изм**: «*Да-а-а, похоже у нижегородцев мания “каргинизма”*» («Зеркало». 30.06.15); «*Такому виду гражданской активности журналисты даже придумали отдельное название – “каргинизм”*» («Ленинская смена». 25.05.14); «*Путинизм в действии*» («Агентство политических новостей-Нижний Новгород». 17.12.12); «*Но из этого не следует делать вывод о том, что понятие местной политической элиты – это убогий провинциализм*» («Зеркало». 22.10.15). Таким образом, новообразования «*каргинизм*», *путинизм* и *провинциализм* относятся к одному и тому же словообразовательному типу, поскольку они мотивируются существительными (*Д. Каргин, В. Путин, провинция*) и имеют один и тот же формант – суффикс **-изм**, обозначающий действие и представляющий собой «названия идейных и политических направлений, склонностей» [6, 162].

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Замальдинов В. Е., аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания

E-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Анализ структурных особенностей типовых новообразований в медийном словотворчестве показывает, как словообразовательная система языка реагирует на политическую, культурную, языковую, социально-психологическую ситуации в обществе. При создании таких слов выражается эмоциональная оценка происходящего, разрушение известных стереотипов, обнародование мнения, снятие напряжения. Типовые новообразования в нижегородских масс-медиа, как правило, злободневны, остры и откровенны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М., 2015. – 296 с.
2. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 598 с.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М., 2011. – 328 с.
5. Рацибурская Л. В. Проблемы современного медийного словотворчества / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова. – М., 2015. – 136 с.
6. Русская грамматика. Т.1. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 792 с.
7. Николина Н. А. Современный русский язык. Морфемика / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. – М., 2013. – 144 с.
8. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М., 2003. – 304 с.

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Zamaldinov V. E., Post-graduate Student of the Modern Russian Language and Common Linguistics Department

E-mail: zvlad-nn@yandex.ru

ДЕКОДИРОВАНИЕ ТРОПЕЙЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ В ДИСКУРСЕ ЗАГЛОВОК ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Л. Н. Казакова

Юго-Западный государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2016 г.

Аннотация: *цель данной статьи – сопоставить лингвостилистические особенности заголовков русскоязычных и англоязычных газет и журналов в аспекте перевода. Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что язык средств массовой информации отражает уровень развития культуры современного общества в целом, поэтому его называют выразителем языкового вкуса эпохи. Чем более сложный комплекс приемов представляет собой заголовок, тем более внимательное и детальное декодирование требуется от переводчика.*

Ключевые слова: *тропическая комбинация, заголовок, декодирование, интертекстуальность, перевод.*

Abstract: *this article compares the linguistic devices and in the titles of Russian, American and British newspaper and journal articles from the aspect of their translation. The more complicated the title is the more careful and detailed decoding it takes. It is topical because language of modern Mass Media expresses the language style of the entire epoch, besides, it reflects the level of language and culture development as well as the total society progress.*

Keywords: *combination of tropes, title, decoding, intertextuality, translation.*

Как правило, заголовок дается тексту уже после его написания, как итоговый штрих, словно украшение на торте. Стиль и форма украшения в полной мере становятся понятны автору только после того, как готов сам торт. Заголовок служит своего рода прианкой, зазывалой, способным повлиять на рецепцию читателя, воздействуя на его эмоции. Его задача – вызвать интерес и пробудить ассоциации, что обуславливает сильную позицию заголовка в тексте. К лаконичному заголовку предъявляются особые требования: будучи связан со всем текстом, он отчасти самостоятелен и должен быть понятен читателю и вне основного текста. Термин «сильная позиция» в отношении заголовка впервые применила И. В. Арнольд [1, 77] в процессе исследования сегментов художественного текста, рассматривая стилистику декодирования в аспекте рецептивной теории. По мнению исследователя, отношение к тексту со стороны реципиента имеет особое значение. Назывная функция заголовка связана, как подчеркивает Арнольд, с понятием нормы, которую следует трактовать как структурно-семантическую нейтральность высказывания. Термин «тропическая комбинация» (ТК) был введен С. Ф. Гончаренко в 1988 в работе о сущности поэтического перевода и означает ситуацию, когда «тропическая образность создается посредством комбинаторного сочетания нескольких стилистических приемов» в структуре одной синтагмы [2, 19].

В научной парадигме заголовки исследовались в первую очередь в аспектах функционирования, стилистики и грамматики. Исследование специфики функционирования, грамматических и стилистических особенностей заголовка актуально в аспекте членения текста, позволяет применять и совершенствовать разные методики структурного анализа. Сегодня в языкознании исследуется аттракционная природа заголовков [4], проводится лингвостилистический анализ в когнитивном и рецептивном аспектах.

Заголовок обладает двойственной природой: является одновременно частью текста и дотекстовым сигналом, относится к тексту и функционирует вне его структуры. Заголовок является именем текста и сжатым вариантом его основного содержания, то есть его актуализатором. Заголовок выражает авторскую концепцию, определяя основную тему текста и, кроме того, отношение автора к описываемой проблеме. В условиях современной информационно активной реальности заголовок развивается в вербальном и виртуальном пространствах, становится более экспрессивным, нередко представляет собой комбинацию тропов, которая запоминается и усиливает экспрессивность высказывания. Тропические обороты словно обретают вторую жизнь, выходя за пределы литературно-художественного дискурса, все активнее реализуясь в публицистике. Метафора, каламбур, различные виды иронии, фразеологизмы и идиоматические высказывания

развиваются сегодня в публицистическом дискурсе не менее динамично, чем в литературно-художественном. Активное применение тропеических средств порождает оригинальные комбинаторные сочетания, вызывает новые ассоциации, текстовые и подтекстовые значения. Не учитывая взаимодействия тропов, невозможно перейти к комплексной оценке экспрессивности заголовка, к анализу и переводу приемов его динамичной структуры. Чем более сложный комплекс приемов представляет собой

заголовок, тем более внимательное и детальное декодирование требуется от переводчика.

Рассмотрим заголовки из еженедельника «АИФ» (февраль-март, 2016), газеты «Труд» (декабрь 2005 года) и других Интернет-изданий. Русскоязычным заголовкам свойственна номинативность, они, как правило, сопровождаются подзаголовками, поясняющими тему публикации и формирующими предтекстовый комплекс: заголовок-подзаголовок.

Таблица 1.

Перевод русскоязычных заголовков, основанных на ТК:

№	Заголовок (ИЯ)	Вариант перевода
1.	На финишной прямой: Трамп и Клинтон выбились в лидеры финишной гонки [10]	Along the finish line: Trump and Bill Clinton have become the leaders!
2.	Не облагай меня без нужды: будни налогообложения; [11]	Taxes from nothing
3.	«Оскар» невезения: Ди Каприо получил долгожданную награду [8]	Oscar for bad luck: Dicaprio has received the coveted award
4.	Сотворение суши [13](материал о японской кухне);	The sushi-art
5.	Во саду ли в огороде: дачникам пора готовить рассаду[11]	High time for Gardeners
6.	Точно рукой сняло: средство от взяточничества [9]	Like by Magic: remedy against bribery
7.	При царе Горохе [7]	Then upon a time
8.	Из «Дамы с собачкой» в Асю Клячину: почему зрители верили Ие Саввиной [6]	True Chekhov's Lady:
9.	Цветная революция по-русски: возможен ли Майдан в Москве?[14]	Color Revolution a la Russia: Is Maidan possible in Moscow?
10.	Обобрали, как «Липки»[12]	More dangerous than cancer

Приведенные заголовки основаны главным образом на аллюзии и каламбуре. При переводе на английский язык переводчику предстоит выбрать тип перевода и возможные трансформации. Он может прибегнуть к описательному переводу, избегая идиоматичности (примеры 3, 8, 10 в таблице 1). А может найти в культурно-языковой традиции ПЯ эквивалентное идиоматическое высказывание (5, 6, 7). Или же создать оригинальную тропеическую комбинацию в ПЯ (2, 4, 9). Безусловно, последние два варианта перевода ярче, экспрессивнее. Но для этого необходимо хорошо ориентироваться в стилистике и идиоматике ПЯ, то есть учитывать экстралингвистический фактор, знать не только язык, но и культуру страны, а кроме того, литературу.

Проиллюстрируем это на примере заголовка 10, который представляет собой перифраз идиоматического высказывания «ободрать, как липку». Англоязычный эквивалент довольно хорошо известен: to make poor as a church mouse. Но перифраз в русскоязычном заголовке обладает подтекстовым значением, но соотносится только с действительностью ИЯ, вызывает ассоциативный ряд, непонятный для англоязычного читателя. Снижение стилистического уровня, потеря образности при переводе допустима и вызвана морально-этическим аспектом.

Рассмотрим особенности десяти англоязычных заголовков, взятых из американских журналов «Vogue», (2010), «Forbs» (2014) и британской газеты «The Guardian» (2015).

Таблица 2.

Декодирование и перевод англоязычных заголовков, основанных на ТК:

№	Заголовок (ИЯ)	Лингвостилистические особенности	Вариант перевода
1.	On the express to Success [18, с. 55]	Аллитерация, каламбур	Как по взлетной полосе
2.	Passion for fashion [19, с. 137]	Аллитерация, каламбур	Как угнаться за модой?
3.	Gleesome threesome: David Pountney has made a thing of thematic programming since he took over the artistic reins at Welsh National Opera after his years as director of the Bregenz festival [18, с. 63]	Аллитерация, каламбур, аллюзия	Святая Троица

4.	Where the Grass is greener? [18, с. 18]	Аллитерация, риторический вопрос, аллюзия	А. В погоне за иллюзией Б. Там хорошо, где нас нет
5.	All shall be well, Jack shall have Jill [19, с. 124]	Каламбур, аллитерация	Все будет в шоколаде
6.	Money from Nothing... [19, с. 1]	Аллюзия, каламбур,	Много денег из ничего
7.	Measure for Measure [16].	Аллюзия, фразеологизм	Не судите, и не судимы будете
8.	Ready, Fire, Aim: Tracking point makes a \$27,500 rifle so smart that it can't miss. So, why has the company been misfiring? [18, с. 50]	Аллюзия, эллиптическая конструкция, риторический вопрос (в подзаголовке)	А. Когда ружье стреляет по своим Б. В ружье! Целься! Огонь!
9.	A. Conference to open today [9] B. The biggest Bet ever [18, с. 37]	Эллиптические конструкции	Сегодня открытие конференции Самая страшная клятва
10.	Much Ado About Something: special education school to perform Shakespeare [17]	Аллюзия, каламбур	Много шума...из-за чего? ... Открывать ли специальную школу, где будут ставить пьесы Шекспира?

В рассматриваемых заголовках ТК основаны главным образом на каламбуре и аллитерации. Аллитерация, популярная в заголовках англоязычных изданий, намного реже встречается в русскоязычных Mass Media. Аллюзии на исторические события и литературные источники часто встречаются как в русскоязычных, так и в англоязычных изданиях. Отметим также, что наличие подзаголовков более актуально для русскоязычных статей.

В двух языках и культурах актуально использование фразеологических оборотов в качестве заголовков. Например, часто встречаются заголовки-аллюзии на высказывания из Библии или на знаменитые литературные произведения. Библизмы функционируют в фразеологизмах всех языков мира, однако «ни один язык не испытал на себе такого заметного влияния Библии, как английский. В течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Британии книгой» [3, 38]. Как следствие, не только отдельные имена, слова, но и целые идиоматические выражения из Библии продолжают функционировать в Британском английском вплоть до наших дней:

The apple of Sodom – красивый, но гнилой плод;
A doubting Thomas – Фома неверующий;
Penelopa's web – тактика оттягивания;

To astonish the Browns – бросить вызов общественному мнению;

To raise Cain – Учинить скандал, поднять шум;

В заголовках современных Mass Media часто цитируют или перефразируют тексты произведений В. Шекспира. Например, название пьесы "Measure for Measure" в заголовке 7. В данном случае имеет место каламбур и двойная аллюзия, или аллюзия-библизм, потому что название пьесы является цитатой из Нагорной проповеди, фрагментом из знаменитого поучения Христа о христианском милосердии, и именно так воспринималась в шекспировскую

эпоху. Слова эти обращены не к тому, кого судят, а к тому, кто судит: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» [Матф. 7:1—3].

За время написания статьи эта фраза в качестве заголовка встречалась не единожды. "Can We Measure Media Impact? Surveying the Field" – статья двух американских журналисток для Stanford Social Innovation Review (2015), в русле современных тенденций журналистики разделенная на абзацы, каждый из которых наделен собственным подзаголовком. Один из них – под заголовком "Measure for Measure" [16]. Еще один пример литературной аллюзии – заголовок 10, который восходит к другой, донине популярной пьесе Шекспира [17]. Популярность пьес великого драматурга в современной публицистике подтверждает и то, что заголовок 6 представляет собой перифраз заголовка 10, образуя экспрессивный тропеический комплекс.

Мало кому известно, что ставшая популярным фразеологизмом фраза "All shall be well, Jack shall have Jill" (заголовок 5, таблица 2) тоже восходит к пьесам британского драматурга и поэта Вильяма Шекспира (1564–1616), со дня смерти которого в 2016 году исполняется 400 лет. В справочнике *Large English-Russian phrasebook* в качестве литературного источника ФЕ указана пьеса «Двенадцатая ночь» (акт 3, сцена 2). В переводе Т.Щепкиной-Куперник один из персонажей по имени Пак произносит: «Пусть пословица на вас оправдается сейчас. Всяк сверчок знай свой шесток. Всякий будь со своею милой, Всяк ездок со своей кобылой. А конец – всему венец» [5]. Со времен Шекспира значение высказывания мало изменилось, символизирует благополучный финал истории, когда каждый получает то, что заслуживает.

Характерная особенность англоязычных заголовков – эллиптические конструкции (1,6,7,8,9,10).

Применение эллиптических конструкций придает заголовкам экспрессивность и динамичность. При переводе эллиптические конструкции могут сохраняться (1), но часто заменяются на высказывания номинативно-назывного характера. Сравним:

Conference to open today – сегодня открытие конференции (“Life news”);

Russian Athlete Winning Prize – победа российско-го спортсмена (“Moscow News”).

В отличие от менее эмоционального научно-технического текста, газетные статьи экспрессивны, что приближает их к стилю художественной литературы и усложняет работу переводчика, поскольку экспрессивность текста как правило достигается при помощи комбинаторных сочетаний стилистических средств. И, чем сложнее комбинация, тем тщательнее и длительнее процесс перевода. Например, сочетание тропов с сарказмом, инвективой или иронией наиболее сложны для передачи на ЯП (3, 4).

Как видим, интертекстуальность, как использование прямых и не прямых цитат, аллюзий и перифраза из старых цитат в современном тексте, является достаточно популярной текстовой стратегией в публицистике, поскольку «основывается на универсальной природе аттракции, которая позволяет актуализировать апперцепционный фон адресата» [4, 19]. Заголовок становится прецедентным текстом, основанным на ассоциациях, смыслы которого предлагается декодировать читателю. Комплексная структура современных заголовков, сформированных из нескольких поясняющих высказываний: основной заголовок и подзаголовок, – способствует смысловому обогащению текста и созданию подтекста. Такой комплекс требует от читателя интеллектуальной активности при дешифровке. Цитаты и аллюзии в заголовочном комплексе становятся не только источниками дополнительной информации, но формируют новые смыслы. Языковая игра, как нарушение нормы, приводит к новым ассоциациям, сопоставлениям, противопоставлениям и взаимоотношениям, невозможным в нормативной языковой конструкции.

При подготовке статьи в целях эксперимента заголовки из таблиц 1, 2 были предложены для самостоятельного перевода на русский язык 10 студентам 1-2 курсов, обучающимся в ЮЗГУ по программе дополнительного образования «Перевод в сфере профессиональной коммуникации». Как показал эксперимент, перевод на английский язык вызывает у начинающих переводчиков больше трудностей, связанных с передачей ТК. Перевод на родной русский язык более сложен на этапе декодирования-распознавания элементов ТК. По итогам эксперимента 7 из 10 студентов справились с заданием с результатом 50% и выше. Типичные ошибки перевода основанных на ТК заголовков можно классифицировать следующим образом:

Все литературные аллюзии в заголовках 5,6,7,10 (табл.2) не распознал никто, заголовок-аллюзию 6, узнали, поняли и верно перевели смысл двое из десяти; двое узнали и верно перевели заголовки 6,7; не справились с декодированием ТК – 6 из 10 (менее 50%).

Типичной ошибкой можно считать «считывание по форме», без анализа смысла. Так, заголовок “*Measure for measure*” перевели как «Око за око, зуб за зуб» и «*Баш на баш*», был также предложен вариант «*Как аукнется, так и откликнется*». Распространенность ТК в том числе и в профессиональном дискурсе современного английского языка подтверждает необходимость более углубленного изучения и анализа литературных источников, более тщательной отработки навыка распознавания и перевода отдельных тропов и комбинаторных сочетаний.

В качестве вывода следует подчеркнуть ценность и многоаспектность литературы, эффективность ее использования на разных этапах обучения переводу. Знание литературы как культурного наследия и сегодня, в мультинациональный и интеркультурный век нанотехнологий, ускоренного темпа жизни и развития коммуникаций, позволяет достичь профессионализма в филологических специальностях. Следует еще раз напомнить о формировании профессионального подхода к переводу как к компетенции, о необходимости развивать у начинающих лингвистов и переводчиков навыки пользования словарями, о важности обращения не только к двуязычным словарям, но и к словарям сравнений, фразеологическим и этимологическими справочниками.

Исследование различных аспектов структуры и функционирования заголовков позволяет углубить знания, увидеть как корни отдельных лингвистических явлений, так и возможные способы их дешифровки при переводе. Интертекстуальные заголовки и заголовочные комплексы помогают выявить связь целого и частей, приводят в действие механизм ассоциативных связей, обеспечивают взаимодействие различных культурно-идеологических пространств. Активное развитие генетически родственных заголовку текстовых жанров: демотиваторов, рекламных слоганов, основанных на лаконичных высказываниях, подтверждают актуальность исследования и обуславливают одну из причин, по которой заголовки СМИ продолжают привлекать внимание исследователей и преподавателей, обучающихся будущих переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
2. Гончаренко С. Ф. Стилистический анализ испанского стихотворного текста (основы теории испанской поэти-

ческой речи) / С. Ф. Гончаренко. – М. : Высшая школа, 1988. – 192 с.

3. Леонович О. А. В мире английских имен / О. А. Леонович. – М. : ООО Астрель: ОООАст, 2002. – 160 с.

4. Фильчук Т. В. Языковая аттракция в различных дискурсивных проявлениях: дис. канд. филол. наук / Т. В. Фильчук. – Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина. — Харьков, 2003. — 219с.

5. Справочник *Large English-Russian phrasebook* –. Режим доступа: http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/1527/all_shall_be_well,_Jack_shall_have_Jill (дата обращения: 03.04.2016)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

6. Дудник Е. Из «дамы с собачкой» в Асю Клячину. Почему зрители верили Ие Саввиной, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/> (дата обращения: 02.03.2016)

7. Кадычанский П. Это было при царе Горохе, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kadykchanskiy.livejournal.com/134806.html/> (дата обращения: 03.03.2016)

8. Каменева Г. «Оскар» невезения, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cosmo.ru/stars/news/20-01-2016/> (дата обращения: 03.03.2016)

9. Курляндский Г. Рецепт от взяточничества: точно рукой сняло, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lifenews.ru/news/133050> (дата обращения: 03.03.2016)

10. Ларина Е. Трамп и Клинтон выбились в лидеры, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/> (дата обращения: 02.03.2016)

11. Лесник Е. Во саду ли в огороде, 2013 [Электронный

ресурс]. Режим доступа:

<http://lifenews.ru/news/133050> (дата обращения: 03.03.2016)

12. Маргиева Н. Обобрали, как «Липки», 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/15-12-2005/98172_obobrali_kak_lipki.html (дата обращения: 03.03.2016)

13. Стругачев С. Сотворение суши, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rapinjournal.ru/> (дата обращения: 03.03.2016)

<http://www.trud.ru/> (дата обращения: 02.03.2016)

14. Тулянцева И. Цветная революция по-русски: возможен ли Майдан в Москве? 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/russia/cvetnaya_revoluciya_po-russki_ (дата обращения: 03.03.2016)

15. Хадсон М. Грабеж России, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://2020snn.ru/articles.php?article_id=189 (дата обращения: 02.03.2016)

16. Schiffrin A., Zutsberman E. Can we measure media impact? Surveying the impact. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: Stanford Social Innovation Review: http://ssir.org/articles/entry/can_we_measure_media_impact_surveying_the_field (дата обращения: 02.03.2016)

17. Firm Foundation Expro: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.heraldextra.com/news/community/much-ado-about-something-special-education-school-to-perform-shakespeare/article> (дата обращения: 01.04.2016)

18. Forbes. – January, 20: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forbes.com> (дата обращения: 01.04.2016)

19. Vogue, Feb., 2010: [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vogue.com (дата обращения: 01.04.2016).

*Юго-Западный государственный университет
Казакова Л. Н., канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: l_kazakova@mail.ru*

*Southwest State University
Kazakova L. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Foreign Languages Department
E-mail: l_kazakova@mail.ru*

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА РОССИЯ В ИДИОСТИЛЕ С. А. ЕСЕНИНА

Т. Ю. Колупанова

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается динамика когнитивной структуры концепта *Россия* в произведениях С.А. Есенина на разных этапах его житнетворчества.

Ключевые слова: концепт, *Россия*, репрезентант, сегмент, сема.

Abstract: in the article the dynamics of cognitive structure of the concept *Russia* in S.A. Yesenin's works at different stages of his life and creation is considered.

Keywords: concept, *Russia*, representation, segment, *sema*.

На наш взгляд, интересным представляется рассмотрение индивидуально-авторских объективаций концепта *Россия* в идиостиле С. А. Есенина – русско-го национального писателя, основным образом-лейтмотивом творчества которого является образ родной страны, где находят отражение основные положения его философско-религиозной и социально-политической концепций.

Проведенное нами исследование стихотворений и малых поэм С. А. Есенина [1] показало, что лексико-семантическая структура концепта *Россия* организуется здесь вокруг своего одноименного репрезентанта, служащего для наименования государства, расположенного в северной части Евразии, коренным населением которого являются русские: *О, если б вы понимали, / Что сын ваш в России / Самый лучший поэт!* («Исповедь хулигана»). Кроме того, к объективаторам рассматриваемой нами этнокультурной единицы в поэтических произведениях писателя относятся словоформы *Русь, родина, отчизна*, передающие идею родной страны.

Репрезентируясь при помощи вышперечисленных лексем, рассматриваемый нами концепт на разных этапах житнетворчества писателя получает различную семантико-когнитивную объективацию. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо провести исследование динамики концептуального значения слова *Россия*, основывающееся на периодизации творчества поэта. В данной работе мы пойдем вслед за Б.М. Розенфельдом, который выделяет пять фаз поэтического стиля писателя: I – 1910-1917 гг., II – 1917-1919 гг., III – 1919-1922 гг., IV – 1922-1923 гг., V – 1924-1925 гг. [2, 81-82].

В ранних стихотворениях и поэмах С. А. Есенина в структуре рассматриваемой нами лексемы доминирующее положение занимает сегмент «страна/территория», что позволяет говорить о России как о «местности, территории, выделяемой по геогра-

фическому положению и природным условиям» [3, т. 4, 281]: *Затерялась Русь в Мордве и Чуди, / Нипочем ей страх* («В том краю, где желтая крапива...»). Стоит сказать, что в ранней лирике писателя территория России зачастую сужается до пространства его малой родины, поэтому определяющее место в структуре исследуемого концепта здесь занимает сема «деревня», объективированная лексемами, которые называют либо национально-специфические атрибуты нашей страны (*хоровод, гусли, гармонь, тройка, берестяные лапти*), либо реалии сельской жизни (*капустные грядки, копны хлеба, скирды, сено, соха*): *На бугре береза-свечка / В лунных перьях серебра. / Выходи мое сердечко, / Слушать песни гусяра!* («Темна ноченька, не спится...»).

В ранней лирике поэта в структуре концепта *Россия* немаловажным оказывается и сегмент «общество», объективирующий представление Есенина о «совокупности людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни» [3, т. 2, 577]. Воспевая народную Русь, писатель создает разнообразную галерею образов русских людей-тружеников – выходцев из российской глубинки – с безрадостной и неустроенной судьбой: *Посмотри, как он трудится в поле, / Пашет землю сохой, / И послушай те песни про горе, / Что поет он, идя бороздой* («Брату человеку»). Данный семантико-когнитивный профиль наполняет структуру концепта *Россия* содержательными компонентами «вытерзанная», «нищая»: *Защити там в черных бедах / Скорбью вытерзанный люд. / Помолись с ним о победах / И за нищий их уют* («Микола»).

Необходимо добавить, что в стихотворениях и поэмах первой творческой фазы С.А. Есенина происходит метафоризация образа России. Так, родная страна для писателя – это сказочная царевна, впадшая в глубокую дрему: *Пойдем, пойдем, царевна сонная, / К веселой вере и одной, / Где светит радость испоконная / Неопалимой купиной* («Не в мо-

его ты Бога верила...»). Актуализации подобной авторской мысли способствует употребление репрезентанта *Русь* вместе с лексемами *дремлет*, *задремавшая*: *И дремлет Русь в тоске своей веселой, / Вцепивши руки в желтый крутосклон* («Голубень»). Подобное восприятие Есениным России обогащает структуру концепта семами «спокойная», «задремавшая».

Исследование произведений следующего этапа (1917-1919 гг.) показало, что «от Руси полевой, патриархальной, уходящей в прошлое, от России, ввергнутой царизмом в пучину мировой войны» [4, 17], поэт приходит к изображению России новой, преобразованной революцией. Подтверждением нашей мысли служат свободные сочетания имен прилагательных с ключевыми словами, номинирующими рассматриваемую лексему (*Россия, Русь, родина*), которые составляют признаковое наполнение концепта *Россия* в стихотворениях и поэмах данного периода: *воспрянувшая, мятежная, буйственная, прозревшая*. Например: *Уж смыла, стерла деготь / Воспрянувшая Русь* («О Русь, взмахни крылами...»).

Некоторые изменения приобрела и сегментная структура изучаемой нами концептуальной единицы. На первый план здесь выходит семантико-когнитивный профиль «государство», практически нерелевантный для ранней лирики С.А. Есенина, выражающий представления автора о России как о «политической организации общества во главе с правительством и его органами...» [3, т. 1, 339]: *Но спокойно звенит / За окном, / То погаснув, то вспыхнув / Снова, Железное / Слово: / «Пре-эс-пуу-ублика!»* («Товарищ»). Определяющее место в данном сегменте занимает сема «революция», объективирующая информацию об Октябрьской революции 1917 г. Актуализаторами данной семы выступают такие имена существительные, как *разгул, пламя, крик, преображение, гибель, гром, победа, смерть, рать* и мн. др.: *Слышен волховский звон / И Булаев разгул, / Закружились под гул / Волга, Каспий и Дон...* («Отчарь»).

В стихотворениях и поэмах так называемого «революционного» периода иную лексико-семантическую объективацию получает сегмент «общество». На смену крестьянам и сельской общине приходят товарищи и трудовой коллектив, что выражается в употреблении соответствующих наименований (*товарищ, коллектив*) по отношению к представителям российского социума. Русский народ, подобно своей стране, преобразился, воспрянул от многовекового сна и стал «ловцом вселенной», способным «продолбить новые двери» в новый советский мир: *Ей, россияне! / Ловцы вселенной, / Неводом зари зачерпнувшие небо, – Трубите в трубы* («Преображение»); *Разве можно теперь любить, / Когда в сердце стирают зверя? / Мы идем, мы идем продолбить / Новые двери* («В час, когда ночь воткнет...»). В све-

те вышеизложенного мы можем говорить о том, что трансформация сегмента «общество», происходившая в творчестве С. А. Есенина в 1917-1919 гг., обогащает содержательную структуру концепта *Россия* когнитивными признаками «безудержная», «обновленная».

В стихотворениях следующего периода, приходящегося на 1919–1922 гг., Есенин развивает новую для себя тему – тему борьбы города и деревни, в связи с чем определяющее место в структуре концепта *Россия* теперь занимают семы «город» и «деревня», которые объективируют представления писателя о «схватке жестокой» современной промышленной России и древней крестьянской Руси: *Город, город, ты в схватке жестокой / Окрестил нас как падаль и мразь. / Стынет поле в тоске волоокой, / Телеграфными столбами давясь* («Мир таинственный, мир мой древний...»). Подобное обстоятельство позволяет выделить нам такие когнитивные признаки концепта *Россия*, как «индустриальная», «развивающаяся», актуализирующиеся в поэзии данного периода при помощи лексем *железный, электрический, ремни, трубы: О, электрический восход, / Ремней и труб глухая хватка, / Се изб древенчатый живот / Трясет стальная лихорадка!* («Сорокоуст»). Как справедливо отмечает Ю. Л. Прокушев, для С. А. Есенина «судьба патриархальной Руси решена, притом – окончательно и бесповоротно. Она стала Русью Советской, социалистической» [5, 12].

Немного позднее, в 1922-1923 гг., увидев силу и мощь технически развивающейся Европы, поэт еще острее ощутил неотвратимость конца полевой крестьянской Руси: «Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами <...> и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию. <...> С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах, – я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве» [6, 260].

О своей гражданской позиции С. А. Есенин открыто заявляет в произведениях, принадлежащих последней, пятой, фазе его творчества. Так, в стихотворении «Неуютная жидкая лунность...» поэт призывает: *Полевая Россия! Довольно / Волочиться сохой по полям! / Нищету твою видеть больно / И березам и тополям. / Я не знаю, что будет со мною... / Может, в новую жизнь не гожусь, / Но и все же хочу я стальной / Видеть бедную, нищую Русь.*

Подобные общественно-политические воззрения писателя значительно повлияли на лексико-семантическое функционирование концепта *Россия*. В лирике поэта 1924-1925 гг. в структуре рассматриваемой нами ментальной единицы на первый план выходит сегмент «государство», объективирующий

представление автора о прошедших революционных потрясениях и современных ему коммунистических реформах: *Еще прошли года. / В годах такое было, / О чем в словах Всего не рассказать: / На смену царщине / С величественною силой / Рабочая предста-ла рать* («Мой путь»). Если же мы обратимся к семантической организации концепта *Россия*, то увидим, что определяющее место в его когнитивной структуре занимает признак «советская», актуализирующийся посредством описательного наименования нашей страны как социалистического государства (... *в той стране, где власть Советов, ... в великих штатах СССР, советская сторона*), а также свободного сочетания прилагательного *советский* со словом-экспликантом *Русь (Русь советская)*.

Итак, проследив динамику концепта *Россия* в идиостиле С. А. Есенина, мы можем говорить о трансформации его внутренней структуры на разных этапах жизнетворчества писателя. Изменения, затрагивавшие лексико-семантическую организацию рассматриваемой ментальной единицы, были характерны для каждой фазы творчества писателя и напрямую связаны с общественно-политической обстановкой в стране. Так, от Руси полевой, патриархальной, писатель приходит к России революционной, впоследствии реформировавшейся в «страну, где власть Советов». Но, несмотря на подобный «переворот в мыслях и чувствах» [7, 93],

С. А. Есенин до конца своих дней оставался все же «поэтом золотой бревенчатой избы», любящим Россию и радеющим за ее судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / С. А. Есенин. – Т. 1, 2, 4. – М.: НАУКА – ГОЛОС, 1995, 1997, 1996. – 672 с., 464 с., 544 с.
2. Розенфельд Б. М. Есенин / Б. М. Розенфельд // Литературная энциклопедия: В 11 т. / Отв. ред. Луначарский А. В. – Т. 4. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1930. – С. 79–90.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1, 2, 4. – М.: Русский язык, 1985, 1986, 1988. – 696 с., 736 с., 800 с.
4. Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин. Очерк жизни и творчества. / Ю. Л. Прокушев. – М.: Детская литература, 1976. – 192 с.
5. Прокушев Ю. Л. Есенин в наши дни / Ю. Л. Прокушев // Есенин С. А. Избранное / Сост., предисл. и примеч. Ю. Л. Прокушева. – М.: Просвещение, 1989. – С. 5–15.
6. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. / С. А. Есенин / Сост. и коммент. Ю. Л. Прокушева. – Т. 2. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – 384 с.
7. Акимов В. М. «Товарищ бодрым и веселым...» (Искания лирического героя поэзии Сергея Есенина) / В. М. Акимов // Акимов В. М. На ветрах времени: Размышления о книгах. – Л.: «Детская литература», 1991. – С. 75–99.

Липецкий государственный педагогический университет

Колупанова Т. Ю., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: kolupanova-tatjana@rambler.ru

Lipetsk State Pedagogical University

Kolupanova T. Y., Post-graduate Student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: kolupanova-tatjana@rambler.ru

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ФРЕГАТА "ПАЛЛАДА"» И. А. ГОНЧАРОВА

С. А. Курило

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье на фоне исследовательских разночтений по вопросу жанра «Фрегата "Паллада"» И. А. Гончарова впервые заявлена и обоснована принадлежность произведения к жанру травелога. Для этого рассмотрены жанровые особенности травелога и с позиций теории жанра проанализирован текст «Фрегата "Паллада"», а также письма Гончарова из путешествия.

Ключевые слова: травелог; И. А. Гончаров; «Фрегат "Паллада"».

Abstract: it is stated and proved for the first time amid the researchers' different viewpoints that I. Goncharov's *The Frigate Pallada* belongs to the genre of travelogue. The travelogue genre peculiarities are examined and the *Frigate Pallada* and Goncharov's letters from the travel are analyzed from the travelogue theory point of view.

Keywords: travelogue, I. Goncharov, *The Frigate Pallada*.

В современном литературоведении конца XX – начала XXI вв. некоторые исследователи, рассматривая произведения литературы путешествий, называют их «травелогом» (travelogue), т.е. «словом о странствиях» [1, 2]. Жанр травелога в настоящее время очень востребован и популярен, но, наряду с этим, и малоизучен. «Понятие травелога не так давно вошло в научный оборот и пока еще не закрепило в границах строгих дефиниций» [3, 17]. Тем не менее, литературовед А. Шенле считает неотъемлемыми свойствами литературного травелога связь с литературной традицией, долю прагматической информации и предполагаемую «реалистичность». Кроме того, он выдвигает на первый план фигуру рассказчика-путешественника с его авторской рефлексией: «Безусловно, большинство читателей обращали внимание прежде всего на идеи и чувства автора, а не на конкретные особенности описываемой страны» [1, 9]. Данное свойство травелога первоначально, поскольку оно позволяет разграничить травелог и другие жанры путешествия: роман-путешествие, путевой очерк и т. д.

На наш взгляд, данное определение травелога наиболее полно, по крайней мере, на современном этапе развития российского литературоведения, отражает специфику и отличительные черты травелога: «собрание подвергшихся литературной обработке путевых заметок о событиях путешествия в реальном времени-пространстве» [4, 127].

Исследователи выделяют обязательные и стандартные признаки травелога [5]. К обязательным признакам относятся:

1. фигура повествователя-путешественника;
2. пространственно-временная дискретность.

Пространственно-временные рамки сюжета определены реальностью, это, как правило, начало и конец путешествия. Травелог описывает реальные факты и события: «Травелог же по природе своей документален» [3, 12]. Пространство и время характеризуются следующими чертами: ограниченное маршрутом путешественника предсказуемое пространство способно вмещать в себя различные временные пласты за счет включения исторических реминисценций либо личных воспоминаний автора.

Стандартные признаки травелога:

1. Неоднородность пространства и его представление в виде оппозиций: своего и чужого, внутреннего и внешнего, прошлого и настоящего и т. д. «<...> сущность путешествия раскрывается во взаимодействии диаметрально противоположных категорий: «свое» и «чужое», «внешнее» и «внутреннее» [6, 150]. Причем познание «чужого» географического и культурного пространства меняет понимание «своего» пространства, также как и «внешнее» путешествие, безусловно, способствует внутреннему развитию личности.

2. Дискретность повествования и композиционная размытость. «Одновременно популярны многочисленные вставные элементы, что ведет к внутренней полижанровости» [5, 137]. Действительно, травелог способен «в самых произвольных сочетаниях комбинировать в рамках своего сюжета и композиции некоторые особенности литературно обработанного дорожного дневника, жизнеописания, воспоминаний, писем и т. п.» [4, 128]. Причем, по мнению исследователей, именно гибкость формы травелога и обеспечивает данному жанру огромную популярность.

Итак, вышеописанные признаки превращают травелог в емкую и самодостаточную форму изо-

бражения конкретного географического пространства, целостной картины познаваемого мира.

К настоящему времени в российском литературоведении не выработано единой позиции по вопросу о жанровой природе «Фрегата "Паллада"». Произведение относят к «путевым очеркам» [7] или «очеркам путешествия» [8], к «путевым заметкам» [9], к «циклу очерков» [10], к «очерковой эпопее» [11], к «географическому роману» [12].

Гончаров выбирает для своего произведения разные жанровые формы. В письме к Е. П. и Н. А. Майковым от 16 (26) марта 1854 г. он определяет жанр своего детища как «путевые записки»: «Пробовал я заниматься, и <...> набил целый портфель путевыми записками» [13, 691]. В предисловии Гончаров уточняет жанровую природу своего произведения: «Он (автор. – С. К.) просто вел, сколько позволяли ему служебные занятия, дневник и по временам посылал его в виде писем к приятелям в Россию...» [Цит по: 7, 771]. Помимо дневника, автором создавались очерки: «Вышло то, что мог дать автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом очерки» [13, 6]. Здесь же писатель объясняет причину выбора им жанровых форм: «Эпистолярная форма была принята <...> не как наиболее удобная для путевых очерков: письма действительно писались и посылались <...> к тем или другим друзьям <...>» [13, 6].

На наш взгляд, такие разночтения в определении жанра произведения связаны с тем, что оно включает целый комплекс жанровых форм. Гончаров плавно чередует письма с дневниковыми главами, путевой очерк может предваряться или завершаться характерным для эпистолярного жанра обращением по имени-отчеству к друзьям и близким автора. Из органично спаянных авторским замыслом путевого дневника, путевых очерков и писем вырастает полноценный травелог. Таким образом, гибкость формы травелога проявлена в жанровой эклектике произведения, раскрывающей авторский замысел отражения целостной картины мировой жизни.

Итак, главным признаком травелога является обязательное наличие в произведении повествователя-путешественника с его авторской рефлексией на описываемое. Сам Гончаров, в связи с этим, говорит в предисловии: «<...> присутствие живой личности вносит много жизни в описания путешествий <...>. Он (автор. – С. К.), без намерения и также по необходимости, вводит себя в описания, и избежать этого для него (автора. – С. К.) было трудно» [13, 6].

И действительно, авторское присутствие ощущается на протяжении всего произведения, повествование пронизано авторским видением познаваемого пространства, его собственными наблюдениями и оценками: «<...> я пишу только <...> о том, что вижу сам и что переживаю изо дня в день» [14, Т. 2. С. 519]. Гончаров практически не сообщает читателю

ни распространенных стереотипов об увиденных им народах, ни каких-либо общеизвестных географических, политических или культурных особенностей посещенных им стран, все описанные события и факты подаются автором «через себя»: «Удовольствуйтесь беглыми заметками, не о стране, не о силах и богатстве ее; не о жителях, не о их нравах, а о том только, что мелькнуло у меня в глазах. <...> мне, может быть, позволено только разве говорить о своих впечатлениях» [14, Т. 1. С. 35].

С формальной точки зрения травелог является «отчетом о путешествии», повествующим о реальном перемещении автора-путешественника. «Фрегат "Паллада"», несомненно, выступает своеобразным «художественным отчетом» о действительно состоявшейся кругосветной экспедиции с дипломатической миссией в Японию. И. А. Гончаров занимал в этой экспедиции должность секретаря главы миссии вице-адмирала Е. В. Путятина. Несмотря на то, что в произведении автор не сообщает нам деталей хода переговоров с японцами, он описывает множество фактических подробностей путешествия: реальные имена и фамилии участников экспедиции, дипломатов и купцов, адресатов своих путевых писем, названия посещенных портов, городов и островов, реальные даты, события и т. д. Так в произведении Гончарова проявляются такие свойства травелога, как реалистичность повествования и заданность пространственно-временных рамок сюжета реальностью, поскольку хронотоп произведения соответствует маршруту и датам экспедиции.

Также травелог, как правило, является повествованием, подкрепленным историческими свидетельствами часто с сопоставительным анализом, изображающим прошлое описываемой местности и ее современное состояние. Подтверждают данный тезис очерк о Капской колонии, в котором приводится подробная история колонизации края, наряду с экономическими и статистическими выкладками, а также авторские размышления и оценка результатов и последствий освоения края англичанами; очерк о Шанхае, где автором освещается суть военного конфликта между шанхайскими инсургентами и империалистами, история превращения Шанхая в азиатский центр торгово-экономической жизни; а также очерк о торгово-экономическом и географическом значении Сингапура, сравнение его со «всемирным рынком», проблема пиратства и торговли опиумом в Сингапуре.

При этом пространство в травелоге с его ограниченностью маршрутом путешественника способно вмещать в себя различные временные пласты за счет включения исторических реминисценций. В качестве примера здесь показательны очерки об истории Филиппинских островов и Кореи, где подробно описывается история данных государств со дня их основания.

Еще одним свойством травелога является неоднородность пространства и его представление в виде оппозиций. Гончаров посредством описания сна и распорядка дня английского купца и русского барина противопоставляет их как национальные образы по национально-культурной самобытности и жизненному укладу. В жизни англичанина важнейшую роль играют различные машины и устройства: будильники, счетные и умывальные машинки. Авторское олицетворение, сравнивающее англичанина с машиной, создает у читателя впечатление об англичанине как о неодушевленном механизме: «Новейший англичанин <...> просыпается по будильнику. Умывшись посредством машинки <...> он по одной таблице припоминает, какое число и какой день сегодня, справляется, что делать, берет машинку, которая сама делает выкладки: припоминать и считать в голове неудобно. <...> После того <...> он <...> снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать. Вся машина засыпает». [14, Т. 1. С. 60-61].

Здесь же, в Лондоне, Гончаров раскрывает читателю другой образ — образ русского барина. В отличие от англичанина, в жизни русского человека автором подчеркивается превосходство природного и естественного начала: «Вижу где-то далеко отсюда, в просторной комнате, на трех перинах, глубоко спящего человека <...> Будильника нет в комнате, но есть дедовские часы: они каждый час свистеньем, хрипеньем и всхлипываньем пробуют нарушить этот сон — и все напрасно». [14, Т. 2. С. 61].

Гончаров предлагает читателю собственный рецепт познания новых пространств через сопоставление «своего» с «чужим»: «Да, путешествовать с наслаждением и с пользой — значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть искомый результат путешествия» [14, Т. 1. С. 41-42]. Для автора бесспорна необходимость сравнения собственного и чужого, поскольку наблюдение другой, отличной от своей, жизни расширяет интеллектуальные границы человека, способствует его развитию и обогащает внутренний мир наблюдателя.

Таким образом, из первоначально разрозненных путевых дневников, писем и очерков формируется полижанровый текст, который функционирует и воспринимается как единое целое за счет авторской концепции, реализуемой в форме травелога. «Фрегат "Паллада"» подтверждает вариативность жанра травелога, возможность взаимодействия нескольких жанровых традиций. Прибегая к жанровой эклектике, Гончаров достигает такого художественного эффекта, при котором формально разнородные элементы произведения служат одной цели — выразить единую авторскую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1780-1840 / А. Шенле. – М.: Академ. проект, 2004. – 272 с.
2. Фрейзер Й. Травелог работает в масштабе человека // интернет-журнал «Siburbia». – 2013. – Режим доступа: <http://siburbia.ru/geo/yen-freyzer-travelog-rabotaet-v-masshtabe-cheloveka> (дата обращения: 13.05.2015).
3. Милюгина Е. Г. Русская культура в зеркале путешествий / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2013. – 176 с.
4. Зябрева Г. А. Литература «путешествия»: художественная специфика, жанровые разновидности. Жанровые модификации «путешествия»: классификация и дифференциация / Г. А. Зябрева, Е. Н. Деремедведь // Вопросы русской литературы. – 2009. – № 16. – С. 118-132.
5. Никитина Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель / Н. А. Никитина, Н. А. Тулякова // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков (2013). / Под ред. И. Ю. Щемелева. Вып. 5. СПб.: Астерион. – 2013. – С. 132-138. – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/98438532> (дата обращения: 19.02.2014)
6. Кожевникова А. Г. Воображаемое путешествие И. И. Козлова по Италии // Россия – Италия – Германия: Литература путешествий: коллективная монография по материалам Третьей международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра "Russia – Italia" – "Россия – Италия", – Томск, 2013. – С. 150–159.
7. Орнатская Т. И. История создания «Фрегата "Паллада"» // Гончаров И. А. «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия в двух томах. – Л.: Наука, 1986. – С. 763-787.
8. Истомина Е. П. Мотив границы в художественном сознании И. А. Гончарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Истомина. – Ярославль, 2011. – 19 с.
9. Мамуркина О. В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9. – С. 110–113.
10. Пирогов Г. П. Гончаров // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1964. – Т. 2. – С. 261–266.
11. Максимов В. В. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова (герой и жанр): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Максимов. – Томск, 1990. – 18 с.
12. Недзвецкий В. А. «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, – 1993. – Т. 52. – № 2. – С. 43–55. – Режим доступа: – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm>. (дата обращения: 28.09.2013)
13. Гончаров И. А. Фрегат "Паллада" / И. А. Гончаров. – Л.: Наука, 1986. – 881 с.
14. Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Очерки путешествия в двух томах. // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / И. А. Гончаров – СПб.: Наука, 1997. – Т. 2.

*Томский государственный университет
Курило С. А., аспирант кафедры русской и зарубежной
литературы
E-mail: coureelosvetlana@gmail.com*

*Tomsk State University
Kurilo S. A., Post-graduate Student of the Russian and
Foreign Literature Department
E-mail: coureelosvetlana@gmail.com*

ДЕТЕКТИВ НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНЕРА ПОВЕСТВОВАНИЯ И ДЕТЕКТИВ (СЛУЧАЙ ЮЗЕФОВИЧА)

П. А. Моисеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 17 мая 2016 г.

Аннотация: в статье на примере романов Л. А. Юзефовича демонстрируется несовместимость детективной поэтики и реалистической манеры повествования.

Ключевые слова: детектив, творчество Л. А. Юзефовича, реализм.

Abstract: in this paper, we refer to the work of the writer, which clearly illustrate the incompatibility of a detective stories with a realistic manner of writing, – our contemporary Leonid Abramovich Yuzefovich.

Keywords: detective, the work of L. A. Yuzefovich, realism.

Нам уже приходилось обращаться к вопросам совместимости поэтики детективного жанра и психологизма реалистического типа [1], а также к проблеме взаимоотношений детективной поэтики и реализма как такового [2]. В настоящей статье мы обратимся к творчеству писателя, ярко иллюстрирующего несовместимость детектива с реалистической манерой письма, – нашего современника Леонида Абрамовича Юзефовича. Именно его стоило бы считать создателем ретродетектива, хотя таковым обычно называют Акунина. И дело не только в том, что при издании первых редакций первых ретродетективов Юзефовича не была проведена соответствующая рекламная кампания. Дело в самой специфике трилогии о Путилине или, скажем, «Казарозы». При сравнении, например, «Костюма Арлекина» (первого романа о Путилине) с любым романом о Фандорине очевидно, что Акунин создает совершенно условный (хотя и яркий) мир и столь же условного (хотя и запоминающегося) героя. Петербург Юзефовича, как и Иван Дмитриевич Путилин, более «живые», полнокровные и трехмерные. Но именно это и ставит романы писателя если не за границей детективного жанра, то на самой этой границе. Это признает и сам писатель:

«Мне кричать не хочется. Я много лет работаю в школе, преподаю историю, и знаю, что кричит только плохой учитель. Знаете, какой самый верный способ заставить детей слушать себя? Начать говорить тихо. Некоторые наши талантливые писатели, особенно женщины, умеют понижать голос до шепота и этим заставляют прислушиваться к себе. Я использую другие приемы – замену крика. К примеру, сюжет обязательно должен содержать какую-то тайну. Для меня детективные сюжеты – всего лишь способ заставить читать мои романы, в ко-

торых собственно детектив – далеко не самое важное. А что важно, каждый решает сам» [3] [выделено нами. – П. М.].

Интересна одна оговорка, сделанная писателем в только что процитированном интервью. В ответе на вопрос, почему действие его детективов происходит в прошлом, Юзефович отвечает:

«Распутать серьезное современное преступление можно только совместными усилиями многих профессионалов. Причем среди тех специфических знаний, которыми эти профессионалы должны обладать, знание человеческой психологии занимает, пожалуй, не главное место. Мне же интересен прежде всего человек. Мой герой, во-первых, – одиночка. Во-вторых, в XIX веке он выходит на борьбу со злом, вооруженный только знанием “во человеках сущего”. Если он с таким оружием выйдет на бой в современной жизни, это будет равносильно попыткам остановить танк, стреляя по нему из трубочки жеваной бумагой».

Другими словами, писатель а) признает, что ему интересен человек – а не детективная загадка; б) считает, что методы его героя приложимы к реальной жизни – по крайней мере, были приложимы на определенном историческом этапе. Для сравнения представим себе Агату Кристи, утверждающую, что методы Пуаро можно использовать на практике. История литературы знает, правда, два случая, когда авторы детективов пытались стать настоящими сыщиками. Это случаи Эдгара По и Конан Дойля. Первый в «Тайне Мари Роже» попытался раскрыть тайну настоящего убийства – и, что характерно, потерпел крах. Второй также выступал в качестве сыщика и даже имел некоторый успех – но, насколько можно судить, не использовал при этом методов своего героя.

Одна из причин непереносимости методов литературных сыщиков в жизнь – гипердетерминиро-

ванность событий в детективе, отмеченная Н. Н. Вольским: для происходящего в детективе можно найти одно и только одно правильное объяснение [4, 14]. Но сейчас для нас важнее не сама эта непереносимость, а установка Юзефовича: он пишет реалистические романы и сам прекрасно это осознает. В результате его детективы обладают следующими специфическими чертами:

Во-первых, реалистическая манера не дает Юзефовичу (как и Дороти Сэйерс) развить подобающий детективу темп повествования.

Во-вторых, для писателя явно важнее идея, чем жанр. Детективист просто не может себе позволить такие отступления от сюжета, которые мы находим, например, в романе «Князь ветра» в виде выдержек из дневника Солодовникова. В тех случаях, когда такие отступления присутствуют, они должны в конце концов оказаться теснейшим образом связаны с загадкой – чего у Юзефовича не происходит. С другой стороны, для понимания авторской идеи «монгольские» эпизоды чрезвычайно важны. Не случайно Василий Пригодич (выберем лишь одного критика из множества писавших о Юзефовиче) характеризует роман «Князь ветра» как «классический детектив, сочетающий в себе существеннейшие элементы авантюрного романа и высокой психологической прозы. Сравнительно небольшая книжка (9,5 печатных листов) представляется огромным фолиантом» [5].

Вообще сочетание детективности и «идейности», «серьезности» (назовите как хотите) – отдельная тема. Даже беглый взгляд на историю детектива показывает, что серьезные писатели редко добивались успеха в области детектива, а детективистам редко удавалась «высокая проза». Единственное известное нам исключение – Честертон. У Юзефовича детективная задача настолько явно стоит на втором плане, что разгадка сама по себе волнует нас тоже не в первую очередь. Если мы обратимся к повести «Чугунный агнец» (при переиздании переименованной в «Чугунного ягненка»), то увидим, что в память врезается **не разгадка, а развязка**. В подлинном детективе эти два элемента конструкции совпадают: как только стало ясно, как убийца вышел из запертой комнаты, надо либо заканчивать книгу, либо вводить новую загадку. Что случится с героем потом, не так существенно. У Юзефовича разгадка и развязка разведены. Подлинная развязка «Агнца» – гибель героя; точно так же в «Князе ветра» по-настоящему важно то, что мы узнаем из последнего фрагмента записок Солодовникова; «Казароза» немислима без вставным главок, где описываются судьбы героев после того, как им (но пока еще не нам) стала известна разгадка. Разгадка у Юзефовича – не финал, а очередной поворот событий, после и вследствие которого жизнь человека – и даже целой культуры, как

в «Князе ветра», – может измениться радикальным образом.

В-третьих, само мировидение автора хорошо сочетается с реалистической манерой, но очень плохо подходит для работы в детективном жанре. Сам Юзефович прекрасно выразил это с помощью образа костюма Арлекина в одноименном романе. Что представляет собой загадка детектива? Н. Н. Вольский описывает ее как сочетание тезиса и антитезиса, которые по видимости исключают друг друга, но – при смене точки зрения – образуют синтез. Если бы образ костюма Арлекина использовал детективист, костюм, собирающийся в одно целое из множества разноцветных лоскутков, означал бы истинное объяснение происходящего, где по видимости не связанные или противоречащие друг другу факты нашли бы каждый свое место. Но Юзефович предлагает принципиально иной образ: костюм Арлекина – это те внешне стройные, но ложные версии, которые строятся по поводу убийства австрийского дипломата и должны *рассыпаться*, как только удастся найти правильный взгляд на загадку:

«Он [Путилин. – П. М.] ничего не понимал, однако мысль о сонетке немного успокаивала. Стоило потянуть за нее, и весь этот чудовищный бред расползлся, как костюм Арлекина.

Такой костюм Иван Дмитриевич давным-давно видел в ярмарочном балагане на Каменном острове. Он тогда должен был выследить, арестовать и выпроводить из Петербурга могилевского еврея по фамилии Лазерштейн, площадного актеришку, который креститься не желал, но лицедействовать хотел не в Могилеве, а в столице, чтобы, видите ли, зарабатывать побольше. Давали итальянский фарс, Лазерштейн играл Арлекина. По ходу спектакля он царил на сцене, потешал публику, помыкал беднягой Пьеро, пока тот, доведенный до отчаяния, не отыскал в костюме своего мучителя неприметную нитку и не дернул за нее. Тут же весь костюм Арлекина, виртуозно сметанный из лоскутов одной-единственной ниткой, развалился на куски; под хохот зрителей среди вороха разноцветного тряпья остался стоять тощий, как скелет, голый Лазерштейн со своим едва прикрытым обрезанным срамом» [6. 77–78].

Не решить головоломку, а показать, что голову ломать не из-за чего – вот задача Юзефовича. Во всех его самых известных детективах разгадка строится по принципу «Все не просто, а еще проще». Можно сказать, что метод Путилина носит принципиально антилитературный и в этом смысле антидетективный характер. В детективе сыщик, предлагая правильное объяснение происходящего, ошеломляет (по крайней мере, должен ошеломлять) читателя благодаря тому, что такая простая и красивая версия не пришла в голову ему самому. Путилин не столько ошеломляет, сколько разочаровывает читателя. Да, подлинное объяснение у Юзефовича тоже просто;

но оно слишком просто. Пафос детектива – в умении увидеть привычное под непривычным углом зрения. Пафос Юзефовича – в призыве смотреть на реальность под единственно верным углом зрения, не додумывая, не искривляя ее, не помещая между собой и реальностью никаких фантомов. Детектив противопоставляет точку зрения рассудка (в каком-то смысле естественную) и точку зрения разума (тоже естественную, но, так сказать, «в высшем смысле»). Юзефович противопоставляет неестественную и естественную точки зрения. Его Путилин не столько сыщик, сколько срыватель масок и разоблачитель мифов.

При этом формально требования жанра писатель соблюдает. Ему – в тех случаях, когда он обращался к детективу – удавалось придумывать и хорошие загадки, и остроумные разгадки. Но эстетический эффект, возникающий при чтении его произведений, иной, чем при чтении детектива. Происходит это как раз по трем вышеназванным причинам: реалистическая манера, ориентация на концепцию, а не на сюжет, специфика мировоззрения. Причем первая и третья причины, на наш взгляд, являются решающими. Горацианское сочетание занимательности и серьезности воплотить в жизнь сложно, но не невозможно; порукой тому пример Честертона. Но английскому писателю удалось найти подходящую стилевую манеру, которая позволяет ему высказать свои заветные идеи *в форме* детектива, а не *в процессе разрушения* этой формы.

Стиль же и мировоззрение действительно взаимобусловливают друг друга. Честертону не нужна была реалистическая манера не только стилистически, но и идеологически; его мировоззрение и мировидение легко «ложились» на детективный жанр. Юзефовичу не очень интересен детектив как эстетическое явление и не очень близко мировоззрение, позволяющее работать в этом жанре. И напротив, как мы уже указали, мировоззрение самого Юзефовича столь же последовательно разрушает структуру детективного жанра, сколь последовательно требует реалистической манеры повествования.

Мы не хотим, разумеется, сказать, что существует какое-то одно особое «детективное» мировоззрение; скорее существуют типы мировоззрений, одни из которых с детективом сочетаются, а другие – нет.

Очень точно высказалась о «Казарозе» Юзефовича Татьяна Сотникова: «Детективный сюжет перед подобными приметами жизни блекнет – не потому, что он хуже, а потому, что он имеет совершенно иную природу. Юзефович, как представляется, попал (причем не только в этом романе, но, наверное, и в других своих детективных произведениях) в неизвестно кем выдуманную, но очень распространенную повествовательную ловушку. Суть ее состоит в том, что в острый сюжет якобы хорошо ложатся глубокие мысли и образы и что читатель лучше воспринимает

их в одежке этого самого острого сюжета. Между тем беллетристическая динамика, пресловутый драйв, принципиальным образом отличается от динамики художественной прозы. Беллетристическое – в том числе детективное – напряжение создается не просто за счет иных повествовательных приемов, а за счет иного типа писательского дарования. Иногда оба этих типа соединяются в одном человеке, но едва ли в данном случае произошло именно это. Рискую вызвать обиду у успешного автора детективов, можно, тем не менее, предположить: прозаику Юзефовичу детективы противопоставлены, потому что у него даже очень хороший детективный сюжет, сталкиваясь с художественным типом повествования, не резонирует, а гасится» [7].

Единственная неточность в этом пассаже – противопоставление беллетристического и художественного; как мы уже сказали, в детективах Юзефовича сталкиваются скорее детективное и реалистическое начала.

Любопытно посмотреть, как оценивают специфику сюжета в реалистическом повествовании теоретики литературы. Например, Г.Фридлендер (как и многие другие исследователи) говорит о том, что в дореалистической литературе сюжет строится по некоторым схемам, а в реалистической рождается заново применительно к данному конкретному случаю [8. С. 57, 62]. Между тем в детективе, разумеется, повествование как раз схематично – и это оправданно. Сюжет, своей спонтанностью подражающий самой жизни, в детективе более чем неуместен.

Впрочем, не все исследователи реализма согласны с приведенной точкой зрения. Например, Н. Тамарченко справедливо указывает, во-первых, на то, что реалистические сюжеты можно типологизировать так же, как нереалистические¹, во-вторых – на заимствование реалистами сюжетных схем (Гоголем – из плутовского романа, Толстым – из жития и романа воспитания). Однако важно, что это не **воспроизведение**, а именно **заимствование**. «Мертвые души» или, скажем, «Ярмарка тщеславия» – это не плутовские романы, а произведения, использующие и переосмысляющие схему пикарески. Читать их как плутовские романы нельзя, потому что мы не найдем там всего, чего ждем от этого жанра. Точно так же нельзя читать «Братьев Карамазовых» как полицейский роман, а «Казарозу» как детектив: слишком очевидно, что мы здесь имеем дело не

¹ «Выражение “свободный сюжет” – всего лишь метафора. И в реалистическом романе, например, в русской литературе XIX в., повторяются ситуации, имеющие определенное и прочно связанное с ними содержание (скажем, ситуация “русский человек на rendez-vous”). Включает в себя этот тип романа и традиционные мотивы, вплоть до самых архаических, например, мотив смерти-воскресения у Л. Толстого и Достоевского» [9. С. 172].

с развитием традиции, а с использованием отдельных ее элементов.

Вообще мало кто из реалистов был способен писать так, чтобы читать их можно было лишь ради сюжета. Из русских писателей такими реалистами оказались Пушкин и Гоголь, из английских – Диккенс, из американцев – Брет Гарт, Марк Твен и О. Генри. В целом же реалистический тип сюжета либо слишком жизнеподобен (в результате сюжетное начало ослаблено), либо занимательный сюжет слишком явно подчинен какой-либо «сверхзадаче» (зрелый Достоевский, некоторые произведения Бальзака и т. п.).

Таким образом, детективу, как правило, вреден не только реалистический психологизм, но и все прочие элементы реализма, а особенно – реалистическая манера повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев П. А. Детектив на фоне мировой литературы: психологизм в детективном жанре / П. А. Моисеев // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. – С. 189–196.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Моисеев П. А., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: petre@mail.ru

2. Моисеев П. А. Детектив на фоне мировой литературы: реалистическая манера повествования и детектив (случаи Сэйерс и Тэй) / П. А. Моисеев // Гуманитарные исследования, 2015, № 2. С. 80–86.

3. Леонид Юзефович: «Мне не хочется кричать» // «АиФ Москва», № 19(513) от 07.05.2003. – Режим доступа: http://moskva.aif.ru/issues/513/14_01

4. Вольский Н. Н. Легкое чтение / Н. Н. Вольский. – Новосибирск : НПУ, 2006.

5. Пригодич В. Князь детектива, или Прелестная книга / В. Пригодич. – Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/kot/35.html#35>

6. Юзефович Л. Костюм Арлекина / Л. Юзефович. – СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К.Тублина», 2007.

7. Сотникова Т. Напрасный детектив / Т. Сотникова // <http://detective.gumer.info/txt/sotnikova.doc>

8. Фридендер Г. М. Поэтика русского реализма / Г. М. Фридендер. – Л., 1971.

9. Тамарченко Н. Д. Тип и «язык» сюжета в реалистическом романе. (К постановке проблемы) / Н. Д. Тамарченко // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX – начале XX века. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1985.

National Research Universit «Higher School of Economics»

Moiseev P. A., Asistant Professor of the Humanities Department

E-mail: petre@mail.ru

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ПРИЁМ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Мэй Цзылинь, О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: данная статья посвящена анализу функций синестезии в рекламном тексте. Рассмотрены словосочетания, репрезентирующие синестезийные характеристики рекламируемых товаров, показан их прагматический потенциал.

Ключевые слова: синестезия, суггестивное воздействие, перцептивная лексика, реклама, прагматический потенциал.

Abstract: the article is devoted the analysis of functions of synaesthesia in the advertising text. Word combinations, representing synaesthetic characteristics of the advertised goods are considered, their pragmatic potential is shown.

Keywords: synaesthesia, suggestive influence, perceptive lexicon, advertising, pragmatic potential.

По справедливому мнению З. И. Резановой и М. В. Иваницкой [1, 97], печатная реклама реализует две доминирующие концепции рекламирования: стратегию рационального воздействия и стратегию эмоционального воздействия. Согласно первой стратегии рекламный текст строится таким образом, чтобы, во-первых, убедить потребителя в полезности товара и необходимости совершения покупки, во-вторых, сделать это с помощью логических доводов (то есть доказать, что товар сможет решить возникшую проблему).

Стратегия эмоционального воздействия предполагает коммуникативную ориентацию на нелогическое восприятие со стороны потребителя, на суггестивность, и состоит в придании товару социально-психологической значимости. Большую роль в реализации эмоциональной стратегии играет перцептивная лексика, отражающая в языке процессы чувственного (сенсорного) познания мира, т.е. того, что воспринимается органами чувств. Как известно, ощущения разделяются на зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые (в их числе органические), осязательные (в их числе вибрационные и статические). При использовании перцептивной лексики в рекламном тексте чрезвычайно действенным оказывается приём, основанный на синестезии.

В психологии под синестезией понимается, по определению С. Л. Рубинштейна, «такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную» [2, 297]. В лингвистике под синестезией традиционно понимают использование

лексики, репрезентирующей ощущения одного перцептивного модуса, для обозначения ощущений и восприятий другого перцептивного модуса, то есть происходит совмещение, наложение друг на друга двух или более модусов перцепции. Например:

Макияж, в котором ярким акцентом являются губы — идеальное решение для холодного времени года. В этом сезоне палитра тяготеет к «вкусным» цветам — оттенкам спелых ягод.

Данная метафора основана на переносе вкусовых ощущений на зрительные.

Довольно частотным также является перенос: вкус – обоняние, например:

Эффектный сладкий аромат. Туалетная вода CAROLINA HERRERA.

THE BODY SHOP. Аппетитные ароматы, лакомые текстуры, натуральный состав. Новогодние подарочные наборы THE BODY SHOP никого не оставят равнодушным.

В последнем примере представлен не только перенос вкус – обоняние (аппетитные ароматы), но и перенос вкус – тактильные ощущения (лакомые текстуры).

Используется в рекламе и синестезия вкус – слуховые ощущения, например:

LOEWE QUIZAS LOEWE. Сладостные шлейфовые ноты окутывают вуалью неутолимого желания и соблазна благодаря аппетитным нотам ванили и интригующему финальному аккорду карамели (туалетная вода).

Возможны также следующие разновидности синестезии:

тактильные ощущения – обоняние, например:

Тёплый чувственный аромат. Туалетная вода SHAKIRA;

Аромат прохлады. Туалетная вода MASAKI;

зрение – обоняние, например:

Искрящийся, прозрачный и притягательный аромат. Туалетная вода CAROLINA HERRERA;

зрение – слуховые ощущения, например:

Shiseido. Избавьте вашу кожу от цветового шума. Тональный крем;

слух – обоняние, например:

Сладкие фруктовые ноты нектарина и груши переходят в аккорд турецкой розы и жасмина. Парфюмерная вода LANCOM.

Во многих видах рекламы используется приём полимодусной синестезии, например:

А ваш шоколад такой же, как шелк? Такой же тающий, такой же роскошный, обволакивающий? Это может быть только Dove. Dove. Шелковый шоколад.

В данном случае используется перенос ощущений из осязательной, тактильной сферы во вкусовую. Шоколад сравнивается с шелком, с его нежной фактурой, вызывающей приятные ощущения при прикосновении. Прилагательное *шелковый* переходит из разряда относительных в разряд качественных. Кроме того, добавляются также и тактильные ощущения (*обволакивающий*).

Ещё более богатыми по совмещению ассоциаций, связанных с разными перцептивными модусами, являются следующие синестезийные метафоры.

1. Very Irresistible. Аромат розы в новинке звучит необычно. Туалетная вода пахнет заснеженными розовыми лепестками.

Совмещаются ощущения: *обонятельные (аромат, пахнет), слуховые (звучит), зрительные (заснеженные лепестки)*.

2. Туалетная вода Lacoste, по задумке создателей, передаёт аромат тёплого морского бриза.

Совмещаются ощущения: *обонятельные (аромат), тактильные (тёплый), зрительные (морской)*.

3. Greenfield. Природный естественный аромат чая усилен тёплой волной шоколада и великолепными клубничными нотами.

Совмещаются ощущения: *обонятельные (аромат), тактильные (тёплый, волна), вкусовые (шо-*

колад, клубника), звуковые (ноты).

4. Repetto. Мы узнаем здесь тонкий, матовый аромат цветка вишневого дерева – он придает верхнему **аккорду бархатистый, напоминающий миндаль оттенок** (парфюмерная вода).

Совмещаются ощущения: *обонятельные (аромат), тактильные (тонкий, бархатистый), вкусовые (миндаль), зрительные (матовый, оттенок)*.

5. REVLON. Эта восхитительная коллекция делится на 3 семейства ароматов: фруктово-цветочные с экзотическими и фруктовыми **нотами для ярких и актуальных оттенков, сладко-пикантные с теплыми древесными гармониями для темных насыщенных оттенков, и свежие с чистыми, морозными акцентами для легких и воздушных оттенков** (лак).

Совмещаются перцептивные модусы: *обонятельный (аромат), слуховой (ноты), зрительный (яркий, тёмный, оттенки), вкусовой (сладко-пикантные), тактильный, включая температуру (лёгкий, тёплый, морозный)*.

Анализ показал, что наиболее креативно приём синестезии используется в рекламе парфюмерии. Перцептивная лексика, а особенно перцептивная метафора, в силу способности вызывать конкретно-чувственные ассоциации положительного характера, обладает очень высокой степенью воздействия на реципиента, и это обуславливает её широкое применение в рекламном тексте.

Приём синестезии, оказывая воздействие сразу на несколько органов чувств, вызывая цепочку связанных между собой положительных ассоциаций, несомненно, способствует суггестивному эффекту рекламного текста, что определяет его высокий прагматический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З. И. Метафора в рекламном дискурсе (на материале товарной телевизионной рекламы) // З. И. Резанова, М. В. Иваницкая // Миромоделирование в языке и тексте. – Томск : Издание ТГУ, 2003. С. 92–105.

2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. 720 с.

Воронежский Государственный университет
Мэй Цзылинь, аспирант кафедры общего языкознания
и стилистики

E-mail: ochar@inbox.ru

Чарыкова О. Н., д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: sternin@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Mey Zsilin, Post-graduate Student of the General Linguistics
and Stylistics Department

E-mail: ochar@inbox.ru

Voronezh state University
Charykova O. N., Doctor of Philology, Professor of the General
Linguistics and Stylistics Department

E-mail: sternin@phil.vsu.ru

ЧИТАТЕЛЬ КАК ПРОБЛЕМА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ПОД ЗНАКОМ ВЕРНОСТИ АВТОРУ И ПЕРЕВОДИМОМУ ТЕКСТУ (НА ПРИМЕРЕ «ЛИСТЬЕВ ТРАВЫ» УОЛТА УИТМЕНА)

И. В. Никитина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 17 мая 2016 г.

Аннотация: в работе на примере «Листьев травы» Уолта Уитмена рассмотрен один из аспектов проблемы понимания читателем т. н. «подчиненного» перевода: автор оригинала, будучи представителем западной культуры, использует древнееврейскую стихотворную технику, не соответствующую новоевропейской традиции (русской, в том числе).

Ключевые слова: перевод «Листьев травы» У. Уитмена, читатель, библейский параллелизм.

Abstract: the paper studies Walt Whitman's *Leaves of Grass* to discuss one of the aspects of the problem related to interpretation by the reader of the so-called 'subordinate' translation: acting as the bearer of Western culture, the author of the original applies Hebrew poetic techniques inconsistent with the New European tradition (including Russian tradition).

Keywords: translation of Walt Whitman's *Leaves of Grass*, reader, biblical parallelism.

Проблемной точкой для переводчика, выбравшего «почтительную верность» оригиналу императивом своей переводческой практики, зачастую выступает Читатель. Тот самый потенциальный читатель, который в силу обстоятельств не подготовлен к восприятию предлагаемой (или предполагаемой) переводческой работы – модель строения речи, смысл и дух подлинника (речь идет о значительных явлениях иностранной литературы) являются чуждыми для него.

Обширен контекст, в котором существует обозначенная проблема, – для понимания ее природы необходимо фундаментальное исследование. Однако различные аспекты этой проблемы есть смысл рассматривать по отдельности, на конкретных текстах. Поэма У. Уитмена «Листья травы» в этом ряду представляет несомненный интерес.

Чтобы представить Читателя, готового понять и усвоить творчество Уитмена, необходимо остановиться на некоторых моментах его эстетики. Определенной ценностью обладает отношение Уитмена к словам: принцип, организующий слова, определяющий в том или ином случае их значение, и есть *цель* автора [1, 74]. Развивая эту мысль, обратимся к следующему объяснению Уитменом собственной техники: «...моя форма определено выросла из целей и фактов и является их аналогией¹» [2, 660]. Конечно, можно сказать, что это объяснение слишком банально, что оно применимо ко всем художникам и поэто-

¹ Thus my form has strictly grown from my purports and facts, and is the analogy of them.

му вряд ли может оказаться нам полезным. Однако за утверждением о том, что художественные формы должны расти из и в ответ на их функции, непосредственно следует вопрос: какие именно функции? Подход Уитмена к этому вопросу делает его, казалось бы, общую идею оригинальной и плодотворной. Для него вопрос о функциях художественных форм предполагает установление связи формы, используемой художником, с его взглядом на мир. При этом Уитмен придерживается старого богословского принципа пропорциональности, согласно которому средства должны разумно соотноситься с целями: «...я никогда не был настолько глуп, чтобы тратить время на технику больше, чем этого требовалось для того, чтобы просто выразить необходимое; ради большего я бы палец о палец не ударил²» (из разговора с Г. Траубелом). Кроме принципа пропорциональности поэтическая техника Уитмена постигается в понятиях «простота» и «прямота выражения» (скорее всего как результат зависимости от традиционных предпочтений квакеров) [1, 78].

Эстетика Уитмена тесно переплетена с его религиозными убеждениями, с его этикой. Проблема Америки, по его мнению, сводится к социальной и религиозной проблематике и должна «анализироваться и разрешаться в литературе» [4, 112]. Уитмен отрицал церковь как главный орган спасения души, эту миссию он возложил на искусство и художника. Будучи сторонником эстетики, поддерживающей

² '... never fooled with technique more than enough to provide for simply getting through; after that I would not give a twist of my chair for all the rest' [3, p.84].

практическую программу спасения здесь, на земле, Уитмен рассматривал поэтическое искусство как средство откровения и прорицания: «Вскоре больше не станет священников <...> пророки en masse займут их место³» [5, 34]. Г. У. Аллен в связи с этим отметил: «В последующих изданиях (начиная с четвертого. – И. Н.) Уитмен <...> стал (или пытался стать) поэтом-пророком или мифотворцем⁴» [6, 64]. Правда, здесь же (в «Путеводителе по Уитмену») Аллен говорит и о уитменовском «возвышенном идеализме поэта-провидца, воспевающего прообразы и архетипы» [6, 79]. Однако, учитывая, что пророк уже предполагает в себе провидца, нет большого смысла говорить о разнице между этими понятиями. Отметим лишь, что эти близкие по значению слова все же отличаются по степени активности субъекта. Неслучайно ряд критиков обвиняли Уитмена в том, что «в последние годы Уитмен-провидец уступил Уитмену-пророку, пропагандист подчинил себе поэта» [7, xxxv]. В этом обвинении есть доля правды: с каждым новым изданием «Листьев» возрастала побудительная активность поэтического слова Уитмена. Но этому есть и свое объяснение – поэт хотел, как справедливо заметили С. Брэдли и Г. Блуджетт, чтобы его воспринимали как «целостность», которая способна отрешенно понять и усвоить божественное видение, а также продуцировать его побудительную активность [7, xxxv].

Видение для Уитмена – это путь художественного познания истины. Выступая в роли провидца, он образно воплощает свои мысли и чувства, касающиеся будущего американской демократии. В роли пророка он предлагает американцам основанную на этом видении Программу Спасения. В провидчестве и пророчестве заключается основной принцип функционирования мифа в «Листьях». Уитмен по сути дела сделался американским мифотворцем⁵, аранжирующим мифосознание нации – «Ибо кто, кроме меня, до сих пор понимал, что дети твои в массе своей собой являют⁶» [8, 262].

Без преувеличения можно сказать, что мифопоэтический аспект является определяющим в «Листьях травы»: Уитмен выдерживает онтологическое неравенство мифологического и исторического

в своем мире в пользу мифологического. Мифотворчество Уитмена находит поддержку и в системе архетипов, и в формировании архетипической личности для будущей демократии, а также в создании собственной космогонии – повествования о структурировании, формировании нового или обновленного мира, более совершенного, чем реальный.

Анализ «мифологических методов», используемых Уитменом при создании модели мира, показывает, что наиболее подходящим вариантом для него стала субъективно-объективная структура мифа (в соответствии с типизацией А. Ф. Лосева)⁷, которая, кстати, восходит к первобытному мифу – он тоже не различал субъекта и объекта (в этом проявилась диффузность первобытного мышления).

Системная организация мифологических конструкций в «Листьях травы» реализуется с помощью приема мифореставрации – Уитмен реконструирует ряд свойств мифологического мышления. Законы мифомышления теснят в его мире законы мыслящего разума. При этом он, конечно, сознает условность самой ситуации мифотворчества⁸, но, будучи поэтом, всецело принимает правила «священных игр искусства» [4, 92].

Рассуждения о мифологизме Уитмена, в общем-то, беглые и поверхностные⁹, нужны нам для дальнейшего разговора о форме уитменовского стиха и о функциях этой формы. Реконструкция мифологического сознания предполагает отражение определенных моделей строения речи, изначально присущих человеческому мышлению.

Путь воистину, О душа, к первобытной мысли<...>

К первобытному раю разума,

Назад, назад, туда, где рождается мудрость, к невинным познаниям¹⁰ [8, 351]

Жизнь древнего общества была подчинена известному циклическому распорядку – отсюда и свой-

⁷ Эту структуру А. Ф. Лосев называет также общественно-личностной, т. к. «диалектическим синтезом субъекта и объекта является личность», которая «получает свое окончательное выражение только в обществе» [9, с.19].

⁸ Всякое мифотворчество предполагает трансформированное мифосознание, представляющее собой уже сознание рефлексивного типа. Целесообразно поэтому процесс мифотворчества связывать с реконструкцией мифомышления, не подразумевающей тождественности первобытного (синкретического) и так называемого «восстановленного» (для мифотворчества) сознания.

⁹ Целостная концепция мифологизма Уитмена представлена в монографии «Мифопоэтика «Листьев травы» У. Уитмена» [4]. В этой же работе (с. 18–26) можно уточнить понимание ряда востребованных в статье терминов, соотношенных как с мифом, так и с творчеством Уитмена.

¹⁰ Passage indeed, O soul, to primal thought <...>

To reason's early paradise,

Back, back to wisdom's birth, to innocent intuitions.

³ There will soon be no more priests <...> prophets en masse shall take their place.

⁴ Миф ставится Уитменом в один ряд с божественными видениями пророков. Таким образом, в мире Уитмена проявилась одна из основных функциональных особенностей мифологии: она «проецирует себя в качестве теологии» [4, с.48].

⁵ Америке в эпоху романтизма еще только предстояло утверждать национально-исторические образы и символы, создавать свою мифологию.

⁶ For who except myself has yet conceiv'd what your children en-masse really are?

ства первобытного сознания и порожденный этим сознанием поэтический прием организации текстов – параллелизм (во всех его проявлениях).

Нам не представляется возможным перечислить все работы, в которых затрагивается тема параллелизма. Тем более рамочная тема статьи не предусматривает его глубокого исследования. Для краткой исторической справки воспользуемся работой А. Десницкого «Поэтика библейского параллелизма». В ней автор справедливо утверждает, что параллелизм служит универсальным средством организации поэтического текста практически для всех литературных традиций на их начальной стадии. Однако в дальнейшем разные традиции, отталкиваясь от параллелизма (как типологически общего начала), постепенно усложняют принципы организации поэтического текста. Процесс этот идет в двух направлениях: первое (его выбрала древнееврейская поэтика) – параллелизм, оставаясь основным поэтическим приемом, доводится до высокого уровня организации, второе (по нему пошли новоевропейские литературные традиции, русская в том числе) – замена фольклорного параллелизма более сложными схемами [10].

Уитмен, заявляя, что он является родоначальником нового метода, нового типа стихосложения, по сути дела отстаивал собственную, наиболее естественную для него форму стиха в качестве средства, к которому следует обращаться поэту – пророку Демократии. Мы не знаем, где он усвоил эту форму, но каковы бы ни были ее источники, она явилась скорее повторным открытием стихотворной техники, возникшей примерно пять тысяч лет назад, нежели изобретением совершенно нового метода. Уитмен не следует новоевропейской литературной традиции – основным поэтическим приемом для него стал (возможно, неосознанно) параллелизм Ветхого Завета. Впрочем, эта аналогия ассоциируется с другой (уже явно осознаваемой Уитменом): его план состоял в том, чтобы осуществить «Великое Возведение Новой Библии» [4, 87], Библии Демократического века. Отсюда и масштаб задачи – побудить своего читателя сделать выбор, который бы определил и его судьбу, и судьбу Демократии.

В ветхозаветной традиции неизбежно заданы основные ценностные ориентиры, т. е. библейский текст посредством параллелизма выстраивает определенную картину мира¹¹ с некоторыми абсолютными ориентирами. Читатель, воспитанный на этой традиции, легко понимает библейского пророка – ему не требуются какие-либо субъективные объяснения, его не заботит точность определений и логическая последовательность. Ему важно другое – для каждой мысли, для каждого предмета или

¹¹ Нет надобности каждый раз выстраивать картину мира заново – чтобы внести в нее новый элемент, нужно просто подобрать ему соответствующую параллель.

явления найти точное место на абсолютной шкале ценностей и провести правильные параллели [10].

Поскольку поэтическая техника Уитмена основана на библейском параллелизме¹², представляется крайне важным вопрос о существовании абсолютных ориентиров в его мире. Их игнорирование (что, собственно, свойственно читателю, чуждому древнееврейской поэтической традиции) чревато тем, что мир поэта явится читателю как калейдоскоп картин (одна будет порождать другую и т. д.) – процесс бесконечный и неконтролируемый. Неслучайно критика обвиняла Уитмена в «интеллектуальном анархизме» (Ч. Фейдельсон мл.). Да и сам Уитмен проявлял обеспокоенность и предупреждал читателя:

Путь сомнителен, исход неясен, возможно, разрушителен<...>

Мои поэмы будут творить не только добро, но и столько же зла, может быть больше¹³... [8, p.99-100]

Для Уитмена в его отношениях с читателем сложилась настолько парадоксальная ситуация, что он был вынужден писать рецензии на самого себя (темы, затрагиваемые Уитменом в подобных рецензиях, – показатель их особой важности для него). Подсказкой читателю можно считать следующее рассуждение из его саморецензии: «...его поэзия некоторым покажется непонятной именно из-за своего назначения, ведь она адресована душе» [1, 81]. Таким образом, Уитмен указал тот вектор, в направлении которого следует рассматривать его художественный мир, чтобы последний представил собой тяготеющее к совершенству единство. Душа, странствующая в мифологическом измерении мира Уитмена, является тем ориентиром (в системе абсолютных ориентиров), по которому выстраивается главная сюжетная линия «Листьев». «Если последовательно, одно за другим читать заглавия этих циклов (составивших «Листья травы». – И. Н.), они звучат великолепно, наводя на размышления о странствии души с момента ее вхождения в этот мир через его освященные порталы до ухода из физического существования» [4, 56]. Уитмен, по словам Ч. Г. Метцгера, исходил из принципа: внимание к эстетике должно обуславливаться более пристальным вниманием к душе [1, 70].

Душу Уитмен приравнивает к индивидуальному религиозному сознанию. При этом религиозный дух «Листьев» он определяет как древнееврейский

12 Стихи «Листьев травы», подобно поэзии Ветхого Завета, включают четыре типа параллелизмов: синонимический, антитетический, синтетический или кумулятивный и кульминационный или восходящий ритм.

13 The way is suspicious, the result uncertain, perhaps destructive <...>

Nor will my poems do good only, they will do just as much evil, perhaps more...

в своей основе, ибо уверен, что «внутреннее и основополагающее качество человека – древнееврейское, библейское, загадочное» [4, 99]. Но если форму для «Листьев» Уитмен «нашел» в Ветхом Завете, то религиозный дух, символический статус поэмы в большей степени – христоподобный¹⁴. Уитмен полностью принимает гуманизм христианства: «В контексте идеалов гуманизма Библия и «Листья травы» совместимы полностью» [4, 107].

Следует ли отсюда, что к системе абсолютных ориентиров в мире Уитмена можно отнести десять заповедей Закона Божия – закона строгой правды и девять заповедей Новозаветного закона – закона божественной любви и благодати, имея при этом в виду, что последний дает людям силу исполнить первый: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» [Мтф. 5:17]?

Стремление Уитмена сделать свою книгу Новой Библией вовсе не означало, что он пытался «Листьями» заместить древние священные книги. Очевидно, и система абсолютных ориентиров, впитав идеалы гуманизма Библии, в целом будет представлять нечто *новое*, соответствующее концепции уже новой религии, которую поэт намеревался основать:

Знай, лишь ради того, чтобы бросить в землю семена еще более великой религии,

Следующие песни, каждую в своем роде, я пою¹⁵ [8, 19]

Новая религия Уитмена есть синтез высокой духовности мира христианского и «природности» античной мифологии. Языческое своеволие Уитмена прорывается в телесности, чувственности. В «Листьях» красной нитью проходит лукрецианская идея о том, что тело и душа едины. Однако надо иметь в виду и его доктрину о «расширении», согласно которой душу *поэта* Уитмен наделяет силой роста, нескончанного материей.

Собственно и концепция христианства претерпела в мире Уитмена некоторые изменения. Об этом, прежде всего, свидетельствует его стихотворение «Воспевая божественную четырехсторонность», которое имеет базисный характер и представляет, по сути, в «Единой Цельности» архетипическую опору поэмы. Для божественного четырехугольника Уитмена, как и для христианского креста, характерно соединение Троицы и Тени (Сатана – Тень Бога). Но если крест (имеющий восемь, иногда – семь открытых концов) выражает идею Троицы и дьявола в оппозиции к ней, то четырехугольник Уитмена символизирует полное примирение и согласие – об

14 В христианской литературе библейский параллелизм уже взаимодействует и сливается с эллинистической риторикой.

15 Know you, solely to drop in the earth the germs of a greater religion,

The following chants each for its kind I sing.

этом свидетельствует замкнутость его формы (нет открытых концов).

... это портрет Люцифера – портрет отвергнутого Бога,

(Но я не отвергаю его – пусть отверженный и бунтующий, он мой Бог, равно как и любой другой);

И вновь головы трех других Богов – Бога Красоты, Бога Милосердия и

Бога Всеобщности (они также мои)¹⁶ [8, 563]

Пантеон богов, представленный в этом стихотворении, является структурой, символизирующей идею духовного равновесия. Если, рассуждал Уитмен, единство в человеке всех четырех сторон – естественных законов природы, христианской любви, закона неповиновения и созидающего жизнь всеобъемлющего духа – позволило ему выбраться из первобытного болота и проделать большой путь в сегодняшний день, то его перспективы можно считать поистине безграничными. Уитмен полностью принимает принцип эволюционирования вселенной. При этом эволюционный процесс он связывает с активным участием в нем души. По этой причине при моделировании архетипической личности для будущей американской демократии стержневой для него стала идея трансценденталистов о божественности человеческого «я». Эту идею, увязанную с эволюционным принципом, также следует включить в контекст абсолютных ценностей уитменовского мира.

Уитмен посредством параллелизма выстраивает определенную картину мира, опорой в котором является система абсолютных ориентиров. Такой процесс соответствует наращиванию новых смыслов на архетипическую конструкцию, а не бесконечному и неконтролируемому потоку не связанных друг с другом картин. Поэт, рассчитывая на совместный творческий акт с читателем (о чем речь ниже), не лишает последнего внешней точки зрения.

Нет оснований представлять нашего читателя как проблему для существующих переводов «Листьев» на русский язык. Заметим лишь, что тот аспект творчества поэта, который заинтересовал русского читателя (идеи мессианства и интернационального братства, воспеваемая поэтом мужаящая индустрия и человек труда, уитменовский космизм) не рассматривался ни переводчиками, ни тем более читателями, в русле мифотворчества – процесса, связанного с моделированием мифологического мышления и приведшего Уитмена к библейскому параллелизму. Переводчики проигнорировали мифологизм Уитмена и не придали должного значения его принципу пропорциональности (о разумном

16 ... is Lucifer's portrait – the denied God's portrait, (But I do not deny him – though cast out and rebellious, he is my God as much as any;) And again the heads of three other Gods – the God Beauty, the God Beneficence, and the God Universality, (they are mine, also;)

соотношении средств с целями). Они восприняли уитменовский параллелизм крайне упрощенно. Для более полного и глубокого его понимания следовало ориентироваться не столько на внешние черты этого поэтического приема, сколько на функции, которые он исполняет в тексте.

Если же предположить, что явился, наконец, тот *der Rechte Mann*, который, «напившись смыслом и духом подлинника», выдержав уитменовский «принцип, организующий слова», явил, наконец, русскому читателю так называемый «подчиненный» (по П. А. Вяземскому) перевод¹⁷. Как он будет воспринят?

Чтобы предвосхитить возможную реакцию, кратко рассмотрим проблему существования древнееврейской поэтической традиции в русском художественном переводе. Из всех библейских текстов более всего в русской литературе повезло Псалтири – можно говорить о традиции стихотворного переложения псалмов. В 1680 году Симеон Полоцкий переложил Псалтирь на церковнославянский язык силлабическими стихами. Его «Псалтирь рифмованная» явилась более доступным «для семейного чтения» переложением священной книги, чем изданные ранее канонические тексты¹⁸. Правда, такая литературная попытка оказалась преждевременной – высшее московское духовенство встретило ее крайне недружелюбно. Но нас в данном случае интересует не это, а подход переводчика, продиктованный его стремлением сделать Псалтирь более доступной для «семейного чтения». Действительно, рифма позволяет безошибочно предугадывать слово, ритм, синтаксический оборот. Такая предсказуемость обеспечивает читателю мыслительный процесс по «накатанному пути».

В XVIII веке традиция стихотворных переложений псалмов устоялась. В 1744 году вышла в свет напечатанная при Академии Наук брошюра «Три Оды Парафрастические псалма 143, сочиненные через трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо». Поводом к ее появлению явился спор о том, какой из стихотворных размеров наиболее подходит для высокого штиля: ямб или хорей. М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков переложили псалом ямбом, В. К. Тредиаковский – хореем. Оставаясь верными своему выбору, Ломоносов и Сумароков в дальнейшем также продолжали переводить псалмы ямбом, хотя Сумароков продемонстрировал и владение техникой свободного стиха (исследователи нередко связывают опыты Сумарокова с «библейской» теорией генезиса верлибра). Известно, что Сумароков перевел почти всю «Псалтирь».

¹⁷ Перевод, сохранивший и смысл, и дух, и форму подлинника.

¹⁸ Канонический текст/перевод – перевод, одобренный русской церковью и используемый для богослужебной практики.

Большую часть (около 3/4) составили рифмованные переложения, выполненные четырехстопным ямбом. Остальная часть – безрифменный ямб и верлибр, однако опыт верлибра не закрепился в традиции стихотворного переложения псалмов.

В XIX веке с нарушением трех штилей парафраз псалма выпал из сферы актуальной литературы. Не было в нем нужды и в богослужебной практике – там всегда использовался сакральный текст.

В XX веке (1965–1966 гг.) Генрих Сапгир реформирует традицию стихотворного переложения псалмов. При этом он, используя тактовик, так решительно модернизирует¹⁹ канонический текст, что даже текстуальные параллели, которых немало в его «Псалмах», воспринимаются чуть ли не оскорбительными на фоне канонического текста. В результате желание реформирования привело Сапгира к написанию совершенно самостоятельной книги, которую даже с натяжкой трудно назвать переводом.

С. Г. Стратановский (1972 г.) также достаточно вольно обращается с каноническим текстом. Для предметности разговора приведем вторую строфу из его «Фантазии на тему 1-го псалма»:

Лишь тот блажен, кто к нечестивым
Нейдет в греховные дома
Их языки черны и льстивы
А пир заразен как чума [11]

Ритмический рисунок близок к уже существующему в парафрастической традиции, например, сумароковскому переложению первого псалма:

Блаженъ мужъ кто, мерзя, не входитъ,
Въ совѣтъ неправедныхъ людей
Къ пути, гдѣ шествуетъ злодей,
Ево умъ чистый не поводитъ [12]

В обоих случаях – четырехстопный ямб, т. е. Стратановский на ритмическом уровне (ритм из дополнительного признака в нашем случае превращается в первичный признак) не преодолевает инерцию парафрастической традиции XVIII века. Приведем канонический текст, соответствующий этим парафразам: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей» [Пс. 1:1]. В так называемых «поэтических» переводах Сумарокова и Стратановского, как и в каноническом тексте, выражена, казалось бы, одна и та же мысль: человек должен избегать общения с людьми, погрязшими в грехе. Но лишь канонический перевод сохранил основной ритмообразующий принцип Священной Книги – библейский параллелизм (в данном случае синонимический), а вместе с параллелизмом и свойственный древнееврейской традиции путь из мира слов в окружающий мир: канонический текст вводит мысль в контекст абсолютных ценностей десяти заповедей и показывает, какое место «порок» зани-

¹⁹ Г. Сапгир вводит новые реалии, например, связывает вавилонское пленение евреев и нацистский геноцид.

мает в этом мире. (Тогда как Сумароков и Стратановский предлагают свои субъективные объяснения.)

Хотя есть претензии и к каноническому тексту псалмов. Кроме утраты некоторой доли поэтичности, реакцией на которую, собственно, и явились стихотворные переложения, канонический перевод не справился с передачей «потрясающей прямоты выражения» древнееврейского оригинала, «такой прямоты, при которой каждый раз выбирается поистине кратчайший путь от реальности к слову и от слова к сердцу <...> «никакого плетения словес», сплетения корней (так удающегося <...> по-славянски²⁰)» [13]. (Напомним, что стремление к «простоте» и «прямоте выражения» характерно для поэтической техники Уитмена – эти понятия являются важными аспектами его концепции единства.)

Но особенно далека от библейской «прямоты выражения» традиция русских парафразов: метр и рифма требуют привлечения дополнительных ассоциативных связей, например, новой образности (у Стратановского образное описание нечестивых не имеет параллели в ветхозаветном псалме) или очевидных логических связей (3 и 4 строчки Сумарокова).

Вывод, который напрашивается в результате проделанного экскурса: стихотворное переложение библейских текстов освоено русской литературной традицией крайне поверхностно – проигнорировано качество древнееврейского языка. Канонический текст, хотя и он не лишен недостатков, вызывает больше доверия. Очевидно, на него и следует ориентироваться русскому читателю, чтобы понять и усвоить возможный «идеальный» перевод «Листьев». Думаем, это же имел в виду и И. Бродский, когда признав переводы К. Бальмонта и К. Чуковского неудовлетворительными, заявил: «...сегодня русский читатель мог бы Уитмена оценить в гораздо большей степени, если бы <...> Библия была бы в России более обиходной. Потому что длина уитменовского стиха, его каденция держится на библейской интонации» [14, 119–120]. Заметим, последние слова Бродского соответствуют признанию, сделанному Уитменом критикам о своей внимательности и аккуратности при определении длины строк [15, 220].

Все вышеизложенное позволяет обозначить основные требования, которым должен соответствовать читатель «подчиненного» перевода «Листьев травы»:

– понимать библейский параллелизм как поэтический метод во всех его проявлениях, уметь находить связи скрытые и проводить параллель даже там, где она вовсе не очевидна, четко представляя

²⁰ Проблема отсутствия прямоты выражения при передаче библеизмов существует и в западных канонических текстах.

при этом систему абсолютных ориентиров в мире Уитмена;

– хорошо знать текст Библии – символ Христа Уитмен утверждает как с помощью небольшого количества откровенных отголосков Нового Завета, так и с помощью множества незначительных аллюзий, едва ли значимых самих по себе, но имеющих большое значение для достижения сильного совокупного эффекта.

Соответствие этим требованиям предполагает принцип коммуникативной ориентации, аналогичный библейскому. И автор «Листьев», и Автор Библии ориентированы на коммуникацию типа «я – я» (классификация по Ю. М. Лотману), предполагающую высокую степень активности читателя – от последнего требуется диалогическое понимание или творческое взаимодействие: «...я не столько стремлюсь утвердить или развить ту или иную тему, сколько ввести тебя, читатель, в атмосферу этой темы, этой мысли, дабы отсюда ты сам совершил свой полет» [4, 49]. Иными словами, читатель «Листьев» получает не готовые единственно верные ответы на вечные вопросы человечества, а скорее вопросы для самостоятельного изучения, польза от которых будет состоять в накоплении уникальных и личностных знаний (речь идет о вещах очень важных, судьбоносных для читателя). Но способен ли сегодняшний читатель в России к диалогу с автором «Листьев травы»?

ЛИТЕРАТУРА

1. Metzger Ch.R. Thoreau and Whitman. A Study of their Esthetics / Ch.R. Metzger. – Seattle : University of Washington Press, 1961. – 185 p.
2. Whitman Walt. Preface 1876 – Leaves of Grass and Two Rivulets // Whitman Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / Edited by Michael Moon. – New York : A Norton critical edition, 2002. – P. 652–661.
3. Traubel Horace. With Walt Whitman in Camden. November 1, 1888 – January 20, 1889. Volume III / Horace Traubel. – New York : Rowman and Littlefield, 1931. – 590 p.
4. Никитина И.В. Мифопоэтика «Листьев травы» У. Уитмена: монография / И.В. Никитина. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013 – 175 с.
5. Whitman Walt. Preface 1855 – Leaves of Grass, First Edition // Whitman Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / Edited by Michael Moon. – New York : A Norton critical edition, 2002. – P. 616–636.
6. Allen Gay Wilson. A Reader's Guide to Walt Whitman / Gay Wilson Allen. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1970. – 280 p.
7. Bradley S. The Growth of "Leaves of Grass": Introduction / S. Bradley, H.W. Blodgett // Whitman, Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism. New York : A Norton critical edition, 2002.

xxvii-lii p.

8. Whitman Walt. *Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism*; edited by Michael Moon / Walt Whitman. – New York: A Norton critical edition, 2002. – 919 p.

9. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф // Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Московского университета, 1982. – 480 с.

10. Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма / А. Десницкий. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/poetika-biblejskogo-parallelizma.shtml>

11. Стратановский С. Антология новейшей русской поэзии / С. Стратановский. – Режим доступа: <http://www.kkk-bluelagoon.ru/tom4b/stratanovsky.htm>

12. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго ученаго Собранія Члена Александра Петровича Сумарокова / А. П. Сумароков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0460oldorfo-1.shtml

13. Аверинцев С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию / С. Аверинцев – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/1/david1-pr.html

14. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М. : Изд-во ЭКСМО, 2002. – 448 с.

15. Allen Gay Wilson. *American Prosody* / Gay Wilson Allen. – American Book Company, 1935. – 342 p.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Никитина И. В., доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода переводческого факультета
E-mail: irene.nikitina@gmail.com

Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nikitina I. V., Associate Professor, the Theory and Practice of the English Language and Translation, School of Interpreting and Translation Department
E-mail: irene.nikitina@gmail.com

«НОВАЯ АТЛАНТИДА» Ф. БЭКОНА КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ И НАУЧНОЕ СОЧИНЕНИЕ

М. К. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 мая 2016 г.

Аннотация: «Новая Атлантида» Ф. Бэкона рассматривается как литературное произведение, которое принадлежит к жанру утопии, и сочинение ренессансного ученого-гуманиста об идеальном обществе и месте в нем науки и образования.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, «Новая Атлантида», жанр утопии, гуманистическое представление об идеальном обществе.

Abstract: «Nova Atlantis» by F. Bacon is analyzed as a literary piece belonging to the genre of utopia and as a philosophical piece by a Renaissance humanist on ideal society and the role played in it by science and education.

Keywords: Francis Bacon, utopia as a literary genre, humanistic conception of ideal society.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – фигура яркая, не теряющая даже на фоне таких гигантов английского Возрождения, как Шекспир, «кандидатом» в которые его одно время считали [см.: 1]. Человек одаренный, выходец из среды «нового дворянства», царедворец, он всю жизнь стремился сделать политическую карьеру – и сделал ее, став в 1618 г. лордом-канцлером. С этого поста он был с позором изгнан за коррупцию, приговорен крупному штрафу и к заключению в Тауэр, откуда вскоре благополучно вышел. Однако в историю Ф. Бэкон вошел как философ, увлеченный проблемами знания и науки, и к тому же обладатель несомненного литературного дара. Последний проявился, в частности, в неоконченной утопии «Новая Атлантида», которая создавалась, по всей видимости, в 1623 г. по-английски, затем была переведена на латинский язык и опубликована посмертно в 1627 г. К этому времени уже были известны «Опыты и наставления» (изданные при жизни автора трижды), трактат «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» (1609), сборник миниатюр «О мудрости древних» (1612), «Новый Органон» (1620), «О достоинстве и приумножении наук» (1623), «Описание интеллектуального мира», изданное посмертно.

Жанр утопии, наиболее популярный в эпоху Возрождения, когда он собственно и сформировался, известен хорошо, его характерные черты литературоведением давно выделены и описаны. К жанровым признакам утопии принято относить стилистическую однородность, при которой «и слово авторского плана, и слово героя как будто принадлежат одному и тому же лицу» [2, 276]. Повествование

ведется, как правило, героем-путешественником, при помощи разных художественных средств автор пытается представить его как правдивое. Сюжет представляет собой историю о том, как герой и его спутники посетили идеальную страну, которая подробно описывается. При этом читатель «не может воспринимать утопическую страну... «изнутри», с внутренней точки зрения» [2, 277].

Как художественное произведение «Новая Атлантида» обладает всеми признаками жанра, который в то время уже был представлен столь выдающимися образцами, как «Утопия» (1516) Томаса Мора и «Город Солнца» Джованни Доменико Кампанеллы (1602 написан, 1623 – опубликован). В сочинении Ф. Бэкона убедительно представлена «пространственная недостижимость» [2, 277] идеальной утопической страны, сознательно изолировавшей себя от остального мира. Но при этом «пространственная недостижимость» сочетается с вполне достоверными географическими сведениями. В литературе Англии, государства островного, начиная со средневекового «Странника» и по сей день излюбленным мотивом является морское путешествие. Им открывается и «Новая Атлантида», причем рассказывая о фантастической стране Бенсалема, Бэкон опирается на сочинение Марко Поло, упоминая описанные им города Камбалу и Кинсаи. Собственно говоря, и в Бенсалеме герои оказались из-за того, что неблагоприятные ветры пригнали их корабль в неисследованную часть Южного моря, т. е. Тихого океана. Ситуация для эпохи Великих географических открытий вполне заурядная, именно так на карте мира появились многие острова и материки. Менее заурядной предстает встреча путешественников с аборигенами. Они живут отнюдь не в хижинах из паль-

мовых листьев, а в красивом городе, носят богатую и изысканную одежду, предъявляют гостям пергамент с текстом на древнееврейском, древнегреческом, латинском и испанском языках, запрещающим им высадку на берег. К удивлению вновь прибывших, жители Бенсалема не проявляют энтузиазма, когда путешественники сообщают им, что имеют «с собой кое-какие товары», которые готовы продать, чтобы оплатить свое пребывание в стране. Еще большее удивление вызывает тот факт, что и слуги, и чиновники со словами «Как? Вторичная плата?» [3, 197] отказываются принимать у них вознаграждение.

В соответствии с законами жанра утопии повествование в «Новой Атлантиде» ведется от первого лица, но кто этот «я», облеченный, судя по тексту, некоей властью («решил я созвать своих спутников», с.197) и обладающий авторитетом («для беседы с глазу на глаз [с одним из ученых, отцов Дома Соломонова – М. П.] спутники мои избрали меня», с. 215), так и остается неясным. Непонятной остается и национальность путешественников, нигде не сказано, что это англичане, но понятно, что они европейцы.

Как и полагается в произведениях утопического жанра, оказавшись на острове, путешественники поражаются устройством его социума и государства, что дает возможность автору изложить свои идеи относительно идеального общественного устройства. Сопоставляя утопии Мора и Бэкона, исследователи отмечают, что последний уделяет мало внимания общественному устройству описываемой им страны [см., например: 4, 53]. В сохранившейся части «Новой Атлантиды» основное внимание уделено двум вопросам – семье и науке. В рассуждениях о семье, которые сюжетно связаны с рассказом о бенсалебском Празднике семьи, заметен принцип «от противного», явно звучит осуждение нравов европейцев. На острове нет «ни публичных домов, ни блудниц и ничего на это похожего» (с. 212); бенсалебцев изумляет и возмущает, что европейцы терпят «у себя подобные вещи» (с. 212).

В конструировании и описании идеального общества главным для Бэкона, однако, возможность воплотить свои мысли о науке, ее целях, способах ее организации, ее месте в государстве. Эти мысли занимали философа на протяжении всей его жизни, они составляют основное содержание всех его философских трудов. Одновременно с «Новой Атлантидой» он работал над трактатом «О достоинстве и приумножении наук» – первой частью задуманного и «Великого Восстановления наук», главного (и неоконченного) труда Бэкона. Красноречивы уже названия упомянутых работ, в которых присутствует слово «Наука». Можно предположить, что «Новая Атлантида» была задумана как иллюстрация важных для писателя тезисов о науке, высказанных в упомянутых работах. Неудивительно, что значительная

ее часть посвящено Дому Соломона, некоему Ордену или Обществу, которое служит Бенсалебу «путеводным светочем» (с. 207). Цель этого учреждения Ф. Бэкон обозначает как «изучение творений господних» (с. 207) и «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природой, куда все не станет для него возможным» (с. 216). Эти формулировки почти дословно совпадают с фразой, открывающей «Новый Органон», задуманный как вторая часть «Великого Восстановления наук»: «Человек, слуга и истолкователь природы столько совершает и понимает, сколько постиг в ее порядке делом или размышлением» [5, 12].

Сопоставление «Новой Атлантиды» с трактатом «О достоинстве и приумножении наук» показывает, что и в рассмотрении проблемы науки Ф. Бэкон пользовался в своей утопии методом «от противного». В «Достоинстве и приумножении», с одной стороны, представлена во многом критическая картина положения науки и ученых в современном философу обществе, а с другой – перечислено, что необходимо для исправления ситуации. По мнению Бэкона, «деятельность и усилия, способствующие развитию науки, касаются трех объектов: **научных учреждений, книг и самих ученых** (выделено здесь и далее мной. – М. П.)» [6, 147].

Свои представления о том, каким образом должны быть устроены **научные учреждения**, Ф. Бэкон воплощает в «Новой Атлантиде». В беседе с повествователем отец Дома Соломонова подробно описывает «сооружения и приборы» (с. 216), которыми располагают бенсалебцы для занятий наукой. Они весьма многочисленны и разнообразны. Это и рудники различной глубины, применяемые «для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел» (с. 216), и высокие башни, где, кроме прочего, ведутся наблюдения за природными феноменами. В число научных учреждений Бенсалема входят парки, заповедники, всевозможные печи, домá света, домá звука, домá ароматов, математическая палата и многое другое. Ф. Бэкон подробно описывает и то, как организована исследовательская работа членов Дома Соломонова. Необходимо подчеркнуть, что все описанные Бэконом исследования ведутся экспериментальным путем – ради изобретения чего-то полезного. Ко времени, когда создавалась «Новая Атлантида», в практике европейских ученых уже произошел поворот к эксперименту как основе знания. Галилео Галилей уже построил свой телескоп (1609) и ввел его в исследовательскую практику. В годы, когда Бэкон писал свою утопию, Галилей создавал составного микроскопа, а Уильям Гарвей, работая врачом в лондонской больнице св. Варфоломея, уже был на пути к «Анатомическому исследованию о движении сердца и крови у животных», опубликованному через два года после смерти Бэкона. Но теоретическое осмысление роли

эксперимента в науке сделал именно Бэкон, создав «философию экспериментального естествознания» [4, 17].

В связи с тем, какое значение Ф. Бэкон придал в «Достоинстве наук» книгам, важно подчеркнуть, что в «Новой Атлантиде» **книги** являются предметом особой заботы. Те двенадцать членов Дома Соломонова, которых направляют в «большой мир», должны привезти оттуда «книги, материалы и описания опытов» (с. 223). Отдельная группа бенсалемских ученых занята тем, что извлекает «материал для опытов, содержащийся в книгах» (с. 223).

По-видимому, Ф. Бэкона особенно занимала проблема ученых, которую он рассматривал с разных сторон. Характеристика ученых, их места и роли в социуме в ряде случаев поражает современностью оценок и размышлений. Ф. Бэкон в «Достоинстве и приумножении наук» выделяет ряд причин, по которым человек согласен трудиться (выгода, удовлетворение честолюбия, достижение власти) и подчеркивает, что «из всех людей **только ученые любят труд ради него** самого» и «получают **удовольствие от трудов и научных занятий**» [6, 98]. Упомянув о том, что ученые, как правило, живут в **бедности и нужде**, незаметно и уединенно, писатель с негодованием отмечает, что «**почти никогда не происходит публичного поощрения** (или оно происходит очень редко) людей, способных создавать труды или проводить исследования в тех областях науки, которые все еще недостаточно разработаны» [6, 154]. Возвращаясь к этому вопросу неоднократно, Ф. Бэкон настаивает на том, что в отношении ученых необходимо решить две задачи. Он их формулирует следующим образом: «а) вознаграждение и поощрение преподавателей дисциплин уже известных и открытых б) вознаграждение и поощрение исследователей в тех областях науки, которые до сих пор остаются еще недостаточно разработаны и исследованы» [6, 148].

Показывая, каким должно быть отношение общества к ученым, Бэкон в то же время выдвигает серьезные требования к последним. Он предостерегает от такого «искажения науки», при котором «уделяют внимание главным образом словам, а не самому делу» [6, 110]. Эта идея относится к полемике Бэкона со схоластами, однако имеет, на наш взгляд, и более общий, вневременной смысл как предостережение против излишней увлеченности терминами, за которыми может потеряться смысл. К научным заблуждениям Бэкон относит и «преждевременное и самонадеянное превращение тех или иных учений в научные руководства и методы» [6, 119]. Недостатком, которого ученым следует остерегаться, является и «неспособность к сомнению» [6, 120], весьма опасная для исследователей.

Несколько отступая от основной темы, отметим, что, как явствует и из приведенной ранее цитаты

о вознаграждении преподавателей, Ф. Бэкон рассматривает науку в неразрывной связи с образованием, по поводу которого он также высказывает ряд тезисов, сохранивших актуальность до наших дней. С его точки зрения, успехам в этой сфере весьма мешает «**скудость оплаты**» преподавателей, которую он «самым резким образом» осуждает, убедительно мотивируя свою позицию тем, что «прогресс науки требует прежде всего, чтобы преподаватели каждой дисциплины выбирались из самой лучших и образованных специалистов в этой области». Развивая свой тезис, Ф. Бэкон утверждает: «Но это можно осуществить только в том случае, если будет обеспечено такое вознаграждение и такие условия, которыми может быть вполне удовлетворен любой, самый выдающийся в своей области специалист» [6, 150]. Философ критикует современное ему схоластическое образование, выявляя такие отрицательные стороны образовательного процесса, какие далеко не изжиты и сегодня. «Нам нужно рассмотреть еще один недостаток, имеющий большое значение: речь идет о том, что **ректоры не обращают внимания на организацию преподавания**, а государи и другие высшие особы не посещают учебных заведений с тем, чтобы внимательно рассмотреть и решить, полезно ли сохранять чтения, диспуты и другие формы схоластических упражнений... или же следует отказаться от них и заменить их другими, лучшими формами» [6, 151]. Замечание Ф. Бэкона о необходимости новшеств в методике университетского образования звучит весьма актуально.

Не менее актуально выглядит и другой его тезис, связанный с организацией общеевропейской системы образования. Философ полагает, что «успешное развитие науки» зависит не только от того, насколько разумно будет организован учебный процесс и управление в отдельных университетах. С его точки зрения, «еще больших результатов можно было бы добиться, если бы все университеты, рассеянные по Европе, установили между собой более тесную связь и сотрудничество» [6, 153].

В недописанной «Атлантиде» проблема образования подробно не рассмотрена. А вот отношение к ученым как великой ценности общества представлено явственно и ярко. Рассказывая о бенсалемских обычаях, отец Дома Соломонова описывает две обширные галереи, в одной из которых «выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений» (с. 223), а в другой – скульптурные портреты великих изобретателей. Бенсалемец утверждает: «За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение» (с. 224). Таким образом, вопрос «публичного поощрения» ученых, как в моральном, так и в материальном плане, в Бенсалеме успешно решен.

Кроме прямого описания, почетное место ученых в утопической стране передано и через художественные детали, включенные в рассказ о возвращении на родину одного из отцов Соломонова дома. Так называют на острове ученых, которых регулярно – и на долгие годы – отправляют «в большой мир» для его изучения и «ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, производствами и изобретениями» (с. 207). Облик и церемония приветствия вернувшегося на родину ученого Бэкон описывает подробно и красочно. Пейзажи, интерьеры, описания, как известно, относятся к устойчивым характеристикам литературных жанров.

В духе представлений своего времени идею значимости самой персоны отца дома Соломонова и почтительного отношения к нему соотечественников автор «Новой Атлантиды» передает через внешние детали. Прибывший великолепно одет: на нем «облачение из превосходного черного сукна», «нижнее платье из отличного белого полотна», «перчатки, шитые драгоценными камнями» (с. 214). Он въезжает в город на повозке, описание которой изобилует эпитетами, обозначающими роскошь. «Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади – такие же плиты из изумрудов перуанского цвета» (с. 214). Роскошно одеты и другие участники процессии, а приветствующие их бенсалемицы, выстроившиеся вдоль улиц, соблюдают «образцовый порядок» (с. 214). Когда европейцы приходят на прием к отцу Дома Соломонова, он встречает их «в богатом покое, убранном коврами и драпировками» (с. 215). Роскошь обстановки и общее почтение к ученому таковы, что в сознании европейцев он занимает позицию короля, что опять-таки передано через деталь. Повествователь проговаривается, что в покое не было тронного возвышения, увидеть который европейцы, по всей видимости, ожидали.

Представляется, что как научное сочинение «Новая Атлантида» интересна и содержащимися в ней научными предвидениями. Бенсалемицы, например, умеют получать пресную воду из соленой;

«бурные потоки и водопады» используются ими «для получения многих видов движения». В Доме Соломоновом имеются «всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой... в различного рода движение» (с. 217). Бенсалемицам подвластно «сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы [европейцы] считаете жизненно важными; оживление животных после того, как по всем признакам наступила смерть» (с. 218).

Однако еще более важным, чем научные предвидения, является содержащийся в «Новой Атлантиде» план общегосударственной системы научных учреждений. Ф. Бэкон выступил в этом сочинении как «лорд-канцлер науки» [4, 18], наметив стратегические направления организации научных исследований. «Новая Атлантида» при этом стала попыткой описать технологию реализации заявленной стратегии.

Таким образом, если в качестве литературного произведения «Новая Атлантида» Ф. Бэкона не внесла ничего принципиально нового в развитие жанра утопии, то как сочинение научное этот неоконченный труд представляет интерес и в части, намечающей возможные будущие сферы исследований, и особенно в части, посвященной проблемам организации науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Durning-Lawrence E. Bacon is Shake-Speare / E. Durning-Lawrence. – N.Y.: McBride, 1910. – 286 p.
2. Козьмина Е. Ю. Утопия / Е. Ю. Козьмина // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 276–277
3. Бэкон Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон // Утопический роман XVI–XVII веков. – М.: Худ. лит., 1971. – С. 193–226. Далее «Новая Атлантида» цитируется по этому изданию, страницы указаны в тексте работы в скобках.
4. Субботин А. Л. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии / А. Л. Субботин // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 1977. – Т. 1. С. 1–55.
5. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 1977. Т. 2. – 582 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 1977. Т. 1. – 590 с.

*Воронежский государственный университет
Попова М. К., доктор филологических наук, профессор
кафедры зарубежной литературы
E-mail: prm@artn.ru*

*Voronezh State University
Popova M. K., Doctor of Philology, Professor of Foreign
Literature Department
E-mail: prm@artn.ru*

ТИП «ЧЕЛОВЕКА ЗАБЛУЖДАЮЩЕГОСЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТВОРЧЕСТВО А. Н. РАДИЩЕВА

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация. *в статье рассматривается тип «человека заблуждающегося» как характерный для всего литературного процесса, имеющий общечеловеческое значение, но впервые репрезентированный в творчестве А. Н. Радищева. Этот литературный тип, равно как и «маленький человек», «лишний человек», содержит в себе обобщение и инвариантный смысл.*

Ключевые слова: *литературный тип, константа, универсалия, инвариант, библейский текст, блудный сын, творчество А. Н. Радищева, заблуждения, типология.*

Abstract: *the article is aimed at studying the type of “an erring man” as a characteristic feature of the whole literary process with a universal value but firstly presented in the work of A. N. Radishchev. This literary type together with a “small man”, “needless man” contains a generalization and an invariant meaning.*

Keywords: *literary type, constant, universal, invariant, the Bible text, prodigal son, literary work of A. N. Radishchev, misconception, typology.*

Художественное творчество, сопрягая прошлое и настоящее, вглядываясь в будущее, созидает литературные константы как хорошо узнаваемые в каждом времени явления. Такой хорошо узнаваемой константой в литературе можно уверенно обозначить тип «человека заблуждающегося», составляющий одну из сквозных линий литературного процесса и отражающий глубинные особенности мировосприятия и сознания человека. «Человек заблуждающийся» как литературный тип обладает инвариантным смыслом, содержит в себе обобщение, носит устойчивый, повторяющийся характер, представляет собой литературное явление, имеющее общечеловеческое значение универсалии.

Принадлежа к устойчивым номинациям, словосочетание «человек заблуждающийся» приобрело знаковый для русской ментальности характер. Образ отражает внутреннюю противоречивость и внутреннюю закономерность.

В типическом образе «человека заблуждающегося» можно увидеть библейские истории об Адаме и Еве, о блудном сыне, о Фоме и др. В каждом варианте образ, переходящий в символ, включает в себе смысловую глубину и смысловую перспективу. В связи с универсальной для мировой литературы константой «человек заблуждающийся» уместно вспомнить слова К. Г. Юнга: «Человек всегда несет с собою всю свою историю и историю человечества» [2, 376]. Память культуры сохраняет потенциал многозначных смыслов образа-символа и интертекстуальные и метатекстовые положения. «Человек заблуждающийся», источник заблуждений которого – страсти рацио-

нальные (любовь, счастье, потребность в правде и др.) и иррациональные (тщеславие, жажда власти, подчинения и др.), возвышенные и низменные, обретает новый взгляд на мир и самого себя через нравственное прозрение, через испытание, через эксперимент. Заблуждения приводят к формированию новой философии жизни. «Человек заблуждающийся» как человек в его неосуществленных возможностях – герой многих произведений русской литературы (И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, Л. Н. Андреева и др.), философских исканий на рубеже веков (Н. Бердяев с его опытом самопознания и др.). Что свидетельствует о типологической повторяемости данной универсалии, утверждающей закономерность развития и особенности человеческой природы. «Человек заблуждающийся», репрезентированный вариативно в разных художественных текстах, составляет типологический ряд образов, тождественных по своей структуре. Сущностное и закономерное, характеризующее все образы-варианты, входящие в типологический ряд, выражено в инвариантной модели.

Инвариант универсалии, с нашей точки зрения, заключен в евангельской притче о блудном сыне (смысловая природа которой по своему назначению более соответствует символу), в образе проявляющего свою индивидуальность сына, осознающего свое заблуждение и приближающегося к постижению истины. Через символ «Блудный сын» передается идея блуда, блуждания, заблуждения и возвращения [1, 37]. В инварианте заблуждение выступает как следствие проявления своеволия и ограниченного знания возможностей. Сохраняя свою инвариантную сущность и коррелируя с культурным кон-

текстом, трансформируясь под его влиянием и его же трансформируя, символ в вариантах демонстрирует смысловые потенции, не исчерпывая смысловые валентности. В литературном творчестве заблуждения предстают как человеческие ошибки, иллюзии, утопии.

В творчестве писателя инвариантный смысл получает индивидуально-творческую реализацию. Автор транслирует концепцию, а читатель (критик, исследователь) ее реконструирует. Типологическая повторяемость универсалии дала о себе знать и в творчестве А. Н. Радищева, который *первым теоретически осмыслил и оформил* свои философские размышления о заблуждениях человеческих в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанном вскоре после «Путешествия из Петербурга в Москву».

Две взаимосвязанные друг с другом проблемы занимали Радищева всю его сознательную жизнь: проблема совершенствования души, природы человека и проблема идеального человека-гражданина [3]. Эти проблемы напрямую сопряжены с представлениями «о зыбкой диалектике различных составляющих в человеческой природе» [4, 42], о внутренних противоположных началах. Согласно концепции Радищева, человек суть сам источник бедствий в силу его духовного несовершенства. В «Путешествии из Петербурга в Москву» писатель пишет: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры во внутренность мою – и узрел, что *бедствия человека происходят от человека*» [5, 27]. В трактате «О человеке» эта мысль о внутренней порочности и взаимообусловленности отношений «человек – общество» продолжает дальнейшее развитие: «Науки, искусства, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земли поставлен. Но рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникающее незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, *заблуждает*; да и столь *заблуждение ему сродно*, что прежде, нежели истины достигнуть может, *бродит во тьме и заблуждениях*, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все, однакоже, заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа и что *мысль* есть наисвойственнейшее качество его» [6, 359].

Возводя способность человека мыслить в достоинство, Радищев приравнивает мысленность душе, существенность души видит в непрестанном совершенствовании – гаранте бессмертия человека. «<...> Мысленность человеку сосущественна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней назваться человек, а без неё равнялся бы скотам.

<...> совершенствование её есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего даёт всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с кою рождается, бывает разум, чувства наши изошряются, научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности принятые, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки» [6, 435–436].

Радищев рассматривает заблуждение как естественное природе человека состояние, свойственное всему роду человеческому, основанное на «чувственности нашей», стоящее «воскрай истине», стремящееся к познанию истины. Неясность рассуждений допускает противоположности, невозможные только для Бога («...Человек не заблуждал бы никогда, был бы бог» [6, 363]). В поисках познания истины и самоопределения пребывает душа, странствующая в мире земных страстей и испытаний, душа, пребывающая во тьме пороков и заблуждений и устремленная к свету. И как справедливо отмечает О. М. Гончарова, такое движение – это духовное самопознание русского человека, что в контексте рассмотрения национальных духовных традиций и концепции человека в творчестве А. Н. Радищева может быть обозначено символикой пути [7, 180]. *Путь* героя Радищева как своеобразное «вочеловечение», как обретение человеком своей истинной духовной природы, как своеобразная инициация героя, который в начале пути говорит об утрате себя, а в итоге обретает свое человеческое Я. Через самосовершенствование как сложнейшую внутреннюю работу над собой, духовное самопознание – исправления заблуждений – может произойти изменение внутреннего состояния человека, возвращение «образа и подобия Божия», обретение утраченных духовных ценностей, обретение истины. *Путь внутреннего самопознания* русской личности получил свое художественное воплощение в «Путешествии из Петербурга в Москву». Масштаб заблуждений, представленный Радищевым в «Путешествии», соотнесен с интеллектуальным опытом человечества, не воспринятым современной Радищеву Россией, не участвующим в упорядоченности мира и человека, и охватывает мироустройство, пребывающее в варварстве, предрассудках и суевериях. «Радищеву именно «новая Россия» с ее государственными установлениями, законодательством, нравами видится варварской, «заблудшей»» [7, 160]. Варварство – в депотии, тирании и крепостном праве как этически безнравственной форме общественных и человеческих отношений. Отношений? взаимообусловленных внутренним движением от нравственных пороков –

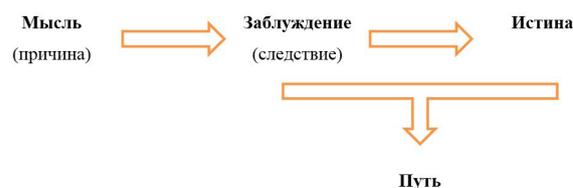
к социальным злоупотреблениям и нарушениям и, шире, к политическим заблуждениям как элементу общественного сознания. А нарушения, допускаемые властью, в свою очередь, неуклонно ведут к искажению нравственной природы человека. Как отмечает В. А. Зарецкий [8, 24], размышления путешественника в книге Радищева захватывают самые разные стороны жизни отдельного человека, нации, человечества. Автор описывает состояния, в которых пребывает человек, введенный в отношения крепостничества. Вставное сочинение «Проект в будущем» сосредоточено на проблеме освобождения от рабства, однако и выходит при этом за ее пределы. Сочинитель проекта, безымянный «гражданин будущих времен», обращается не к царю, а к согражданам – к тем, кто достоин имени сына Отечества в радищевском понимании этих слов. «Если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [6, 139]. Путешественнику, его доброму другу, как и самому Радищеву рисуется перспектива близкого будущего страны: либо крепостничество будет сокрушено разумным действием обширного круга просвещенных сограждан, умеющих повлиять и на самого царя, либо неизбежны разнузданные мятежи.

Заботясь о будущем своего отечества, в обращении к истинным сынам отечества писатель-философ призывает: «возрите окрест вас и познайте заблуждение ваше.<...>опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердные» [6, 133]. В этом призыве, ассоциативно отсылающем к евангельской притче о блудном сыне, – желание разорвать замкнутый порочный круг и восстановить мировую гармонию через возвращение в «отечество» не в значении «государство», а в значении гармонического мироустройства, пребывающего в единении с Богом-отцом. Ибо скрытый смысл любого земного события, объясняемый в библейской притче, – восстановление прерванной связи между человеком и Богом, внутреннее преобразование, возвращение божественного достоинства, т. е. встреча с Богом в самом себе и его мудростью. Распознавание духовных смыслов человеческой жизни – задача, решаемая не только через библейские философские истории, но и авторские философские трактаты и художественные тексты разных эпох: во все времена человечество постоянно соизмеряет свое настоящее с евангельским прошлым, каждый раз по-новому осмысляя то и другое. Таков вечный путь от «человека заблуждающегося» к обретению внутреннего совершенства и мировой гармонии – путь утопически бесконечный, предопределенность которого в несовершенной природе человека.

В главе «Бронницы» Путешественник в ситуации блуждающего в географическом пространстве и блуждающего в собственных мыслях о будущем своем и своего отечества, вообразив себя «преселенного в древность», в желании познать грядущее в «храме заблуждения» на месте малой церкви слышит глас божий: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою¹, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание» [6, 96]. «Заблуждения смертных», завязанные на «страстях», в размышлениях Путешественника – в *дистанцированности от духовного начала*, в двойственной природе человека: в परिцании Бога и его почитании. Мотив возвращения, сопряженный с мотивом блуждания / заблуждения, подводит к основному положению радищевской «теории заблуждений»: должное для человека – пройти путь от заблуждений к обретению цельности, восстановлению божественного начала через познание себя, к пониманию положения человека в мире – путь к самому себе («Я человеку нашел утешителя в нем самом»), к познанию истины, а следовательно и к новому пониманию добра и зла. Завершается глава мыслью о бренности и вечности: «И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто веками живо» [6, 97].

Так в творчестве А. Н. Радищева получила новое смысловое наполнение и развитие фраза древнерусского автора «Повести о Горе-Злочастии» о «несмысленности» человеческого сердца. «Несмысленное» сердце – заблуждающееся сердце². Мысленность / несмысленность / неразумность – первична, заблуждение – вторично. В бесконечности причинно-следственных отношений и связей, скрывающих под собой глубинную, сущностную связь явлений, – жизнь человека и мира. Внутреннюю форму человеческой природы (в соответствии с радищевской концепцией) можно представить в модели:

Модель «Внутренняя форма человеческой природы»

¹ О «внутреннем человеке» см. подробно: [7, 161–217].

² «Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво». См.: [9, 349].

ЛИТЕРАТУРА

1. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. Монография / Э. А. Радь. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2014.
2. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. – М., 1998.
3. Радь Э. А. Художественное воплощение проблемы «семья-общество» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева / Э. А. Радь. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2003.
4. Пашкуров А.Н. История русской литературы XVIII века / А. Н. Пашкуров, А. И. Разживин. – Елабуга: ЕГПУ, 2011. – Ч. 2.
5. Радищев А. Н. Сочинения / А. Н. Радищев. – М., 1988.
6. Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подг. текста и вступ. ст. Г.П. Макогоненко / А. Н. Радищев. – М.: Худож. лит., 1952.
7. Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: Монография / О. М. Гончарова. – СПб.: РХГИ, 2004.
8. Зарецкий В. А. Три литературных путешествия по России. Аввакум – Радищев – Гоголь: Учеб. пособие / В. А. Зарецкий. – Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. in-t, 2002.
9. Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Понырко; вступ. ст. Д. С. Лихачева. – М., 1986.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Bashkir State University (Sterlitamak Branch)

Rad E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department

E-mail: elza_rad@mail.ru

«ВОРОНЕЖСКИЙ СЛЕД» В «БЕЛОЙ КНИГЕ ПО ДЕЛУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: статья посвящена анализу письма Воронежских деятелей искусств, помещённых в «Белую книгу по делу Синявского и Даниэля». Автор исследует мотивы его создания, выявляет специфику регионального восприятия судебного процесса, расколовшего столичную интеллигенцию. Исследовательница приходит к следующему выводу: авторы воронежского письма показали универсальные модели поведения как для столицы, так и для провинции. Резонанс суда над Синявским и Даниэлем в Воронеже был незначительным.

Ключевые слова: «Белая книга по делу Синявского и Даниэля», нонконформисты, либеральная советская интеллигенция, диссидентское движение, стратегия власти.

Abstract: this article analyzes the letters of Voronezh artists, placed in the «The White Paper On the Case Of Sinyavsky and Daniel». The author examines the motives of its creation, reveals the specifics of the regional perception of the judicial process, split the capital's intelligentsia. The researcher came to the following conclusion: the authors of the Voronezh letter showed universal patterns of behavior for the capital and the province. The resonance of the trial of Sinyavsky and Daniel in Voronezh was insignificant.

Keywords: «The White Paper On the Case Of Sinyavsky and Daniel», non-conformists, liberal Soviet intelligentsia, dissident movement, strategy of power

«Дело Синявского и Даниэля» занимает рубежное положение в культуре 1960-х годов. Запреты и разрешения художественных явлений (выставок, спектаклей, книг), чередующиеся в начале десятилетия, во второй половине всё явственнее сменялись ужесточением позиции власти. В свою очередь в общественном сознании процесс над писателями, опубликовавшими за рубежом «непроходные» в отечественной печати тексты, выявил очевидное размежевание на консерваторов, солидаризировавшихся с властью в намерении наказать «внутренних врагов», и либералов, убеждённых в недопустимости юридического преследования за реализацию свободы слова.

Подлинная значимость события во многом определяется силой общественного резонанса. В сравнении с «делом Бродского», носившим локальный характер, процесс над Синявским и Даниэлем был громким: власть стремилась взять реванш за пересмотр результатов предыдущего процесса и продемонстрировать решимость в борьбе с инакомыслием. Следствие и ход суда контролировали высшие органы власти – Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, включая лично Генерального секретаря Л. И. Брежнева. Вёл процесс председатель Верховного Суда РСФСР Л. Н. Смирнов. Авторитет судьи должен был успокоить соотечественников в отношении возмож-

ной необъективности и продемонстрировать мировой общественности высокий профессионализм ведения процесса.

Либеральная общественность увидела в новом судебном разбирательстве явный признак возвращения сталинских методов управления страной и ответила широкомасштабной «петиционной кампанией» в защиту писателей. Западная пресса, возмущённая самим фактом уголовного преследования за художественные произведения, разразилась гневными статьями и протестами. В «Белой книге по делу Синявского и Даниэля» содержится 29 документов зарубежных авторов (статьи, письма, обращения в Секретариат СП, членам правительства), многие из которых подписаны коллективно.

Казалось бы, важность процесса продемонстрирована весьма наглядно. Однако насколько глубоко затронуло «дело Синявского и Даниэля» региональное общественное сознание? Воспринималось ли оно провинциальной интеллигенцией столь же остро и болезненно, как столичной? Ответы на эти вопросы позволят, оценив степень резонанса процесса в провинции, уточнить масштаб явления. Задачами исследования являются также выявление общепринятых поведенческих моделей столичной и местной интеллигенции, определение специфики стратегии поведения воронежского партийного руководства и интеллигенции в нашумевшем московском деле.

Предметом исследования послужила «Белая книга по делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля», составленная в Москве А. Гинзбургом по горячим следам процесса в 1966 году и повторенная издательством «Посев» во Франкфурте-на-Майне в 1967. В ней наше внимание привлёк один из текстов, иллюстрирующий ответную реакцию общественности на процесс, – письмо воронежских деятелей искусств.

Текст «Белой книги» состоит из 185 документов, отражающих все стадии процесса: арест писателей, следствие (первая часть), стенограмма суда и сопровождающая его кампания в отечественных и зарубежных СМИ (вторая часть), послесудебные акции власти и общественности (третья часть). Анализ собранных материалов позволяет выявить полный спектр аргументов защиты и обвинения, использованных в ходе процесса сторонниками и противниками обвиняемых.

В 1960-е годы в идеологической стратегии власти произошли изменения, повлёкшие за собой некоторую корректировку образа «внутреннего врага». Тезис 1930–1950-х годов об усилении классового противостояния по мере строительства социализма, определявший уголовные процессы сталинской эпохи, сменился идеей единства советского народа, победно движущегося к высшей фазе исторического развития – коммунизму. Соответственно, внутри сплочённого общенародной целью народа могли возникнуть лишь частные проявления «мелкобуржуазных настроений». Так в пропагандистских кампаниях на смену образу затаившегося классового врага пришёл новый персонаж – «отщепенец», «внутренний эмигрант», как в деле Синявского и Даниэля. Пропагандистская кампания по борьбе с очередным «внутренним врагом» всякий раз имела целью сплотить народ вокруг государства, подготовить массовое сознание к однозначной оценке уголовного процесса над «фигурантом дела». Отечественные СМИ реализовывали идеологическую стратегию традиционными методами – публикацией разоблачительных статей и фельетонов, отчётов «из зала суда» и «писем трудящихся» с требованием сурово покарать преступников.

В случае Синявского и Даниэля власть учитывала негативный резонанс ареста писателей в среде творческой и гуманитарной интеллигенции. Потому именно коллеги должны были выступить с разоблачением и осуждением арестованных. Это создавало в глазах массового читателя эффект самоочищения сообщества от недостойных членов. Поскольку процесс носил уголовный характер, в ходе следственных мероприятий состоялась экспертная оценка произведений писателей, подтвердившая антисоветский характер текстов Синявского и Даниэля. Так, руками коллег была юридически обоснована очередная расправа с инакомыслящими.

Суд проходил в Москве с 10 по 14 февраля 1966 года, а месяцем раньше, 13 января, «Известия» опу-

бликовали обличительную статью одного из секретарей Московского отделения Союза писателей, прозаика, критика, лауреата Сталинской премии 1952 г. Д. Ерёмкина «Перевертыши». Предваряя решение суда, автор именовал задержанных изменниками, антисоветчиками и предателями, обнаруживал в их произведениях «провокационный призыв к террору», то есть, по существу, объявлял литераторов виновными по инкриминируемой им статье. Нарушение презумпции невиновности не смущало автора, но возмутило либеральную общественность.

Однако идеологическая кампания могла считаться состоявшейся только при массовой поддержке читателей. Для этих целей редакция поместила 18 января отклики на статью Ерёмкина, объединив три письма под одним названием «Клеветники-перевертыши». География писем весьма примечательна: одно из них пришло из Баку, другое – из Воронежа, третье – из Латвии. Масштабность региона – от Средней Азии до Прибалтики – должна была стать дополнительным подтверждением сплочённости народа в противодействии идеологическим противникам.

Композиционно и лексически текст воронежского письма дублировал статью Ерёмкина. Тот начинал с обвинения в пособничестве литераторов «врагам коммунизма». Затем следовал псевдоанализ их текстов, составленный из разрозненных и произвольно собранных воедино цитат (при этом фрагменты прозы Синявского иной раз приписывались Даниэлю), в финале звучало требование от имени народа без малейшего снисхождения покарать «нравственных уродов». Воронежские авторы не искали новых способов осмысления явления, а попросту составили компиляцию статьи предшественника. Письмо называлось «Таких не прощают» и было подписано руководителями ведущих творческих коллективов города: А. Людмилиным являлся главным дирижёром музыкального театра, М. Подобедов, как и Ерёмкин, руководил писательским союзом; П. Монастырский был главным режиссёром театра им. Кольцова. «Представительность» авторов выдаёт организованность акции партийным руководством: один персонафицирует мнение музыкальной общественности, другой – писательской, третий – театральной. А вместе якобы воплощают позицию всей творческой интеллигенции города.

При этом стратегия провинциальных властей в «вегетарианские» 1960-е годы значительно отличалась от 1930-х, когда руководство было обязано дублировать на местном уровне общегосударственные кампании по искоренению «внутренних врагов». Теперь стало возможным ограничиться формальным участием: инициировать письмо поддержки столичного судебного процесса, но не давать делу излишнюю огласку, способную всерьёз взбудоражить местную интеллигенцию, не втягивать её

в опасную для общественного покоя дискуссию. Организовав «письмо трёх», обком счёл миссию по отражению идеологической диверсии выполненной и потерял к этому делу всякий интерес. Печатный орган обкома партии газета «Коммуна» даже не перепечатала письма воронежцев из «Известий», очевидно, не получив соответствующих распоряжений. В свете приближающихся знаменательных событий (XXIII съезда партии, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50 летия советской власти) силы местных партийных руководителей были направлены на достойную организацию торжеств. Мероприятия отдела агитации и пропаганды обкома партии: совещание-семинар по идеологической работе [2], совещание журналистов (ноябрь 1966 г.) – ставят ряд текущих задач, означают проблемы агитпропа и не упоминают «дела Синявского и Даниэля» или реакции на него воронежцев [3].

Надо признать, что интеллигенция города и не давала оснований для серьёзного беспокойства ни партийному руководству, ни местному КГБ. Воронеж не переживал диссидентской активности. «Оттепель» проявляла себя в циркуляции сам- и тамиздата, привозимого из Москвы, организации Дней поэзии и самодеятельных театров при университете (театр Миниатюр, театр Песни), однако к публичным протестным акциям местная либеральная интеллигенция склонностей не имела. Самым заметным нонконформистским поступком оказалась попытка издания студентами-филологами ВГУ Марком Бентом и Вадимом Куропаткиным самиздатского журнала «Открытый взгляд», закончившаяся исключением обоих из вуза. Как и большинство членов творческого и интеллектуального сообщества по всей стране, воронежцы желали «труда со всеми соображениями и заодно с правопорядком», предпочитая профессионализм идеологическим баталиям. Примером независимого писательского поведения может служить поздравительная телеграмма поэта В. Г. Гордейчева в адрес опального А. И. Солженицына в связи с пятидесятилетием последнего (1968 г.). Поскольку сообщение об этом прозвучало в зарубежных «голосах», местная власть не смогла не отреагировать: беседы литератора с партийными руководителями закончились угрозой исключения из партии. В результате Гордейчев вынужден был уйти с поста руководителя Воронежской организации Союза писателей.

Словом, интеллигентское сообщество не было ни инертным, ни бездумным. Но оно было разноликим, и по-разному вело свой диалог с эпохой.

Авторы обличительного послания по нравственно-этической позиции, да и по психологическому типу весьма различались.

Шестидесятидевятилетний Максим Михайлович Подобедов, в 1966 г. глава местной писательской организации, был, безусловно, в этой «тройке» «ко-

ренник». С юности работавший на ниве агитпропа, он пришёл в литературу из рабкоров. Позиция «пролетарского писателя» определила его социальное восхождение: в конце 1920-х он руководил в городе ассоциацией пролетарских писателей. В 1934 году в числе других делегатов-воронежцев участвовал в работе первого съезда советских писателей и, конечно, чрезвычайно гордился знакомством с М. Горьким, А. Фадеевым, А. Серафимовичем. Член партии с 1920 года, он всегда оставался убеждённым коммунистом и в оценках коллег руководствовался революционным правосознанием.

Классовое чутьё никогда не подводило «железного Макса», как прозвали Подобедова воронежские литераторы. В 1936 году в ответ на выявление в столице «троцкистско-зиновьевского террористического центра» в Воронеже обнаружилась «правотроцкистская вредительская террористическая организация». Отпор ей был дан не только в среде партийного руководства (десятки человек были репрессированы, включая первого секретаря обкома партии Е. И. Рябинина и председателя Воронежского облисполкома Д. А. Орлова), но и на литературном фронте. Подобедов, в то время редактор журнала «Подъём», активно включился в противодействие «чуждым по духу идейным установкам» в творчестве своих коллег Л. Завадовского и Б. Пескова (упоминание об этом факте находим в статье И. Чирейского «"Каникулы" в Союзе Писателей», опубликованной 16 сентября в газете «Коммуна»). К «личностям с путанными и вредными теориями» относился тогда и ссыльный О. Мандельштам. 4 апреля 1937 года состоялось общее собрание писателей Воронежской области. На нём, подводя итог трёхлетнему общению писательской организации с поэтом, местное отделение ССП констатировало неоднократный отпор «классово-враждебным элементам, пытавшимся сблизиться с союзом писателей, найти для себя трибуну (Стефен, Айч – в 1934 г., О. Мандельштам в 1935–36 гг.)». Председателем того собрания был ответственный секретарь отделения Союза писателей Подобедов.

Ортодоксального марксиста, наверняка, не пришлось долго уговаривать подписать «открытое письмо», выдержанное в стилистике, привычной ему с юных лет. Воззвание явилось органичным проявлением гражданской позиции, не поколебленной ни ветрами «оттепели», ни «перестройкой».

В трудовой биографии Подобедова был эпизод, деликатно умалчиваемый им впоследствии: в 1942 году, во время наступления фашистов на Воронеж, он фактически дезертировал, бросив на произвол судьбы книжное издательство, возглавляемое им и требующее эвакуации. За что и получил выговор по партийной линии.

В то же время другой «подписант», Пётр Львович Монастырский, начинающий режиссёр и директор

театра драмы (двадцатипятилетний выпускник ГИТИСа прибыл в Воронеж в 1940 г), дважды эвакуирует театр: в 1941 году в Сызрань, с последующим возвращением в Воронеж и через несколько месяцев, в 1942, в Башкирию, Стерлитамак. Воспоминания, написанные спустя полвека, передают атмосферу тех грозных лет [4, 94–120]. Образно и ярко, будто пережил это вчера, режиссёр описывает дежурство на крыше театра, сброшенные зажигательные бомбы, гибель здания от вражеского снаряда, продолжающиеся представления на временной сцене в Первомайском саду, тяготы эвакуации и многое другое. Спасением Воронежского театра в годы войны Монастырский заслуженно гордился до конца жизни.

Гораздо меньше, вскользь, упоминает он второе пребывание в городе в 1965–1967 годах, в период реконструкции куйбышевского театра, где в то время занимал пост главного режиссёра. Временная, как изначально планировалось, работа в должности главрежа воронежского коллектива означилась новыми спектаклями (М. Шатров «Шестое июля», П. Проскурин «Горькие травы», А. Андреев «Рассудите нас, люди!»), о которых автор вспоминает с удовольствием, да тем злосчастным письмом, не упомянутым ни единым словом.

Трудно поверить, что Монастырский забыл этот эпизод своей жизни. Скорее, предпочёл забыть, как о поступке вынужденном, продиктованном, возможно, партийной дисциплиной (членом ВКП(б) он стал в 1944 году) или обычной житейской прагматикой. Отказ подписать письмо мог обернуться нештучными неприятностями не только лично ему, но и всему коллективу.

Вероятно, схожими соображениями руководствовался и Анатолий Алексеевич Людмили́н – дирижёр Музыкального театра. Воронежец с четырёхлетним стажем (Людмили́н прибыл в город в 1962 г. и скончался в 1966, через несколько месяцев после подписания письма), он остался в памяти коллег мастером большой эрудиции и высокой квалификации. Однако материалы парткома театра сохранили свидетельства конфликтной ситуации, сложившейся в коллективе в 1965 году, как раз накануне подписания «письма трёх» [5]. Противоборствующими сторонами выступали директор Н. П. Садковой с главным режиссёром С. А. Штейном против художественного руководителя и главного дирижёра Людмили́на. Обоюдные претензии были вызваны угрозой срыва репертуарного плана. Взаимные обвинения и обиды, столь частые в творческой среде, выглядели бы сегодня делом малозначительным, если бы не характеризовали шаткое положение главного дирижёра, явно не привыкшего отступать перед кознями и интригами противников. Народный артист РСФСР (1958 г.), Лауреат двух Сталинских (1947 г., 1951 г.) и Государственных премий (1946 г., 1950 г.) по праву рассчитывал на уважение коллег

и не собирался сдавать позиции. Письмо, способное упрочить положение дирижёра в глазах местного партийного руководства, могло быть расценено как приемлемый тактический ход во имя благой цели – творчества. За четыре года художественным руководителем было поставлено более 10 спектаклей, театр вошёл в число ведущих художественных коллективов страны. Возможность спокойно и интенсивно заниматься любимой работой предполагала соблюдение правил политической игры, в том числе участие в идеологических кампаниях. Пожалуй, так мог рассуждать член партии, дирижёр, стремившийся в те годы к самореализации. И безусловно, эта жизненная позиция была не уникальной, а напротив, весьма распространённой в творческих кругах.

Безусловно, убеждение в необходимости соблюдать партийную дисциплину, или откровенный конформизм, или эскапизм – любой из этих доводов вполне убедителен при желании уговорить себя на поступок, сомнительный с этической, но необходимый с житейской точки зрения. Очевидно, что воронежцы руководствовались различной мотивацией, однако практическая реализация оказалась одна – требование беспощадной расправы с вольнодумными коллегами.

Суд, состоявшийся в феврале, приговорил Синявского за три антисоветских рассказа к семи годам лагерей и Даниэля за один – к пяти. Чрезмерность наказания была столь очевидна, что потребовала новой аргументации как со стороны властей, так и от защитников литераторов. На этот раз помимо страниц отечественной и зарубежной печати, продолжавшей активно комментировать процесс, была задействована трибуна XXIII съезда партии, начавшегося через месяц, 29 марта 1966 года.

Пропагандистская риторика, сопровождавшая все партийные съезды, в этот раз основывалась на тезисе о непрерывности революционных традиций. Славное историческое прошлое требовало от современников доказательств их классового чутья. В этом духе выдержал речь на съезде М. Шолохов, потребовавший покарать преступников с позиции революционного правосознания первых лет революции. Его выступление точно соответствовало стратегии власти: утвердить в общественном сознании трактовку суда и приговора как исторически значимого деяния, подтверждающего связь эпох, прежнюю нетерпимость к скрытой контрреволюции.

Нравственную оценку выступлению Шолохова дала Л. Чуковская. В «Открытом письме Михаилу Шолохову, автору "Тихого Дона"» она напомнила Нобелевскому лауреату непреложную для художника истину: «Дело писателей не преследовать, а вступаться...» [1, 392]. «Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не тюрьмы и лагеря» [1, 394]. В этой гневной отповеди звучала не только боль за осуждённых, но

и презрение ко всем добровольным обвинителям из числа коллег, запятнавшим свою репутацию участием в позорном судилище.

Воронежская общественность не участвовала в постсудебных акциях. Интеллигенция расценила суд как сугубо столичное событие. Крупный промышленный и культурный центр (численность населения в 1966 г. – 620 тыс.) не был взволнован происшедшим в Москве. Газета «Коммуна» в дни судебного разбирательства перепечатывала статьи из столичной прессы (11 февраля (№ 35) – статья «Лицо клеветников»; 13 февраля (№ 37) – «Факты избобличают»; 15 февраля (№ 38) – «Клеветники наказаны». Авторство всех статей – корр. ТАСС), но тотчас забыла о нём после вынесения приговора. Никаких откликов читателей на процесс или его комментария кем-либо из местных партийных руководителей газета не представила.

Итак, в восприятии, осмыслении и артикуляции собственного отношения к делу Синявского и Даниэля воронежская интеллигенция не выходила за рамки общепринятых поведенческих моделей, типичных для большей части советских граждан. Провинциальное равнодушие к активизации диссидентской активности в столице объяснялось убежденностью и местной власти, и общественности в стабильности существующего миропорядка. Движение протеста в Москве виделось событием малозначимым для судьбы не только родного города, но и общественного климата во всей стране.

Дальнейшая эскалация напряженности между либеральной интеллигенцией и властью во второй половине 1960-х – 1970-е годы была продиктована явным преувеличением опасности, якобы исходившей от неконформистов для государства. В то же время механизм и характер репрессивных действий всё очевиднее свидетельствовал о неспособности власти вступать в диалог с общественностью и провоцировал ещё большее отчуждение либеральной интеллигенции от государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга по делу Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. – Москва, 1966. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1967. – 430 с.
2. Стенограмма областного совещания-семинара по идеологической работе 14-15 ноября 1966 г. // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 3. Оп. 52. Д. 392. Кор. 3203.
3. Доклад секретаря обкома КПСС В. П. Усачёва на совещании журналистов «О задачах печати, радио и телевидения на современном этапе». Ноябрь 1966 г. // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 3. Оп. 52. Д. 393-б. Кор. 3203.
4. Монастырский П. О себе и не только... / П. Монастырский. – Самара : ООО «Офорт», 2007. – 263 с.
5. Протоколы первичной партийной организации Воронежского театра оперы и балета // КУВО Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 850. Оп. 1. Д. 29.

*Воронежский государственный университет
Серебрякова Е. Г., кандидат филологических наук, доцент
кафедры культурологии
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

*Voronezh State university
Serebryakova E. G., Candidate of Philology, Associated
Professor of Cultural Studies Department
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

ДВЕ ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

А. Д. Серова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье проведён сопоставительный анализ творчества поэтов-современников – Николая Рубцова и Ларисы Васильевой, которое рождалось в недрах «тихой лирики». Найдены точки соприкосновения двух творческих судеб, нашедшие отражение в лирике этих авторов. Представлен и их «перекрёстный» стихотворный диалог.

Ключевые слова: Лариса Васильева, Николай Рубцов, «тихая лирика», творческие судьбы, стихотворный диалог.

Abstract: the article deals with the comparative analysis of poetry by Nikolay Rubzov and Larisa Vasilieva, both of which belong to the genre of «quite lyric poetry». The author of the article finds several points of coincidence that can be viewed in poems both by Rubzov and by Vasilievs and that make these two names really close.

Keywords: Larisa Vasilieva, Nikolay Rubzov, «quite lyric poetry», destiny, poetic dialogue

Человеческая жизнь – всего лишь миг в потоке вечности. И эта жизнь – связующее звено между прошлым и будущим. Время нитью за нитью вплетает новые судьбы в общее полотно истории. Так однажды пересеклись две творческие судьбы – Николай Рубцов и Лариса Васильева – две души, настроенные на одну лирическую волну, два разных голоса, в звучании которых так много однозвучных нот. Творчество двух поэтов рождалось в недрах «тихой лирики», в период борьбы двух тенденций в общественной жизни России: «ускоренное разрушение, обвал сложившихся основ жизни» и наметившийся «период стабилизации, возвращения к истокам духовной жизни народа» [1, 14–16]. «Тихая лирика» отличалась медитативностью, возвратом к народной старине, близостью с природой, слиянием с нею.

«Для Н. Рубцова, – замечает В. М. Акаткин, – поэзия несовместима с железным веком, она рождается в тиши, в уединении, в далёкой древности, закрытой «дымными веками» (творчество поэта опровергает его собственные декларации)» [2, 295]. Если посчитать, где и сколько жил Рубцов, то получится, что в деревне в общей сложности поэт провел не более десяти лет, считая и детдомовские годы. Три года прожиты в Ленинграде, два – в Москве, пять – в Вологде. Всего на большие города падает десять лет. Плюс пять лет службы на флоте и работы на тральщике. Оставшиеся двенадцать лет – самый долгий срок – пришлось на небольшие города и поселки. Но и в городах память возвращала Н. Рубцова к бескрайним просторам Родины. По мысли поэта, и человеку города для полноты бытия необходима жи-

вая трепетная связь с миром – с природой, со всем «простором – небесным и земным».

Феномен «тихой» лирики Л. Васильевой в том, что она не родилась в деревенской глубинке под пение соловья и цветение черёмух, но, выросши в суতোлке большого города, вырывается к природному началу. Её строки выводят к «белой пряди слепящей воды», цветущей посреди зимы яблоне, молчанию церковей, к «густому молоку небес», «памяти матери, леса, травы». Эта поэзия удивительно лирична. В своих творческих поисках поэтесса ориентируется как на многовековую народную традицию, так и на обширное наследие русских классиков. Народная традиция в её лирике живёт не в «стилизаторском» смысле, а в мироощущении, в способе мышления.

То же самое можно сказать о Н. Рубцове. Рубцов, по справедливому замечанию С. Куняева почти сорокалетней давности, «истинно народный лирик с такой концентрацией лиризма, от которой за последние полтора-два десятилетия наша поэзия уже успела как-то отвыкнуть». Эту оценку поэта и критика можно повторить и сегодня. Куняев вспоминал признание самого Рубцова: «Стихи не лирические!» — это было самым суровым приговором. «Не лирическое для него означало — не живое, безличное, не свое, лживое, не поэтическое... Да и, в конечном счете, смысл его появления в русской поэзии сводится, наверное, к напоминанию о том, что лиризм как понятие, противоположное театральности, не покинул ее и никогда не покинет» [3, 192–193].

Отношения между Рубцовым и Васильевой были необыкновенно трогательные, по-человечески тёплые и поэтически возвышенные. О вологодском соловье поэтесса узнала задолго до личной встречи,

и ей казалось, что он был всегда. Васильева вспоминает встречу около Дома литераторов, где собралась толпа за билетами на заграничный фильм. Эту встречу с Рубцовым она позже подробно описала в книге «Облако огня» (глава «Как может ветер за себя постоять»):

«– Меня не пускают в Дом литераторов. Проведи.

– Почему не пускают? Ты пьян?

– Ничего подобного! – ондохнул. Запаха спиртного не было.

– Почему не пускают?

– Не знаю. Пропуска нет. Несolidный, наверно.

Какой уж там solidный. Маленький, шупленький, рано облысевший, весь съезженный, как будто от холода, хотя вечер летний, теплый.

Провела.

– А теперь до свидания, – он повернул в сторону.

– Куда ты, посидим вместе.

– Нет уж, ты такая здоровенная девка, а я от горшка два вершка.

– Чушь. Я хочу с тобой поговорить.

– И я хочу. Дай свой телефон.

– Потеряешь.

– Ты дай. Не потеряю» [4, 156].

Рубцов звонил Васильевой часто, и они долго разговаривали. О литературе, о том, кто нравится, не нравится, о новых написанных строчках. Позже Куняев спрашивал с удивлением, неужели Васильева – та самая Лариса, с которой Рубцов, сбжав от большой компании, часами говорил по телефону: «В голосе Куняева звучало разочарование: загадочная Лариса оказалась всего-навсего мной. Могу его понять. Но сомневаюсь, что была другая Лариса. Впрочем, была. В ранней юности. У Николая стихотворение есть про Ларису, приходившую к нему в каптерку. Никакой связи» [5, 150]. Много лет спустя библиофил Сергей Тихомиров, читая записную книжку Рубцова, нашёл в ней запись: «АД 1-70-71 Лариса Васильева». Это действительно номер телефона Васильевой, по которому ей звонил поэт. Почему именно телефонный разговор стал любимым способом общения? На этот вопрос сама поэтесса отвечает так: «Теперь, кажется, понимаю, почему он так любил говорить по телефону. По ту сторону трубки он был высок, силен, уверен в себе, раскован, смел. Со мной говорил очень яркий человек, не смущающийся никакими своими физическими несовершенствами, умный, меткий, чрезвычайно наблюдательный. Его характеристики были резки, жестки и весьма точны» [4, 156–157].

В подтверждения этих выводов Васильева вспоминает случайную встречу на площади Пушкина, на повороте с Тверского бульвара у старого дома, ныне снесенного, где было «Молочное кафе». Разговор лицо к лицу, без телефона, не шёл:

«– Из всех пишущих женщин я предпочитаю тебя», – сказал он мне с явным сознанием, что гово-

рит нечто совершенно мне необходимое. Я была польщена.

– А я из всех пишущих мужчин – тебя. – Оба засмеялись.

– Нет, лучше по телефону», – сказал Рубцов и пошел прочь...» [4, 157]. По телефону звонил высокий, красивый, сильный Николай Рубцов. Эти телефонные разговоры были призраками того поэта, которого никто не знал.

В 1969 году Васильева издала второй сборник стихотворений «Огневица». На одной ее странице было стихотворение «Полдень»:

Окно раскрыто в завтра. На ступенях
крыльца сидит Николушка Рубцов.
Стакан зажат в руке, а на коленях
Обертки от зеленых леденцов.

Он встал, пошел – чужой судьбе вдогонку
иль собственной судьбе наперерез,
глазами провожая пятитонку,
встречая взором поредельный лес.

Хоть в нем еще вчера не отпылало,
но завтра тихо брезжило уже;
и все, что я ему не рассказала,
теснясь, в моей туманилось душе;

и жгуче, будто от разлуки с братом,
волнение наплывало на глаза.
Асфальт чинили. Вперемежку с матом
звучал напев. Скрипели тормоза [4, 158].

После прочтения сборника Рубцов позвонил Васильевой из Вологды:

« – Почему ты называешь меня Николушкой?

– Не знаю. Так получилось. Не нравится?

– Нравится. Приятно. Как княжича из "Войны и мира".

– Там Николенька. А само стихотворение как?

<...> Спрашиваю и жду восторженного отзыва, сердце, кажется, не бьется, как будто вопрос всей жизни решается. <...>

– Не знаю... Грустно очень. Отпеваешь меня?

– Чепуха. Само стихотворение – как? Хорошее или плохое?

– Так ведь оно обо мне – что в нем может быть хорошего.

Хочу, кладу трубку. Нет, все-таки Николай – прелесть, умница, вот уж в самом деле природный ум и такт. Откуда что берется? Откуда? Да все оттуда же, из северного родника жизни...» [4, 158–159].

Последняя встреча поэтов, случайная, на улице, произошла месяца за два до гибели Рубцова:

« – Мне плохо жить, – я помню эти слова, как будто они сказаны были минуту назад. – Мне плохо жить. Возьми меня в свою семью, к ребенку и мужу. Я буду тихий. Попишем вместе. Ты в одном углу, я в другом.

Я ответила как-то неуверенно, и он свернул разговор. А я по сей день чувствую себя виноватой: если тогда взяла бы его в свою семью?..» [4, 159].

Тонкое лирическое взаимопонимание двух поэтов оставило след в творчестве Л. Васильевой. В 1980 выходит её сборник стихов «Русские имена», в котором помещено стихотворение «Виденье на холме». Отсылка к Рубцову прозрачна. О видениях на холмах задолго до написания Рубцов и Васильева разговаривали по телефону. Эти разговоры затем у Рубцова сложились в строки, и он предложил поэте написать своё «видение». Прошло время, в 1976 году Глеб Горбовский рассказал Васильевой, что когда-то и у них с Рубцовым был уговор написать стихи на тему «Видения на холмах». Горбовский написал в 1974 году, уже после смерти Рубцова. Мысль об этом вновь ожила в сознании Васильевой, и вскоре родились третьи видения. Буриме сквозь время.

Центральной темой произведений Васильевой и Рубцова стала тема памяти. Общеизвестен афоризм: «Народ, лишенный исторической памяти, превращается в пыль, которую носит ветер времени». Связь времён необходима для осознания человеком себя в мире и пространстве. Чувство времени – смыслообразующее начало рубцовской лирики. «Видения на холме» – программное произведение поэта, в котором отразилась основа его лирического мироощущения.

Взбегу на холм
и упаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!.. [6, 5]

С первых строк задаётся вертикаль: холм как приближение к небу и дол – возвращение к земле, с высоты современности – в глубь истории, в глубь России. Это подчёркивается и графически, разбивкой строки – явление редкое для Рубцова. Небо и земля образуют неразрывное единство, взор переходит от «вереницы птиц» к лесам, погостам, избушке, цветам, «шёпоту ив у омутной воды» и вновь молитвой устремляется в «небеса, горящие от зноя». «Пустынный свет на звёздных берегах / И вереницы птиц твоих, Россия» [6, 5], – простое и искреннее, идущее из глубины горячего сердца сыновье признание в любви, которое одерживает победу над «тупым башмаком скуластого Батыя». Исследователи творчества Рубцова видят в этом стихотворении пророчество [7, 81]: «Иных времён татары и монголы» – не только кровавые страницы истории, но и страшное предвидение будущих врагов России. Самое главное, что эти видения, небо в крестах, «лес крестов в окрестностях России» растворяются и сменяются мирными картинами:

И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье... [6, 6]

Взор снова обращается к небу:
И надо мной –
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье... [6, 6]
Вертикаль «земля-небо» присутствует и в «Видениях на холме» Васильевой:

Почуяла Земля бессмертный голос Неба,
летающий сквозь века единственный ответ
на все вопросы дня от Бога и до Хлеба,
на всё, чему меж нас ещё ответа нет [5, 185].

Земля – Небо, Бог как символ неба – Хлеб как символ земли. Эти антитезные понятия поэта выделяет графически – заглавной буквой. Графически разбита и первая строка – схожий с рубцовским приём:

Из мира тишины.
Такого нет.
И всё же
из мира тишины, приснившегося мне [5, 185].

Из мира тишины, из глубины веков выплывают видения, звуки. Надеясь «нездешний звук» сравнениями, поэтесса использует небесную атрибутику: вой ветра, посвист соловья, журавлиный крик. И это всё сливается в один голос – «бессмертный голос Неба», единственный, который сквозь века может дать ответы на все вопросы. Задача человека – услышать этот голос. Но люди, дети земли, «выводок цыплят, не верящий в яйцо», в ответ получают тишину. Их вопросы бескрылы и падают обратно на головы вопрошающих. Далее Васильева рисует страшные картины разрушений, смертей, карающих гроз, ударов молний, подтверждая мысль митрополита Макария о том, что «общество людей без веры в Бога и бессмертия души, – это почти стадо диких зверей, хотя и одаренных разумом, которые всегда готовы терзать и истреблять друг друга» [8]. Среди этого ужаса лишь один, истинный вопрос достигает неба – «бессущный и бесплотный, / безумный вздох души о тайне и мечте». Его полёт невысок, но это полёт. Вопрос крылат, однако он не нужен людям, ответа на него они не ищут. Умы тревожит «необъяснимость дня», толпа, занятая своими заботами, не слышит «нездешний звук», который поёт птенцом.

«...всякий Там пожнёт лишь то, что здесь посеял...» [5, 186], – это уверенность в бессмертии души. Однако «враждующих племён бессмысленные дети», занятые заботами о телесном и земном, не дают душе досуга на попечение о небесном и вечном. Как и «Видения ...» Рубцова, «Видение...» Васильевой завершается мирными картинами, возвратом к той тишине, откуда пришёл «нездешний звук»:

И был закат багров. И отражали воды
тончайшие черты склонившихся ветвей,
и белый небосвод – лицо самой свободы,
неведомое нам в потоке шумных дней [6, 186].

Ответ на вопрос о тайном близко, стоит только обратить взгляд к небосводу и приподняться над суетой шумных дней.

В 1969 году увидело свет стихотворение Васильевой «Да не всё ль равно, кого...»:

Да не всё ль равно, кого
полюбить,
жизнь для блага своего
погубить.

Проходимец? Ерунда,
поборюсь.
Властолюбец? Не беда,
покорюсь.

Сумасшедший? Да и я
не в уме:
Вечно слышу соловья
по зиме [9,58].

Об этом стихотворении Рубцов говорил, что оно ему необходимо. На вопрос, о ком оно, поэтесса не ответила, только сразу разуверила Рубцова: не о нём – не подходит под определения. Но призналась, что ощущает вологодского поэта поющим соловьём («Да. Ещё какой!») [5, 156]. В изданный в 1973 году сборник «Одна земля – одна любовь», Васильева включила цикл стихотворений «Соловей», состоявший из пяти частей и посвящённый памяти Николая Рубцова: 1. «То было время золотое...», 2. «Деревенька на пригорке...», 3. «Я древними ветрами вею...», 4. «Его протянутые руки...», 5. «В кафе». Цикл впоследствии редактировался. В сборнике избранных произведений 1981 года он состоит из четырёх стихотворений, а в 2001 был сокращён до трёх.

Особый интерес представляет пятая часть цикла «Соловушка» – «В кафе», которая не публиковалась в поздних редакциях. В ней Рубцов предстаёт творцом, которому открыт таинственный, неведомый мир, «мир отчаяний прекрасных / неразумно в нём живёт». [8, 155]. Герой слышит иные голоса, «проливные, неземные, / как весенняя гроза».

Отредактированы некоторые строки стихотворений. Так, во второй части цикла – «Деревенька на пригорке...» отредактирован финал:

И ещё одна примета
бывшей радости твоей:
навсегда отпевший лето
мёртвый, серый соловей.
1973 [10, 153]

И ещё одна примета
бывшей радости твоей:
навсегда отпевший лето,
замолчавший соловей.
1981 [11, 276]

Определение «замолчавший» представляется более удачным, тогда как мёртвый означает постоянный признак, застывший, не имеющий надежды

на воскрешение. Рубцов же – соловей, замолчавший лишь на мгновение, чтобы перевести дыхание и вновь залиться соловьиной песней уже после смерти физической, подтверждая васильевские строки:

и терпких ягод жгучий цвет
так ослепительно алеет,
как будто вправду – смерти нет [11, 275].

Образы упавшей звезды, жгучей рябины, деревеньки на пригорке, зеркала-озерка, одинокой сосны, молока поднебесья – эти штрихи складываются в деревенский пейзаж, который служит фоном для главного образа – замолчавшего соловья. У Васильевой, как и у Рубцова, практически отсутствует пейзаж как таковой, природа в стихах не является единственным объектом изображения. Их стихи воплощают то философское единство человека и природы, когда «природа даёт самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений» [12, 145].

Значительной редакции подверглась вторая часть цикла – «Я древними ветрами вею...»:

Друзья и горюют, и славят
высокую долю певца,
и памятник даже поставят
с улыбкой большого лица.
И будь он сто крат непохожим,
но я бы к нему подошла
затем, чтоб услышать:
– А всё же,
зачем ты меня не спасла?
1973 [10, 154]

Друзья запоздалые славят
рискованный твой неуют,
с годами фигуру поставят,
из бронзы, поди, отольют.
Она вряд ли будет похожа,
но я бы и к ней подошла,
затем, чтоб услышать: – А всё же,
зачем ты меня не спасла?
1981 [11, 277]

В поздней редакции стихотворения появляются образы «запоздалых друзей» и «рискованного неюта», что выразительно и точно характеризуют судьбу Рубцова. А повторяющийся вопрос «...зачем ты меня не спасла?» без дополнительной экспрессивной окраски приобретает спокойную, вкрадчивую настойчивость и обречённость. На этот вопрос теперь нет и не будет ответа.

Несмотря на то, что «ребёнок эпохи / был с первого дня обречён», он преодолевает смерть силой песни:

Его протянутые руки
сквозь гроб ветвями проросли.
И листья спели песню муки
и откровения земли,

где он узнал закон покоя
и темноты особый свет,
где он сумел постичь такое,
чему и слов достойных нет... [10, 154]

Это то состояние, о котором писал Лермонтов:
«Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дре-
мали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо
грудь...» [13, 223]. Здесь смерть – это только порог,
за которым продолжение жизни. Душа не умирает,
а только засыпает и во сне постигает то неведомое,
те откровения, которые нельзя увидеть наяву.
Становится возможным общение с вселенной:
«...а он неведомой вселенной / уже свои поверил
сны» [10, 155].

В стихотворении «Я древними ветрами вею...»,
как и в стихотворении «Полдень», Васильева на-
зывает Николая Рубцова Никушкой. Выбор имен-
но этой формы имени говорит об отношении авто-
ра к своему герою. В суффиксе -ушк- ощущается
чувство жалости, сочувствия, сострадания. Наличие
в русском фольклоре слов, называющих абстракт-
ные экзистенциальные понятия – горюшка,
смертушка, думушка, долюшка – обусловлено этим
чувством.

«Никушка, смертью твоею / поранена я на-
всегда» [11, 276], – Николай Рубцов оставил яркий
след в жизни и творчестве Ларисы Васильевой. В их
творчестве много параллелей и перекличек. Васи-
льева признаётся: «Есть у меня и другие строки, где
он виден Оттуда <...> Кто захочет, почитает, поймёт»
[5, 166]. Лирическая душа Рубцова – хрустальный
сосуд, вместивший в себя небо и землю, прошлое,
настоящее и будущее, память и вечность. Судьбы
двух поэтов, соприкоснувшись, представили миру
уникальное по силе лирического мироощущения
явление.

*Тамбовский государственный университет имени
Г. Р. Державина
Серова А. Д., аспирант кафедры русской филологии
и журналистики
E-mail: Anastasiya_1036@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Фионов А. П. Человек и мир в русской поэзии «традиционной школы» (60-70-е годы XX века): автореферат дис. ... канд. филол. наук / А.П. Фионов. – Воронеж, 1998. – 16 с.
2. Акаткин В. М. Поэзии. Слово. Культура... Статьи. Эссе. Рецензии / В. М. Акаткин. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – 625 с.
3. Куняев С. Ю. Свободная стихия / С. Ю. Куняев. – М.: Современник, 1979. – 320 с.
4. Васильева Л. Н. Облако огня / Л. Н. Васильева. – М.: Современник, 1988. – 303 с.
5. Васильева Л. Н. Путешествия друзей с врагами: Зависимые записки / Л. Н. Васильева. – М.: Бослен, 2015. – 336 с.
6. Рубцов Н. М. Тихая моя родина: Стихотворения / Н. М. Рубцов. – М.: Эксмо, 2009. – 368 с.
7. Тимашова Л. В. Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. / Л. В. Тимашова. – М., 2004. – 211 с.
8. Азбука спасения. Режим доступа: <http://azbukaspaseniya.com/biblioteka/dushi-bessmertie.html>
9. Васильева Л. Н. Стихотворения / Л. Н. Васильева. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
10. Васильева Л. Н. Одна земля – одна любовь / Л. Н. Васильева. – М.: Современник, 1973. – 207 с.
11. Васильева Л. Н. Избранное: Стихотворения и поэмы / Л. Н. Васильева. – М.: Художественная литература, 1981. – 463 с.
12. Ланщиков А. П. Поэт и природа (памяти Н. Рубцова) / А. П. Ланщиков // Ланщиков А. П. Многообразие искусства. – М.: Московский рабочий, 1974. – 192 с.
13. Лермонтов М. Ю. Выхожу один я на дорогу... / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т.1. – 720 с.

*Tambov state University named after G. R. Derzhavin
Serova A. D., Post-graduate Student of the Russian Philology
and Journalism Department
E-mail: Anastasiya_1036@mail.ru*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТОНИМОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В ПАРАДОКСАЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

О. Г. Твердохлеб

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 6 июня 2016 г.

Аннотация: в статье описывается употребление различных типов антонимов в парадоксальных определениях. Разнокорневые антонимы обычно представлены именами существительными и прилагательными. Однокорневые антонимы противопоставлены при помощи приставок не-, воз-/низ-, до-, экс- и от-/за-. Комплементарные антонимы приравнены друг другу, т. к. представлены в синтаксических позициях подлежащего и сказуемого. Антонимы контрарные функционируют в виде цепочек из трех антонимов либо парами. Контекстуальные антонимы представлены именами существительными.

Ключевые слова: антонимы, парадоксальное определение, оксюморон.

Abstract: the article describes the use of various types of antonyms in paradoxical definitions. Different root antonyms are usually represented by nouns and adjectives. One root antonyms are contrasted by prefixes ne-, voz-/niz-, do-, eks- and ot-/za-. Complementary antonyms are equated to each other, as represented in the syntactic positions of subject and predicate. Antonyms contraries operate in the form of chains of three or in pairs of antonyms. Contextual antonyms are represented by nouns.

Keywords: antonyms, paradoxical definition, oxymoron.

Языковая игра является постоянным объектом изучения лингвистики. Специальный раздел монографии «Русская разговорная речь» [1] описывает языковую игру в разговорной русской речи, Т. А. Гридина в работе [2] вводит понятие «игрема», В. З. Санников анализирует игровые модели на материале языка художественной литературы [3]. Вслед за В. И. Шаховским, мы считаем языковую игру «не злокачественным нарушением языковых и речевых норм», а «результатом их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [4, 367].

Нестандартность, оригинальность, креативность особенно свойственны парадоксальным определениям, однако исследование лингвистических средств создания парадоксальных определений до сих пор не проводилось, хотя, как мы показали ранее, парадоксальные определения имеют как традиционно выделяемые словарные истолкования: синонимический, перечислительный, описательный, отрицательный, комбинаторный и родо-видовой [7], так и совершенно отличительные, специфические способы истолкования, обозначенные нами как «повторительно-отличительный», «антонимический», «конверсивный», «согипонимичный», «ассоциативный», «формально-сигнальный» [8]. Целью данной статьи стал анализ функционирования антонимов в парадоксальных определениях, в которых два

противоположных признака даются одному человеку, явлению, предмету, что и создает предельно краткое и выразительное определение.

Для анализа нами были отобраны афоризмы-определения из «Словаря парадоксальных определений», составленный В. Г. Кротовым [5]; пословицы, обнаруженные в [6], а также языковой материал определений, приводимых в качестве кроссвордных заданий в газетах и в журнале «Крокодил».

Анализ нашей картотеки показал, что в парадоксальных определениях функционируют типы антонимов, различные по структуре (разнокорневые и однокорневые) и по выражению противоположности (комплементарные, контрарные) (по терминологии Л. Л. Новикова [9]).

1. Антонимы разнокорневые (общезыковые) в парадоксальных определениях представлены: **а)** именами существительными: **Враг** — это потенциальный друг (В. Г. Кротов); **б)** именами прилагательными: **Пессимизм** — это когда человек видит только черную тень от белой снежинки (М. Романушко); **в)** местоимениями: **Дипломат** — это честный человек, которого направляют лгать в чужую страну на благо своей Родины (Генри Уоттон); **г)** глаголами, инфинитивами и причастными формами: **Анонимка** — послание, в котором автор скрывает свое имя, но показывает свое настоящее лицо (Неизв.); **д)** наречиями и словами категории состояния: **Неврастеник** — человек, которому плохо даже тогда, когда ему хорошо (Неизв.). При этом все антонимы, обнаруженные нами в загадках в кроссворде,

являются разнокорневые и представлены только именами существительными, напр.: *Опустившаяся высота (Глубина)* (О. Васильев. Загадка в кроссворде. Комсомольская правда. 1.02.2000), где один антоним находится в составе загадки, а второй — в составе отгадки: *Прихлопнутый плюс (Минус)* (В. Аскорутян. Загадка в кроссворде. «Крокодил». 1996. № 11. С. 12). *Перечеркнутый минус (Плюс)* (Г. Мишук. Загадка в кроссворде. «Крокодил». 1995. № 8. С. 12). *Минор, ставший оптимистом (Мажор)* (Е. Буртасов. Загадка в кроссворде. «Крокодил». 1998. № 5. С. 12).

2. Антонимы **однокорневые**, обнаруженные нами в парадоксальных определениях, противопоставляются при помощи: а) приставки *не-*: в именах существительных, прилагательных, глаголах: *Знание — сила, незнание — темная сила* (К. Кушнер); *Статистика — это самая точная из неточных наук* (Г. Флобер); *Демократия — это когда еще не знают, кого слушаться, но уже знают, кого не слушаться* (Л. Леонидов); б) приставок *воз-/низ-*: в именах прилагательных: *Глобус — это земной шар, возведенный на пьедестал и низведенный до удобных размеров* (Феликс Кривин); в) приставки *до-*: в именах прилагательных: *Ад — это историческая родина человечества, рай — доисторическая* (Б. Крутиер); г) приставки *экс-*: в именах существительных: *Чемпион — кандидат в экс-чемпионы* (Неизв.); д) приставок *от-/за-*: в глаголах и глагольных формах: *Август — месяц, когда вы не сможете открыть в автобусе окно, то самое, которое не смогли закрыть в декабре* (Л. Леонидов).

3. Парадоксальные определения, включающие в свой состав **группы антонимов**, содержат разнокорневые (общезыковые) и однокорневые антонимы, выраженные разными частями речи: *Совесть — это безмолвный подсказчик, к которому прислушиваешься все больше и больше — или все меньше и меньше* (В. Г. Кротов). *Брак — это лихорадка навыворот: он начинается жаром и кончается холодом* (Гиппократ, Др. Греция). *Если подниматься по лестнице не труднее, чем спускаться, — это молодость*. *Редактор — это специалист, который, плохо зная, что такое хорошо, хорошо знает, что такое плохо* (Евг. Сазонов). *Вино — для неумеющего пить — яд, для умеющего — противоядие* (Неизв.).

4. Антонимы **контрарные** (градуальные, ступенчатые, противоположные), обозначающие временные координаты, качественную противоположность, ср.: *Настоящее — это бурлящий котел, в котором из продуктов прошлого, мы готовим свое будущее* (Эдвард Араб-оглы). *Алхимия — это наука без науки, начало и середина которой состоит в труде, а конец в нищенстве* (Джозел Гаррис). Встречаются цепочки из трех контрарных антонимов, выражающие как крайние члены множества, так

и средний, промежуточный член (в приведенных примерах *прошлое — настоящее — будущее, начало — середина — конец*), так и пары контрарных антонимов, с одним пропущенным членом ряда, напр.: *Будущее — это тщательно обезвреженное настоящее* (А. и Б. Стругацкие).

5. Интересны парадоксальные определения, включающие противоречащие по смыслу, **комплементарные** антонимы, приравненные друг другу, т. к. оба антонима представлены формами именительного падежа имени существительного в синтаксических позициях подлежащего и сказуемого: *Женщины — это те же мужчины, только еще лучше* (А. Кнышев). *Женщина — это избыточный мужчина* (Ф. Ветров).

6. Отмечены в парадоксальных определениях и **контекстуальные антонимы**, напр.: *Глубина — это опустившаяся высота* (Д. Гвилава). *История — это состарившаяся современность* (Неизв.). *Пар — вышедшая из себя вода* (Неизв.). Во всех таких случаях контекстуальные антонимы представлены именами существительными. Другие части речи единичны: *Софистика — мудрость кажущаяся, а не подлинная* (Аристотель). Иногда русские пословицы, построенные как словарное определение, также напоминают парадоксальное определение, где тоже находим контекстуальные антонимы, ср.: *Чистота — половина здоровья. Детки — радость, дети — горе. Барская хворь — мужицкое здоровье* [9]. В загадках в кроссворде один контекстуальный антоним находится в составе загадки, второй в отгадке: *Траектория движущейся точки (Линия)* (О. Васильев. Загадка в кроссворде. Комсомольская правда. 6.11.1999). *Муж в перспективе (женех)* (О. Васильев. Загадка в кроссворде. Комсомольская правда. 2.02.00).

7. Яркие и непредсказуемые примеры **оксюморонов** в парадоксальных определениях: *Личность — неизменное в изменениях* (Н. Бердяев). *Проза — прерывистый знак непрерывного* (О. Мандельштам). *Жизнь — это густо заселенная пустыня* (М. Светлов). *Страх — это совесть бессовестного* (А. Круглов). *Судьба — смысл бессмысленного* (А. Круглов). *Колодец — высокая глубина* (А. Бельмасов). *Роскошь — лишнее лишнее* (Неизв.).

Таким образом, исследование выявило особенности употребления различных типов антонимов в парадоксальных определениях. Разнокорневые антонимы обычно представлены именами существительными и прилагательными, а в загадках в кроссворде — только именами существительными. Однокорневые антонимы противопоставляются при помощи приставок *не-*, *воз-/низ-*, *до-*, *экс-* и *от-/за-*. Парадоксальные определения, включающие в свой состав группы антонимов, содержат разнокорневые (общезыковые) и однокорневые антонимы, выраженные разными частями речи. Комплементарные

антонимы включаются в парадоксальные определения в качестве тождественных, т. к. представлены в синтаксических позициях подлежащего и сказуемого. Антонимы контрарные функционируют в виде цепочек из трех антонимов либо парами. Парадоксальные определения изобилуют контекстуальными антонимами, обычно представленными именами существительными. Яркие и непредсказуемые примеры оксюморонов в парадоксальных определениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Кийтайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М. : Наука, 1983. – 321 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. педаг. ун-та, 1996. – 225 с.
3. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой

игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.

4. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 414 с.

5. Кротов В. Г. Словарь философических, метафорических, юмористических и прочих разных парадоксальных определений / В. Г. Кротов. – М. : Крон-Пресс, 1995. – 480 с.

6. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.

7. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слов / Д. И. Арбатский // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 26–31.

8. Твердохлеб О. Г. Парадоксальные определения: некоторые лингвистические способы создания / О. Г. Твердохлеб // Филологический аспект. – 2016. – № 2. – С. 26–30.

9. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположностей) / Л. А. Новиков. – М. : Издательство МГУ, 1973. – 290 с.

Оренбургский государственный педагогический университет

Твердохлеб О. Г., доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка

E-mail: ogtwrd@gmail.com

Orenburg State Teacher Training University

Tverdokhlebova O. G., Candidate of Philology, Associate Professor of the Linguistics and Methodology of Teaching Russian Language Department

E-mail: ogtwrd@gmail.com

ЛЕКСИКА РУССКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Тихонова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 28 июня 2016 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается лексика русской народной музыкальной культуры как особый пласт культурно маркированных единиц русского языка, определяется состав данного языкового фрагмента и рассматриваются особенности использования учебного лингвострановедческого словаря «Русская народная музыкальная культура» в процессе обучения студентов-иностранцев.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, культура, музыкальная культура, национальная специфика, культурно-маркированная лексика, семантика, учебный словарь.

Abstract: the article deals with vocabulary of Russian folk music culture as a special stratum of culturally-marked units of the Russian language. The corpus of the given language fragment is defined and peculiarities of the educational linguistic-cultural dictionary «Russian Folk Music Culture» application in the foreign students' learning process are considered.

Keywords: Russian as a foreign language, culture, music culture, national specificity, culturally-marked vocabulary, semantics, educational dictionary.

В современной лингвистике и лексикографии для обозначения лексических единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа – носителя конкретного языка, выработано множество терминов: безэквивалентная, неполноэквивалентная лексика, реалии, лакуны, фоновая лексика, национальные словесные образы, экзотическая лексика, культуремы, L-реалии и др. (см. работы В. П. Беркова, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. С. Мамонтова, Г. Д. Томашина, В. В. Ощепковой, С. Влахова и С. Флорина, В. Л. Муравьева, Ю. А. Сорокина, В. В. Воробьева, А. А. Кретьева, Н. А. Фененко и др.). Несмотря на терминологическую неоднозначность, общим для единиц, отражающих национальную специфику языка, является их семантика. В связи с этим удобным представляется определение «культурно-маркированная лексика», обозначающее языковые единицы, в семантике которых содержится национально-культурная информация.

Следует отметить, что национально-культурной спецификой обладает именно семантика слова. По словам Л. Ельмслева, «если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать отнюдь не с помощью физического описания обозначаемых вещей; напротив, это можно выполнить, лишь прибегнув к коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т.е. к социальному мнению... ведь одной и той же физической «вещи» могут соответствовать совершенно

разные семантические описания – в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта «вещь»... [1, 133–134].

Как свидетельствуют исследования О. В. Загоровской, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, К. Флекенштейн и др., национальная специфика семантики лексических единиц может проявляться в разных формах. Основопологающим в данном отношении является положение о том, что национально-культурная специфика слова находит отражение на уровне денотативного, эмотивного, собственно-языкового и эмпирического компонентов значения. Ср. также: «Конкретное воплощение национально-культурная значимость слова находит в той составляющей его семантики, которая связана с отражением специфических в национальном отношении явлений и может быть названа семой национальной принадлежности. Для русского языка это будет сема «русский», объединяющая такие варианты, как «типичный для русских», «используемый русскими», «распространенный в России» и т. д.» [2, 99].

Тематическая сфера «Русская народная музыкальная культура» включает значительное число культурно-маркированных единиц, которые обладают большой культурологической значимостью, а осмысление и представление культурно-маркированной лексики как особого пласта слов имеет большое методологическое значение для преподавания русского языка в иностранной аудитории.

Лексический состав сферы русской народной музыкальной культуры весьма специфичен и включает в себя следующие группы: а) наименования русских народных музыкальных инструментов (ба-

лалайка, гусли, жалейка, ложки, свирель, дудка и др.); б) наименования произведений русского народного творчества и их частей (*веснянка, частушка, кама-ринская, барыня, колядки* и др.); в) наименования лиц, являющиеся обозначениями народных поэтов, певцов, сказителей и других исполнителей произведений русской народной музыкальной культуры (*былинщик, гусяр, сказитель, скоморох, частушечник, рожечник, вопленица, плачя* и др.); г) обозначения действий, связанных с исполнением тех или иных русских народных музыкальных произведений (*голосить, выть, прибасать* и др.).

Как показывает практика, изучение культурно-маркированных лексических единиц, объединенных одной тематической сферой, в иностранной аудитории невозможно без специального словаря. Анализ словарных дефиниций лексем, относящихся к сфере русской народной музыкальной культуры, показал, что толковые словари русского языка не всегда обладают способностью передать лингвокультурологический пласт понятийного содержания данных лексем. Толковые словари предназначены для носителей языка, которые эмпирически знакомы с лексическим фоном слов, обозначающих чисто русские предметы и явления. А чтобы понять и усвоить лексику с национально-культурной спецификой значения в процессе межкультурной коммуникации, иностранный учащийся должен воспринимать объекты на уровне не только понятия, но и фона.

В настоящее время ведется работа по созданию комплексного многоаспектного учебного словаря «Русская народная музыкальная культура», предназначенного для изучающих русский язык как иностранный.

В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой современные учебные словари, в том числе особенно предназначенные для изучающих русский язык как неродной, должны быть многоаспектными (комплексными) словарями активного типа.

Подготавливаемый нами лингвострановедческий словарь характеризуется особенностями в составе словника, отборе, размещении, способах подачи и интерпретации лингвистической информации, языке изложения материала, объёме, оформлении [подробнее см.: 3].

Словарь содержит сведения, позволяющие сформировать различные компетенции иностранных учащихся, в первую очередь, коммуникативную и культурологическую, а также материалы, позволяющие организовать различные виды работы на занятиях с иностранными студентами.

В словаре в соответствующих зонах не только содержатся сведения о собственно языковых характеристиках культурно-маркированных лексем (постановка ударения, грамматические характеристики слова, его стилистические характеристики), но

и представлена информация лингвострановедческого, энциклопедического характера.

Так, в зоне энциклопедических сведений для лексемы *кадриль* в словаре имеется информация следующего рода:

В России кадрили заимствованы из Франции, отсюда и название танца: франц. Quadrille – танец в четыре пары. В 17–19 веках кадрили были в России бальным танцем, в конце 19 – начале 20 века она широко вошла в народный быт и стала одним из самых распространенных русских народных танцев.

Кадрили сохранили некоторые черты бального танца: четкую композицию, определенную последовательность фигур танца, каждая из которых имеет свое название и исполняется под особую музыкальную мелодию.

Существуют многочисленные местные варианты: московская, калининская, ярославская кадрили и другие. На Урале и в Сибири она часто называется по числу участвующих в танце пар: «шестёра» (6 пар), «восьмёра» (8 пар) и т. д. Все местные варианты русской кадрили роднит народная манера исполнения: импровизация, мягкий юмор и задор.

Кадрили популярны до сих пор. Ее часто включают в свои программы русские народные хореографические ансамбли, ансамбли песни и пляски.

Музыкальный размер кадрили 2/4.

Ср. также энциклопедические сведения к лексеме *бубен*:

«Бубен известен восточным славянам с древнейших времен. Особенно широко бубны применялись в ратном деле и у скоморохов. <...> Одно из описаний бубна вместе с трубами в качестве военно-музыкального инструмента относится к X в. (960-е годы) и включено в описание похода князя Святослава Игоревича. Число бубнов в войске определяло его численность. Бубен служил знаком командного достоинства, исполнители на бубнах находились в непосредственном распоряжении начальников отрядов. <...> В более поздние века бубном пользовались скоморохи и медвежьи поводыри. <...> Инструмент этот изредка встречается в руках народных музыкантов и в наши дни, но основное свое применение он нашел в оркестрах русских народных инструментов» (<http://www.folkmusic.ru/buben.php>).

Лингвострановедческий комментарий, основанный на представленной в словаре информации, поддерживает интерес иностранных учащихся, позволяет расширить кругозор, сформировать навыки анализа текста.

Создание словаря в электронном виде позволяет включить большой пласт иллюстративного материала, который за счет видео- и аудиоэффектов значительно упрощает передачу наглядно-образной информации, содержащейся в культурно-маркированных лексических элементах. Кроме того, компьютерная форма словарной статьи при активизации

аудиоресурсов позволяет пользователю услышать правильное произношение интересующего его слова, услышать фразы, включающие данное слово, услышать речевой отрезок, который позволит сформировать навыки различения слова в потоке речи, а также уяснить правильность грамматической формы и т. д. Использование текстовых и нетекстовых материалов учебного словаря позволяет разнообразить формы и методы работы с иностранными учащимися.

Электронный вариант представляется оптимальной формой такого словаря.

Воронежский государственный педагогический университет

Тихонова Н. А., доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: tikhonova07@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. Вып. II. – М., 1962.
2. Загоровская О. В. Национально-культурная специфика слова и ее проявление в художественном тексте / О. В. Загоровская, И. А. Стернин // Русский язык для студентов-иностранцев. – № 23. – М., 1984. – С. 99–110.
3. Тихонова Н. А. Лексика русской народной музыкальной культуры и ее отражение в учебном лингвострановедческом словаре: дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Тихонова. – Воронеж, 2009. – 283 с.

Voronezh state pedagogical university

Tikhonova N. A., Associate Professor of the of Theory, History and Methods of Teaching of Russian and Literature Department

E-mail: tikhonova07@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

В. В. Хорольский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье ставится вопрос о взаимодействии «художественности» и «медийности», литературы и журналистики в публицистике С. Лема, У. Эко, Ж. Бодрийара и других. Подчеркивается роль образности в научно-популярных текстах, характеризуются модификации стиля публицистики писателей, участвующих в работе СМИ. Анализируются тексты зарубежных авторов с точки зрения их «медийности». Сделан вывод о необходимости использования произведений искусства слова для приобщения аудитории к чтению научно-образовательной «писательской» публицистики с помощью развлекательных стратегий массовой культуры.

Ключевые слова: художественные ценности, научно-популярная публицистика, массмедиа, развлечение, стиль постмодернистских текстов, массовая культура, гедонизм.

Abstract: the article deals with arts and media cooperation, with literary efforts of non-fiction and artistic writings in proliferating knowledge through mass media. The role of imagery in popular-scientific texts of S. Lem, U. Eco, J. Barnes etc. is stressed, style modifications of science and media-oriented writers are characterized. The texts of prominent authors devoted to science popularization and style of these texts are analyzed. The conclusions are drawn about cooperation of educators and writers via popular entertaining mass media while working out educational strategies in the realm of mass culture.

Keywords: image and artistic values, popular-scientific texts, mass-media, entertainment, postmodern style, mass culture, hedonism.

Писательская («эстетическая») публицистика, тяготеющая к обсуждению проблем научно-технического прогресса и достижений науки, стала важнейшей частью литературного процесса еще во времена Ж. Верна и Г. Уэллса, когда жанр научно-фантастического романа соединился с научной футурологией и социальным проектированием. В XX в. наблюдался взрыв интереса к фактографии и научному модусу познания мира. Естественно, что одной из заметных линий развития мировой культуры и литературы в эпоху научно-технологического взрыва стал расцвет научно-популярной публицистики (далее НПП) и философской футурологической эссеистики, о чем пишут часто [1; 2; 8], но далеко не всегда при этом обращается должное внимание на позитивную, хотя и очень скромную роль развлекательных массмедиа в популяризации истинно высокой науки.

Западные авторы-футурологи от Уильяма Морриса до Артура Кларка в своих работах сплавливали «публицистичность» и «художественность», используя гедонистические и развлекательные приемы как в своих романах, так и в статьях, докладах, эссе. Научно-коммуникативная деятельность интеллектуалов всего мира, прежде всего самих ученых и писателей-популяризаторов достижений науки, породила

новый всплеск массового интереса к НПП, что не могло не влиять на мировой литературный процесс [5; 9]. Интерес к научно-популярным изданиям (напр., «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Geo», «Нэшнл джиографик», «Икономист» и т.п.) всегда был активным, в целом он растет и сегодня, что подтверждает мысль о стремительно укрепляющейся связи науки и СМИ, науки и литературы. Не утратила актуальности и мысль о необходимости постоянного и системного анализа научно-медийного дискурса, что всегда было признаваемо отечественными медиакритиками. Работы А. Аكوпова, Р. П. Баканова, Ю. Б. Балашовой, С. Кардонского и других ученых, писавших о проблемах науки, показывают, что научно-технические революции являются объектом пристального интереса для публицистов и писателей, в том числе и для создателей текстов НПП в специализированных СМИ [5; 9, 89]. Научность и документальность, медийная устремленность и адресность художественного дискурса западной массовой культуры стали показателем формирующегося в XX в. информационного, а ныне, по Кастельсу, «информационального» общества.

Каковы типологические признаки обсуждаемого вида творчества? Во-первых, тематически и проблемно НПП и подобные дискурсы вполне отчетливо маркированы. Событийный ряд в научно-популярных текстах связан чаще всего с поиском учены-

ми истины, созданием рациональной картины мира, расширением горизонтов познания, усовершенствованием техники. Фоновые данные о познавательной парадигме современной литературы позволяют говорить о формировании в НПП, создаваемой по канонам масскульта, релятивно-постмодернистской картины мира, фундируемой в гедонистическом мироощущении. Переоценка ценностей абсолютизируется. Все ставится под сомнение, причем полемика сегодня идет по таким магистральным направлениям тематизации НПП, как происхождение Вселенной и человека, покорение космоса и встреча с инопланетным разумом, судьбы культуры и гуманизма в машинном мире, использование науки в военных целях и т. д. Второй отличительной чертой научно-популярных текстов следует считать стилевое «двуязычие», т. е. соединение образно-метафорических и медийно-познавательных стратегий и форм наррации. Бросается в глаза обилие статистических выкладок, цифр, а также специальной лексики, научной терминологии и сленга, профессионального жаргона. В таких текстах строже соблюдаются требования верифицируемости нарратива, хотя при всей близости к научному тексту любая НПП, а тем более близкий ей по духу текущий журналистский материал, не может претендовать на полномасштабное научное освещение сложных проблем. Большинство текстов НПП демонстрируют непредвзято-объективированный, «имплицитный» стиль наррации, предполагающий плюрализм точек зрения, интерес подготовленного потребителя. Тут важна и психология воздействия НПП на аудиторию, стилистика, часто подразумевающая рекламнопропагандистские цели. Так, в манере европейских журнальных популяризаторов науки привычно сочетание прямого и косвенного способов воздействия на читателя-покупателя, что не исключает элементов строгой научности, предполагает соединение разных концептосфер. Не редкость даже в глянцево-журналах внезапное усложнение языка, который часто никак не назовешь развлекательно-доступным. Но в массовых изданиях подобные стилевые приемы способствуют усилению аргументации, повышению авторитета автора, который может при этом думать не о научной истине, а о продвижении товара или услуги. Чаще и вовсе в популярных изданиях царит культ доступности и развлекательности, царят законы поп-культуры и поп-науки. Но при этом важна та доля истины, которую вносит в массы развлекательный текст на тему истории, географии, психологии и т. д. Чтение фантастики подсказало ученым немало идей.

Есть смысл, сопоставляя медийность и научность в НПП, упомянуть о характере экспрессивизации текстов. В науке внешние эффекты, визуальность, громкие заголовки, смелые неологизмы и т. п. не могут играть определяющую роль, в публицисти-

ке же могут и должны. Экспрессия научного текста иная, чем в текстах, созданных для массмедиа. В этом отношении для развлекательной медиапродукции на научные темы можно считать релевантным признаком внешней броскости. Естественно, необходимо принимать во внимание жанрово-стилевые особенности любого научно-популярного сообщения или дискурса. Научно-популярная публицистика, создаваемая европейскими писателями последних десятилетий, ближе к науке, чем статьи начала XX в., а медийное выступление С. Лема или У. Эко более терминологично, чем выступление в печати Г. Уэллса; но в любом медийном жанре в той или иной мере присутствует рациональность, фактография, опора на данные научного знания, а не только на здравый смысл. Когнитивно-речевые акты в популярных эссе далеки от научности, хотя темы могут быть вполне актуальны и сенсационны. Научность и публицистичность идут в литературе и в СМИ рядом, но первое свойство текстов не столь заметно, у него меньшая интенсивность, а часто и вовсе научный модус мышления автора спрятан в подтексте. Элементы научности в НПП естественны и необходимы, они не противоречат другим свойствам масскоммуникативных процессов (гедонизм, агитационность). Научный модус познания присущ симбиотическому жанру НПП изначально, это конститутивный признак медийности данного жанра, но элементы научного типа отображения действительности не могут занимать центральное положение в системе признаков в медийных текстах как виде текстов, отличных от художественных или научных. Тексты, созданные учеными-популяризаторами (Стивен Хокинг, Ричард Докинз), не всегда являются коммуникативно-направленными мессиджами, подобными заметкам репортеров. Такие тексты вполне могут не устаревать. Они могут долго пребывать в забвении, быть «под спудом», в столе ученого, а потом засиять новым блеском актуальности, чего не скажешь о большинстве журналистских текстов, циркулирующих в СМИ.

Еще одна особенность НПП. Известно, что информации в мире становится все больше: по свидетельству Э. Тоффлера, уже в 1970–1980-е гг. только в США ежегодно объем научной базы увеличивался на 60 млн страниц, ежегодно печаталось до 1000 новых наименований книг, издавалось до 15 тыс. наименований журналов [8, 233]. Сегодня цифры еще более поразительны. В РФ в 2013 г. было издано 120512 наименований книг и брошюр. Ускорение распространения духовно-культурной информации привело к тому, что в последние десятилетия объем научных знаний удваивался в различных отраслях науки в среднем в интервале от 5-7 до 10 лет. Сейчас удвоение объема информации в точных науках происходит раз в 2-3 года [8, 234]. Отсюда и рост объемов статей об НТР. Отсюда и такая стилевая особенность

НПП, как событийность, отражение в публицистическом произведении стремительных перемен и новых событий в области науки и техники, например, в области сетевых коммуникаций.

Огромную роль в современной культуре играет НПП, издаваемая на средства ООН. Журналы ЮНЕСКО можно считать примером соединения научной точности и максимально возможной доступности текстов. Среди них наиболее популярен ежемесячный журнал «Курьер ЮНЕСКО». Следует отметить также такие журналы ЮНЕСКО, как «Музеум», «Импакт», «Перспективы», «Природа и ресурсы». Свой вклад в популяризацию науки внесли не только специализированные, но и универсально-развлекательные СМИ. Особенно заметна тяга к сенсационным научным и квазинаучным проблемам в желтой прессе, имеющей большие тиражи и выражающей идеи массового потребительского сознания. Развлекательные СМИ в своих материалах соединяли естественное и сверхъестественное, превращая наукоподобные материалы в мифологию нашего времени [3]. Постоянно муссируется возможность посещения нашей планеты разумными существами из других миров, хотя ни одного научно доказанного факта пока нет. К массовым изданиям, популяризирующим научные открытия, относятся, например, такие газеты, как «News of world» (4, 78 млн. экз.), «Sun» (4,05 млн экз.), «Mirror» (3,26 млн экз.), «Daily express» (1,98 млн экз.), «Daily mail» (1,86 млн экз.). Они сообщают о научных событиях, не интерпретируя их глубоко. Массовая культура не может глубоко анализировать научный дискурс, но может его популяризировать, привлекая внимание не столько специалистов, сколько широкой публики. И это один из парадоксов эпохи: масскульт, стремясь к коммерческому успеху, пропагандирует успехи ученых, а желтая пресса с одинаковым вниманием следит за достижениями артистов эстрады и ученых, ведь всюду есть шанс для открытий и сенсаций. Примером «глянцевой» НПП может служить международный журнал «Иллюстрированная наука». Сделать познание истины легким удастся далеко не всем, но в погоне за читателем почти все стараются быть интересными.

Глобализация, унифицирующая культуры, привела к возникновению единой мировой науки и околonaучной литературы, подтолкнув тысячи авторов к спонтанному поиску стиля, отражающего законы непрерывных изменений, причем темп этих изменений таков, что без художественной фантазии и литературного воображения тут не обойтись. НПП выполняет в этом случае функцию не просто пояснения, а оригинального толкования научных фактов с позиций рациональности здравого смысла. Наука, будучи особым видом познавательной деятельности и наиболее динамичным социальным институтом общепланетарного значения, изначально тяготеет

к мировому диалогу. Глобализм мышления является конститутивным признаком творческого метода авторов-популяризаторов успехов НТР.

Когда мы говорим о современной научно-популярной публицистике, то мы обязаны первым назвать имя польского автора Станислава Лема (12.09.1921 – 27.03.2006), который регулярно на протяжении четырех десятилетий комментировал то, что происходило в сфере науки и техники. Он был известен у нас только как писатель-фантаст, ибо в его публицистике было немало обидного для России, но после перестройки 1990-х гг. у нас появились переводы его статей из сборников «Милые времена» (1995), «Тайна китайской комнаты» (1996), «Пятна на солнце» (1997). Многие его статьи, переведенные на русский язык, были собраны в 2005 году в сборнике «Молох» [7]. В них он выступал как философ, культуролог, футуролог, литературовед (кстати, в «Новом мире» еще в 1970 г. в № 6 печаталась его статья «Мифотворчество Томаса Манна»). Эссе, опубликованные в 1990–2000-х годах, можно рассматривать как единый метатекст и дискурс, репрезентирующий обсуждаемую тему. «Мегабитовая бомба» (1999) – объединила эссе писателя, посвященные проблемам информатики и компьютерных технологий, которые были созданы им по заказу журнала «РС» («Персональный компьютер»). «Мегабитовая бомба» – метафора информационного взрыва. Уже в первом разделе сборника статей, красноречиво озаглавленном «Риск Интернета», С. Лем предупреждает наивных адептов новых технологий: прогресс противоречив! Лем призывал не доверять технократам, не уповать на физику и робототехнику. Он так и писал по этому поводу: *«В любом случае не следует доверять опытным специалистам, погрязшим с головой в гуще информационной электроники»* [7, 435].

Иногда Лем-футуролог даже слишком осторожен. Он не верил, например, в то, что Сеть станет виртуальной родиной миллиардов пользователей. В «Сумме технологий», в поздних статьях о Сети он тщательно перечисляет опасности прогресса, хотя надежд на скорый невиданный прорыв в 1960-е гг. было гораздо больше. Любопытная деталь: используя термины, Лем обязательно дает пояснение. Эта деталь еще раз подтверждает установку на популяризацию, хотя аудитория Лема далека от малообразованной толпы любопытствующих зевак. Тексты его далеки от газетной клишированности. Бросается в глаза их лексическая маркированность. Вот несколько ключевых лексем и выражений: *коммуникации, микрокомпьютеры, развитие сетевой и компьютерной информатики, терабайтовые объемы данных, цифровые энтузиасты, «электронейроновые» узлы (серверы, процессоры, оперативные программы вызова и т. д.)*. Они отчетливо указывают на принадлежность сообщения к обсуждаемому виду публицистики. Автор – писатель, хорошо

знающий о научном поиске и его рисках, но это человек, который в то же время далек от сугубо научного целеполагания. Его цель – популярно изложить в эссеистической форме свое понимание противоречий прогресса, предупредить читателей об опасностях сциентизма. Защищая науку и знания в целом, автор с восторгом пишет о революционных преобразованиях в информатике. Его стиль патетичен. В то же время патетика становится алармистской, когда речь заходит об издержках. Автор убежден: слишком внезапно вспыхнувшие восторги и ожидания поблекнут» [6, 5]. Это ключевая мысль автора, варьируемая в различных смысловых контекстах. Если брать самый широкий контекст НПП, то лемовский осторожный оптимизм и готовность быть разочарованным создают дополнительную ауру искренности и укрепляют интонационно атмосферу доверия, преобладающую в рассматриваемых произведениях.

Другой особенностью повествования Лема следует считать разговорность слога. Доказательством тому может служить наличие просторечий бытовой метафоры, скажем, упоминаются *компьютеры*, *«пережевывающие терабайтовые объемы данных»*, *«ценности необъединенных культур»*, которые, по мнению автора, *«должны были затонуть в “серфинге”, оказаться похороненными у провайдеров»*. Уподобление машин животным подспудно содержит мысль о невозможности создания в Интернете разумных программ, эта проблема волновала Лема до конца его дней (*Ни проблеска интеллекта. Работают они как невольники, по нашему приказу. Пусть им по силам перенести нас в райские кущи “сексуального блаженства” или в “тарпейскую бездну”. Однако им не дано отличать бредни (junk mail) от серьезной информации, даже черезвычайно важной*) [7, 189]. Иногда разговорная стихия лемовского эссе подпитывается фразеологизмами и тропами, словами или выражениями, употребляемыми в переносном значении для создания художественного образа и достижения большей выразительности. К его любимым тропам относятся эпитет, сравнение, олицетворение, метафора, метонимия, иногда встречаются гиперболы и литоты. Лем пишет: *«Скорее я признал бы правдоподобными разговоры с коровой или жирафом без посредничества каких-либо компьютеров. Говоря простым языком, кинематографисты пудрят нам мозги»*. Идиоматичность языка в последнем случае коррелирует с писательской установкой на экспрессию и образность, что и отличает язык публициста от языка ученого. Иногда, словно пародируя слог науки, эссеист употребляет иронические составные термины типа «серверно-провайдерно-компьютерно-программно-дисковых» (приспособлений). Мотив *похорон* в связи с утратой огромных массивов знания в гигантских сетевых свалках тоже маячит на периферии авторской меди-

тации. Он ссылается на *“ядовитые” вирусы в виде микропрограмм, способных разрушать данные, разорвать, “вычистить” всю информацию на жестких дисках либо единым махом (как снаряд, угодивший в цель), либо же с произвольно запланированной и установленной отсрочкой как заряд с детонатором, установленный на соответствующий момент*” [7, 470]. Данная цитата убеждает нас в том, что автора волнует не только, а порой и не столько наука, сколько ее гуманитарные аспекты и потенции. Природа человека, раскрывающаяся в диалогах об НТР, становится главным предметом философического исследования. Интернет, как и мирный атом, показал невиданные горизонты научных открытий, но и породил при этом новые угрозы. Скажем, для Лема, Эко, Бодрийара и др. уже в 1990-е гг. стала важной проблема сетевого террора. Авторские вопрошания приобретают в этом случае характер инвектив. Почему люди не берегут свой труд, вредят друг другу? Откуда берется зависть к достижениям других? Почему зло так часто торжествует? Почему человек эволюционирует медленнее, нежели наука и техника? Вот лишь некоторые вопросы, пронизывающие эссеистику Лема. Он пишет о настоящих ученых, озабоченных духовным ростом человека, но хорошо знает и о дельцах от науки, о мошенниках, зарабатывающих на квазинаучной деятельности. Врагом науки он называет бюрократа, чиновника-управленца. Однако главным героем его публицистики всегда были идеи. Идеи разные, но неизменно интересные.

И в этом он близок другому современному прожителю – итальянцу Умберто Эко, статья которого «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» также может иллюстрировать лучшие стороны современного научно-популярного дискурса. Как известно, Умберто Эко одним из первых заявил о сосуществовании разных и нередко антагонистических культур в сфере Интернет-коммуникаций. Поэтому он призвал вернуться к Гутенбергу там, где речь шла о культуре общения, о глубине человеческих отношений [10, 9]. Идея Эко, как и у Лема, проста: Сеть не превратит виртуальный мир в реальность, но надо не пугаться, а радоваться наступлению виртуальности, свободной от цензуры. Гипертекстуальный диск, по мнению Эко, высказанному 20 лет тому назад, скоро вытеснит книгу научного толка. Но вытеснит ли он художественную книгу? И может ли электронный носитель заменить книгу для чтения, изменить саму природу произведения для эстетического чтения? Риторические вопросы у Лема и Эко имеют общефилософский характер. У Эко пишет скорее художественный, чем научный текст, но точнее такой текст называть научно-популярным. Художественно-образные ресурсы статей Лема и Эко таковы, что их тексты звучат символически, передавая архетипические особенности по-

ведения человека в экстремальной ситуации.

Еще одно имя: Жан Бодрийар. Он известен как один из самых видных теоретиков периода Постмодерна. Но он известен также и как публицист, много сделавший для популяризации своих и чужих взглядов, для понимания эпохи широкими слоями грамотных людей. В частности, он в публицистической книге «Америка» (1986), глубоко проанализировал американский образ жизни, базирующийся на «кажностях» и виртуальных событиях. В беллетризованном социологическом по духу эссе, как и в научно-популярном очерке «Общество потребления», Бодрийар пишет о противоречиях общества изобилия, которое построили для себя элитные слои США и Европы. Он выделяет в своей культурософской публицистике два вида потребления: естественное (традиционное) и знаковое (характерное для современного общества потребления). Он описывает Америку как страну, где потребление стало не только привычкой, но долгом, гражданской обязанностью, а иногда и доблестью, над чем автор-философ потешается, рисуя США как дурную копию Англии: «Америка – не сновидение, не реальность, Америка – гиперреальность. Она гиперреальна, поскольку представляет собой утопию, которая с самого начала переживалась как воплощенная. Все здесь реально, прагматично и в то же время все погружает вас в грёзу. Возможно, истина Америки может открыться только европейцу, поскольку он один в состоянии найти здесь совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей» [1, 33]. США для французского автора всегда были символом фетишизации машины, символом самоцельного «внегуманного» научного любопытства. Ж. Бодрийар, как и Д. Белл, Г. Кун, Э. Тоффлер, М. Маклюэн, С. Лем, У. Эко, Дж. Барнс, продолжая традиции Э. Беллами, Г. Уэллса, У. Морриса, Дж. Оруэлла и др., создавал свои эссе-антиутопии в ситуации ускорения НТП, что и обусловило содержание и стиль его статей. **Ирония стала непрямым элементом рассуждений о будущем.**

Таким образом, научно-технический прогресс, изменяя структуру НПП, делает, по мнению названных авторов, ее в лучшем варианте проводником передового знания, а в худшем – каналом чистого развлечения и даже дезинформации. А миссия НПП проста – просвещение массового читателя и активизация научного поиска. Пока эта простота миссии остается невыполненной и во многих случаях – невыполнимой.

Выводы

Наука сделала литературу и массмедиа мощной силой, рычагом просвещения, что в наше время особенно заметно в развивающихся странах. Одной из заметных линий развития мировой литературы и журналистики стал расцвет научно-популярной публицистики, творчества, где сливаются категории

«художественности» и «медийности». Научно-популярная публицистика в СМИ – это прежде всего публицистика социологическая, социокультурная, а потом уже естественно-научная и любая другая. Напрашивается вывод о ее статусе в системе других текстов культуры. Этот статус, в отличие от статуса самой науки как социального института и совокупности знаний, методов, субъектов деятельности и т. д., обусловлен в первую очередь медийными событиями, суть которых – в фиксации каждодневности и даже сиюминутности, а потом уже данный статус определен историческими процессами и поисками долговременной перспективы. Глубина проникновения в суть явлений является критерием качества больше для науки, чем для СМИ, и, будучи памятниками момента, тексты НПП могут быть вполне шаблонны по форме, стереотипны по содержанию, как многие медийные материалы, но при этом они обязаны быть эстетически оригинальными и ценными с точки зрения художественной самоидентификации автора и читателя, они должны способствовать адаптации индивида к социальным когнитивно-образовательным нормам, помогая ответственно пребывать в «жизненном мире», как его толкуют философы, ориентирующиеся на Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Медийная научно-популярная информация – это духовная субстанция меняющегося на глазах каждодневного рационально-познавательного бытия массового человека; это сила, отражающая и одновременно определяющая и формирующая массовое сознание, вкусы, взгляды, страсти публики.

Нужен, думается, более широкий, коммуникативно-культурологический взгляд на тему науки и ее изучения в НПП, в литературных текстах, рассчитанных на массового потребителя. Это поможет сохранить традиции и принципы доступности медиапродукта, а также (косвенно) требования гуманизма, сформированные еще в культуре Просвещения. Такие тексты стали не просто зеркалом, отражающим достижения человеческого гения, но популяризатором и помощником в деле коллективного поиска истины, а порой и первооткрывателем важных идей в области социальных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Больц Н. Азбука медиа / Н. Больц. – М. : Изд-во «Европа», 2011. – 136 с.
2. Бодрийар Ж. Америка / Ж. Бодрийар. – СПб. : Амфора, 2000. – 237 с.
3. Бодрийар Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийар // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1999. – 118 с.
4. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства массовой информации: Англо-русский словарь концепций

и терминов / Л. М. Землянова. – М. : МГУ, 2004. – 326 с.

5. Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07. (режим доступа – свободный).

6. Лем С. «Summa technologiae» / С. Лем. – М., 1996. – 423 с.

7. Лем С. Молох / С. Лем. – М. : АСТ, 2005. – 781 с.

8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богат-

ство и сила на пороге XXI в. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2003. – 669 с.

9. Хорольский В. Социокультурные аспекты глобализации масс-медиа Запада / В. В. Хорольский. – Воронеж, 2009. – 248 с.

10. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко; Пер. с итал. Е. Костюкович. – М. : Эксмо, 2007. — 592 с.

Воронежский государственный университет

Хорольский В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: khorolbox@mail.ru

Voronezh State University

Khorolskiy V. V., Doctor of Philology, Professor of Journalism History and Literature Department

E-mail: khorolbox@mail.ru

МИФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»

Ю. П. Хорошевская

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика отражения основных характеристик мифического пространства в романе Нила Геймана «Американские боги». Особое внимание уделено дихотомии священного и мирского пространства и основным бинарным оппозициям.

Ключевые слова: мифическое пространство, дихотомия, хронотоп, сакральное, профанное, бинарные оппозиции.

Abstract: *the article deals with the peculiarities of the reflection of the mythical space main characteristics in Neil Gaiman's American Gods. We focus on the dichotomy of the sacred and the profane space and the basic binary oppositions.*

Keywords: *mythical space, dichotomy, chronotop, sacred, profane, binary oppositions.*

В структурном пространстве мифа физический закон заменён неким ценностным акцентом, выражающимся в дихотомии сакрального и профанного. Верх и низ, части света в этом смысле не различаются в мифе на манер эмпирического восприятия, наоборот, им присуще специфическое бытие и специфическая значимость.

У всякого мифа есть совершенно *определённое, конкретное, качественное пространство*, известное каждому, кто посвящён в знание этого мифа. Это пространство, наделённое сверхъестественной силой и значимостью, не было единым и однородным. Каждый слой мифического пространства обладает собственными характеристиками, благодаря чему герои мифов перемещаются с различной скоростью. Сакральное качество может проявляться и в профанном мире, поскольку оно обладает способностью преобразовывать любой объект. Сакральное пространство таит угрозу для тех, кто соприкасается с ним, не будучи должным образом подготовленным. «Мифологическому миру присуще специфическое мифологическое понимание пространства: оно представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена. В промежутках между ними пространство как бы прерывается, следовательно, не имея такого, с нашей точки зрения, основополагающего признака, как непрерывность. Частным следствием этого является «лоскутный» характер мифологического пространства» [1, 63].

Для мифологического сознания характерно противопоставление между территорией обитания и неизвестным, неопределённым пространством,

которое ее окружает, то есть бинарная *оппозиция своего и чужого*, также особое внимание уделено дихотомии *хорошего и дурного* пространства (болото, лес, ущелье, развилка, перекресток).

В архаической модели мира, отмечает В. Н. Топоров [2], пространство живое, одухотворённое и качественно разнородное. Оно всегда заполнено, поскольку отсутствием пространства является хаос до начала творения. Архаическое понимание пространства двоякое. С одной стороны, оно динамическое, линейное, представляет собой *путь* в горизонтальной (или вертикальной) плоскости. С другой, статичное, радиальное, расширяющееся от центра к периферии, возникающее не только и не столько через отделение его от хаоса, сколько через развёртывание, распространение, расширение вовне из *центра*. Линейная и динамическая форма пространства как пути отразилась и в древнейшей мифологии, например в героических мифах. Движение по пространству в архаическом сознании подтверждает действительность самого пространства. Путь при этом является еще и тем, что связывает самую отдаленную периферию и все объекты, заполняющие пространство, с высшей сакральной ценностью центра. Путь в горизонтальном пространстве стал той осью, на которой создавались различные эпические формы. Архаичные представления о пространстве, роли пути в освоении мира и становлении героя (герой как субъект странствия) надолго пережили мифопоэтическую эпоху.

Фантастическую литературу роднит с мифом наличие «*всего во всём*». Это означает, по словам Е. Тмарченко, что мир фантастики – «мир без дистанций», не знающий пространственно-временных барьеров и запретов реальности. Фантастика и ее

художественный мир, говорит Е. Тмарченко, «являются границей грани в культуре конкретного времени». [3, 133] Пространственно-временная форма в фантастической литературе призрачна, поскольку мир, который она создает, *внепространственный*, и всё в нём перетекает друг в друга. Фантастика способна воспринимать те формы пространственно-временного образа мира, которые характерны для описываемой ею эпохи. Так, если, например, в литературе преобладают реалистические тенденции изображения мира, то и фантастика приобретает внешние пространственно-временные реалистические черты. А поскольку жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, то пространственно-временные особенности, связанные с пограничным состоянием, и являются тем, что воспринимается сознанием как фантастическое. В фантастической литературе встречаются несовместимые времена и точки пространства. Герои одновременно принадлежат двум взаимоисключающим мирам, обитая на границе между ними, на перекрестке всевозможных путей. Здесь допустимы любые нарушения пространства, прозрачные, взаимопроницающие пласты бытия, вплоть до возникновения пространственных персонификаций.

В романе **Нила Геймана «Американские боги»** пространство простирается как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Горизонтальное связано с путешествием главного героя – Тени – в реальном физическом пространстве Америки и встречах с различными людьми, которые и не люди вовсе, а только притворяются ими. Вертикальное отражает перемещение героя в область сакрального относительно мировой оси: в верхний мир нуминозных существ и в нижний мир царства смерти. В сакральное пространство верхнего мира Тень погружается чаще всего во сне, или наяву следуя туда за Одином. В загробный мир он попадает во время девятидневного бдения на стволе мирового дерева.

Столкновение мифического и мирского происходит в романе не в вымышленном фантастическом мире, а в максимально приближенном к объективной реальности, с узнаваемым набором деталей, маркирующих действительность. «Американские боги» – это история, в которой элементы извне вторгаются в нашу обыденную реальность, то есть нечто, необъяснимое терминами рациональной логики, присутствует в нашем эмпирическом пространстве.

Священное пространство предстает через призму восприятия его главным героем – Тенью. Впервые он погружается в него во сне в самолете, когда летит на похороны жены. Во сне Тень видит персонификацию Земли в образе человека с головой быка, который предупреждает его о надвигающейся буре. Проснувшись, герой обнаруживает сидящего рядом незнакомца – Одина. Уже тогда, в момент их первой

встречи, фигура бога кажется Тени нереальной: салон самолета он видит ясно и четко, а одноглазый старик как будто «рябит»: «For a moment it seemed to Shadow as if the man was insubstantial; as if the plane had suddenly become more real, while his neighbor had become less so». [4, 23] После этого события ощущение нереальности времени и пространства, более того, одновременного существования двух разных пластов бытия, не отпускает героя. Дальнейшие встречи Тени с мифологическими персонажами отмечают всё более заметные искажения времени и пространства. События прошлого происходят одновременно с основным действием романа, предметы сочетают в себе традиционный внешний облик и мифологическое представление о нём. Пространство романа имеет подчёркнуто парадоксальный, «лоскутный» характер.

Сакральное пространство может «накладываться» на профанное, искажая его размеры, добавляя или убирая предметы. Так, например, комната в доме Чернобога при встрече Тени с Зорей Полуночной расширяется, за окном появляется несуществующая лестница и крыша со скамейкой. Впоследствии Тень начинает ощущать «нереальность» реального пространства: облака застывают, а луна начинает заметно двигаться, полет птицы выглядит как серия стоп-кадров. Сакральное пространство имеет тенденцию проявляться в профанном и исчезать затем. Гора с жилищем Виски Джека исчезает, едва Тень с Одином покидают его дом, ферма норн для постороннего наблюдателя представляет собой полу-сгнившую развалившуюся хибару. Профанное пространство изменяется, когда в нем присутствует нуминозная сущность, или прихотью такой сущности (карусель в Доме-на-Скале превращается в палаты Одина в Асгарде, городок Лейксайд становится «хорошим» местом по желанию Хинцельмана). Сакральное пространство позволяет увидеть одновременно все воплощения бога, все аспекты его сущности, заключенные в одном теле. «Shadow turned, slowly, streaming images of himself as he moved, frozen moments, each him captured in a fraction of a second, every tiny movement lasting for an infinite period. <...> He was looking at Mr. Nancy, an old black man with a pencil mustache, in his check sports jacket and his lemon-yellow gloves <...> and, at the same time, in the same place, he saw a jeweled spider as high as a horse <...> and simultaneously he was looking at an extraordinarily tall man with teak-colored skin and three sets of arms, <...> and last of all, and behind all these things, Shadow was looking at a tiny brown spider, hiding under a withered ocher leaf.

Shadow saw all these things, and he knew they were the same thing». [4, 131] Сакральные существа могут проявляться как в одной точке во всех своих воплощениях сразу, так и находиться во многих местах одновременно, не теряя при этом своей идентич-

ности. Пространство в романе не только населено мифическими существами, но также является этим существом (например, приходящая к Тени во снах персонификация Земли).

В общем плане для романа характерна оппозиция центра и периферии, а также хорошего и плохого пространства: Америка – хорошее место для людей, но плохое для богов; центр – плохое место абсолютно для всех; Лейксайд – хороший город. Мифологическое сознание воспринимает пространство неоднородно: в мире, наряду со священными, «сильными» местами, существуют неосвященные, неструктурированные, бессодержательные области. Когда же сакральное проявляется в профанном пространстве, оно не только разрывает однородность мирского, но и обнаруживает некую абсолютную точку отсчета – сакральный Центр. В сознании архаического человека центр – это начало творения, отражение мировой оси в профанном пространстве. В интерпретации Геймана, центр – это антисакральное место, и в то же время антимирское. Место, в котором одинаково тягостно находиться как людям, так и богам; место, где никогда не построят ни храма, ни жилища, «по-настоящему нейтральная территория». «“That”, said Czernobog, “is why we are meeting at the center. Is...” He frowned. “What is the word for it? The opposite of sacred?”

“Profane”, said Shadow, without thinking.

“No”, said Czernobog. “I mean, when a place is less sacred than any other place. Of negative sacredness. Places where they can build no temples. Places where people will not come, and will leave as soon as they can. Places where gods only walk if they are forced to”.

“I don’t know”, said Shadow. “I don’t think there is a word for it”». [4, 430] Центр в романе выступает как антиномия сакрального, мифологического понимания центра, как метафора отсутствия космологии пространства, как не-пространство до сотворения мира.

Идиллическое пространство городка Лейксайд выступает как оппозиция всему остальному, нестабильному и неблагополучному человеческому миру. Его утопическое бытие поддерживалось стараниями старого кобольда Хинцельмана, который хотел воплотить «хорошее» место, как для людей, так и для сакральных существей. Правда, каждую зиму в городке исчезал ребенок, но этому всегда находилось объяснение, и размеренный ритм жизни Лейксайда не покидал своей колеи. Хинцельман, как он сам рассказывает Тени, до того, как стать кобольдом в Америке, был тотемным духом в германском племени, охранявшим поселение и требовавшим жертвоприношения детей. Тень осознает, что утопия озерного городка поддерживалась благодаря воздействию сакрального субъекта, и что с гибелью Хинцельмана, эта сила иссякнет. С другой стороны, Лейксайд был как бы «возвращён» в историческое

пространство, в поток движущегося эмпирического времени.

«Американские боги» – это история о движении в пространстве, как сакральном, так и обыденном, история о пересечении границ – и физических, и метафизических. Отступления от основного сюжета, называемые «Прибытие в Америку», повествуют как раз об этом в буквальном смысле: о том, как в разные времена люди прибывали в Америку и привозили с собой своих богов, воплощавшихся в этом новом пространстве. Роберт Толли [5] использует для этого термин «трангрессия», интерпретируя его как перешагивание, переправа на другой берег, пересечение границы, повлекшее какие-либо изменения. Эти отступления от основного сюжета, с одной стороны, выступают в роли пространственных разрывов на пути Тени, с другой – раскрывают способы, с помощью которых нуминозные сущности воплотились на американской земле. Ужасы трангрессии, отмечает Толли, способствовали восприятию Америки сакральными субъектами, как «плохого места для богов».

Движение в пространстве, как уже говорилось выше, Тень совершает как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Горизонтальное движение представляет собой физическое путешествие по территории реальной Америки с приключениями в духе путевого романа. Вертикальное – это еще и путь души Тени в царство смерти во время бдения по Одиному в течение девяти дней. Спустившись в царство смерти, Тень осознает свою причастность к миру, в котором живет, к его пространству и времени. Ощущает свою взаимосвязь с пространством во всем его сакрально-профанном единстве. Путешествие Тени, которое неизбежно приводит его к самоидентификации, неоднократно провоцирует его на пересечение границ, как физических, так и ментальных. Само имя героя – Тень – метафорично в пространстве его пути. Подобно тому, как буквальная тень занимает промежуточное положение между светом и отсутствием света, так и он находится между богами и людьми, между старыми богами и новыми, между жизнью и смертью, между сакральным и профанным пространством. Однако с возвращением из пространства смерти путешествие Тени не заканчивается, он продолжает свой путь, на этот раз за пределы физической границы Америки, в Исландию, где снова встречает, хотя и немного другое, воплощение Одина. Тень не собирается оставаться в Исландии, равно как и возвращаться в Америку, поскольку не пересек еще все ждущие его границы.

Таким образом, можем выделить основные характеристики мифологического восприятия пространства, нашедшие отражение в романе Нила Геймана: одухотворённость, персонифицированность пространства; скорее качественная, чем количественная его характеристика; прерывный, «ло-

скутный» характер; дихотомия динамичного, линейного пространства-пути и статичного радиального пространства поселений; оппозиция центра и периферии; противопоставление своего и чужого, обжитого и неизвестного, хорошего и плохого места. А на глобальном уровне просматривается и сохранение дихотомии сакрального и профанного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Миф – имя – культура Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х тт. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 58–75
2. Топоров В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы

*Южный федеральный университет
Хорошевская Ю. П., соискатель кафедры теории и истории мировой литературы
E-mail: armaiti@inbox.ru*

народов мира. Энциклопедия. – М., 1988. – Т. 2. – С. 340–342

3. Тамарченко Е. Д. Уроки фантастики / Е. Д. Тамарченко // В мире фантастики: Сб. литературно-критических статей и очерков о фантастике / сост. А. Кузнецов. – М. : Молодая гвардия, 1989. – С. 130–151.

4. Gaiman N. *American gods: a novel* / N. Gaiman. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2001. – 480 p.

5. Tally R. T. *Lost in Grand Central: Dystopia and Transgression in Neil Gaiman's American Gods* / R. T. Tally // Grubisic, Brett J., Baxter, Gisele M., and Lee, Tara, eds. *Blast, Corrupt, Dismantle, Erase: Contemporary North American Dystopian Literature*. Waterloo : Wilfrid Laurier University Press, 2014. – P. 357–372.

*Southern Federal University
Khoroshevskaya Y. P., Researcher of the Theory and History of World Literature Department
E-mail: armaiti@inbox.ru*

ДРАМА МОЛОДЕЖИ КАК ТРАГЕДИЯ РОССИИ: ОБРАЗ НИГИЛИСТА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ «ГРАЖДАНИН»

Ю. Б. Авдони́на, Г. И. Щербакова

Тольяттинский государственный университет

Поступила в редакцию 9 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье исследуется позиция консервативного журнала газеты «Гражданин» относительно радикализации взглядов студенческой молодежи, ее отказа придерживаться традиционной системы ценностей, ее стремления создавать свои организации, как правило, подпольные. Исследуются предположения редакции журнала о причинах популярности идей нигилизма и о губительном влиянии этого не только на молодежь, но и на будущее России. В статье последовательно анализируется проявление идейной позиции журнала во всех его публикациях: от новостных материалов до повестей и романов. Наибольшее внимание уделено публицистического и литературному творчеству князя В. П. Мещерского как основателя данного журнала.

Ключевые слова: радикальные настроения русской молодежи, идейный конфликт, конфликт поколений, отсутствие объединяющей идеи, эффект непонимания и несогласия, столкновение традиционных и либеральных ценностей.

Abstract: the article examines the position of the conservative magazine – newspaper «the Citizen» regarding the radicalization of attitudes of students, her refusal to adhere to traditional values, her desire to create their own organizations, usually underground. The article examines the assumptions of the magazine about the reasons for the popularity of the ideas of nihilism and on the harmful impact not only on youth but also on the future of Russia. The article has analyzed the manifestation of the ideological position of the journal in all its publications, from news stories to novellas and novels. The greatest attention is paid to the journalistic and literary work of Prince V. P. Meshchersky as the founder of this magazine.

Keywords: the Radical attitudes of Russian youth, the ideological conflict, the conflict of generations, the lack of a unifying idea, the effect of misunderstanding and disagreement, the clash of traditional and liberal values.

Революционное значение в 1860-е годы в русской истории общеизвестно: помимо проведения системных реформ, это время обозначило новую социальную роль молодого поколения, которое впервые вышло на лидирующие позиции и стало задавать тон умонастроениям общества, диктовать новые духовные ценности и социальные стандарты. Этот феномен был внезапным и поразительным не только для истэблшмента, но и для недавних лидеров мнений, что отразилось, например, в известном конфликте Герцена и «Современника». «Мальчишки, свистуны», как их называли в самом начале шестидесятых, намеренные изменить статус-кво русского социально-политического уклада, оказались не только среди бунтующих студентов, писателей, журналистов, художников и музыкантов, но и среди профессоров, адвокатов, чиновников, даже священников и государственных деятелей, даже сам царь Александр II был молод. Такой резкой смены поколенческих ролей в русском обществе не было давно, возможно, со времен Петра Великого. Всплеск

легального общественно-политического влияния молодого поколения был кратким – около пяти лет, его лидеры были либо арестованы (Чернышевский, Писарев и др.), либо демонизированы и обогланы, а их общественный авторитет оказался подорванным в тех широких кругах, которые были лишь временно охвачены радикальными настроениями в силу моды и исторического «ветра перемен». Верхний эшелон власти вернулся к привычным формам управления, приостановив диалог с народом и заменив его царскими указами. Наиболее продвинутые либеральные умы из правительственных чиновников приняли новые правила игры и выбрали тактику мелких шагов к прогрессу путем канцелярских интриг и подковерной борьбы.

Зато разночинские слои, уйдя в подполье, все более радикализировались, разрабатывали новые формы работы с народом и общественным мнением, молодежью, методы сопротивления власти и ее терроризирования, и их успех был тем более поразительным, что они не имели ни легально разрешенных изданий, ни одобренных законом форм общественной организации, вроде клубов, обществ,

кружков. К 1870-м годам, когда правительство закончило вводить намеченные реформы, а общество несколько привыкло жить в новых пореформенных условиях, оказалось, что контроль над молодым поколением практически утрачен: у них появились свои вожди, лозунги, идеология, правила жизни, система ценностей, они стали как бы государством в государстве. Они получили звание нигилистов, призванное их клеймить, но сыгравшее прямо противоположную роль [1] они стали героями романов и публицистики. Общество было просто шокировано их стойкостью, бесстрашием, агрессивностью, спаянностью, готовностью к жертве и к лишениям. У них сложился свой негласный кодекс чести, они покончили с подчиненной, обособленной ролью женщины в обществе и без всяких юридических постановлений предоставили ей равные права на любовь, создание и разрушение семьи, учебу, политическую деятельность и подпольную работу вплоть до участия в терактах, что обеспечило широкий приток девушек в подпольное движение.

Вопрос, что делать с молодым поколением, которое для себя уже решило, «что делать», стал насущным и для правительства, сумевшего на тот момент только наращивать репрессивную политику, и для общества и всех его ветвей, развернувшего широкую общественную дискуссию, и для писателей, журналистов, для ученых. Каждый из литераторов той поры отдал дань теме молодого поколения, она проявлялась в произведениях, героями которых были нигилисты. Этой теме посвящали произведения Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Писемский, Н. Лесков, В. Мещерский и многие другие авторы. Молодое поколение не хотело узнавать себя в нарисованных литературных образах, однако из-за цензуры не могло вести открытую дискуссию, в которой бы откровенно высказало свои политические и нравственные принципы, в обществе все сильнее росло непонимание между сторонниками разных подходов к выбору нового исторического пути России, который во многом определялся позицией молодого поколения.

Журнал-газета «Гражданин» был основан В. П. Мещерским как консервативный орган, целью которого должно было стать идейное противостояние радикальным взглядам, популярным в интеллигентной среде. Вопрос о ценностях молодого поколения, о разрыве между поколениями очень остро стоял в различных публикациях издания: новостных, публицистических и беллетристических. В новостных, как правило, сообщалось о студенческих волнениях, о драматических историях в гимназиях, о семейных драмах, в том числе с криминальным акцентом, о самоубийствах молодых людей, о судебных процессах над молодыми революционерами. Новостные материалы в «Гражданине» не содержат ни оценки, ни комментария, несмотря на явную идеологиче-

скую заостренность издания. Вторая группа публикаций по молодежной проблематике – публицистика, представленная широким жанровым спектром: здесь и авторские колонки, и проблемные статьи, и открытые письма, и обозрения с рецензиями. Третью группу материалов по данной проблеме представляет беллетристика как самого В. П. Мещерского, так и других авторов.

Вначале предметом нашего внимания станут публицистические произведения, опубликованные в «Гражданине» в 1870-е гг. их все можно разделить на несколько самостоятельных тематических групп:

- молодежь и политическое подполье;
- разрушающее влияние нигилизма;
- революционизирующее влияние высших учебных заведений;
- духовная дезориентация молодежи и рост числа самоубийств как следствие;
- мода на либерализм в условиях отсутствия национальной идеи;
- распад семей;
- неспособность старшего поколения на духовное лидерство.

Привлекательность революционных идей, их широкое распространение стали не только предметом общественного волнения и, как следствие, отображения в художественной литературе, но и заставили задуматься правительство, которое было вынуждено не просто применять, как раньше, карательные меры, но и думать о причинах и следствиях, искать способы предотвращения столь широкой популярности радикальных идей. После волнений 1861 г. в Петербургском университете, когда последовали жестокие кары против наиболее радикальных студентов, наступило некоторое затишье, поэтому не была разработана система мер ни для изучения настроений и требований молодежи, ни для разработки способов ее интеграции в референтные группы. На наш взгляд, причина такой индифферентности, помимо неумения власти считаться и работать с общественным мнением, заключалась в том, что правительство, выполняя волю царя, разрабатывало пакет реформ, нацеленных на либерализацию политико-экономического устройства России, и рассчитывало, что общее изменение условий смягчит социально-протестные настроения молодежи. Однако представления о достаточности реформ у революционной молодежи и правительства оказались различными.

В 1874 г. в ряде высших учебных заведений Петербурга опять произошли волнения, вследствие чего была создана правительственная комиссия, предложившая в 1875 г. чисто репрессивные меры по ужесточению контроля за поведением студенческой молодежи и ее наказания [2]. Мещерский как писатель и публицист внимательно следил за деятельностью комиссии и, не имея возможности кри-

тически оценивать ее деятельность в подцензурном издании, имевшем нелицеприятную цензурную историю, делал вполне сочувственные записи в дневнике. Он особенно подчеркивал, что несмотря ни на что «дальнейшие события показали, что элементы беспорядка и революции продолжали находить живые отголоски в наших высших учебных заведениях, в особенности в университетах» [3]. Далее автор приводит в дневнике подробную выдержку из правительственного циркуляра от 1875 г.: «... революционеры избрали орудием своей гнусной пропаганды то, что для каждого честного и просвещенного человека составляет предмет особой заботливости и охраны – юношество и школу. И понятно, коммунистические учения, клонящиеся к ниспровержению всего общественного строя и водворению взамен него анархии, до такой степени нелепы и дики, что они могут найти успех разве между детьми, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдными» [4]. Показательно для Мещерского как консерватора, что комментируя позднее свои записи от 1875 г., он сожалеет не о том, что правительство оказалось мало нацеленным на диалог с молодежью, а о том, что само было слишком либеральным, дабы успокоить молодежь.

Молодежь всегда нуждается в идеалах, ей присуще стремление к подвигу и справедливости, к полезным свершениям. Пореформенное русское общество, запутавшееся между феодализмом и капитализмом, монархией и конституцией, религией и материализмом, не могло предложить молодежи никаких идеалов, никакой красивой и позитивной идеи. Конечно, проблемы молодежи отличались в разных социальных слоях, но даже в привилегированных кругах они были весьма болезненными. Мещерский не только осуждал увлечение нигилизмом, но и признавал духовную жажду русской образованной молодежи к великому, исполненному гражданского значения делу.

Выразительной сценой в дворянском клубе Петербурга открывается его цикл публицистических заметок «Правда о Сербии» (1877) [5]. В ресторане Дюссо собрались светские хлыщи, среди которых оказался молодой, недавно произведенный в чин офицер, который, несмотря на все отговоры знакомых, твердо намерен ехать в Сербию сражаться «за идею», именно это слово становится в данном эпизоде ключевым. На фоне преждевременно духовно состарившихся сослуживцев, исполненных эгоизма и цинизма, молодой человек, готовый рисковать собой за чужую страну, за отвлеченную, но святую идею, становится образом-символом духовного голода лучшей части молодежи, голода, который не в силах угасить ни привычная комфортная, но бесцельная жизнь, ни устаревшие нравственные ценности, предлагаемые обществом, которое само в них изверилось. Стремление к высокому, к подвигу,

жертвенности лучшей части русской молодежи не в состоянии утолить ни правительство, ни общество, ни семья, которая часто вообще духовно далека от своих детей. Вот это духовное одиночество лучшей молодежи является, по мнению Мещерского, не просто виной или бедой русской жизни, но большой опасностью для будущего России, так как оно не только содействует нравственному отупению более слабых духом (пример такого человека, духовно разъединенного фальшью светской жизни представлен в описанной выше сцене для контраста), но и отталкивает от себя лучших, которые переходят в другой лагерь и становятся врагами обществу или самим себе.

Все более усиливавшийся разрыв в русском обществе был опасным как для будущего России, так и для настоящей молодежи. Утрата духовных ориентиров, отсутствие понимания, «что же делать и куда идти», ценностная девальвация вызвали в России 1870-х гг. эпидемию самоубийств, перед которой общество оказалось беспомощным. В № 11 «Гражданина» за 1874 г. (последнем номере под редакцией Ф. М. Достоевского) была опубликована статья «О самоубийцах», к этой теме и в дальнейшем будет приковано внимание великого писателя, например, в «Дневнике писателя» (за октябрь 1876 г.) есть глава под названием «Два самоубийства», где Ф. М. Достоевский описывает диалектику духовного состояния молодого человека, который не в силах обобщить и упростить противоречия жизни, поэтому «просто-запросто сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом» [6]. Диалектика погружения в самоубийство показана Достоевским и в романе «Бесы» на образе Кириллова.

В ранее упомянутом нами газетном тексте речь шла не столько о психологических аспектах молодежного суицида, охватившего, как эпидемия, молодежь, но об отношении общества к этому трагическому явлению. Статья обращена к читателям, в ней звучит мотив, ставший с этого момента постоянным для «Гражданина» и его редактора: равнодушие и безответственность общества губят молодежь, толкают ее в подпольные кружки, к лжевождям, к разрыву с русскими гуманитарными традициями, заставляют принимать губительную идеологию нигилизма. Устоявшаяся в гуманитарной науке традиция представлять «Гражданин» одиозно-консервативным изданием, обличавшим нигилистов, не замечает рефлексии Мещерского и самоосуждения журнала-газеты в целом, когда издание часто пишет о пассивности и равнодушии общества относительно своих детей, о неспособности русского общества к самоорганизации, дабы регулировать негативные процессы: «Самоубийство свидетельствует о нежелании жить, значит в обществе цена жизни все ниже и ниже. Какое будущее ждет это общество? Обеще-

ниваются и законы государственные, в том числе уголовные, и законы моральные. Несомненно, что равнодушие общества к самоубийству есть хуже, чем увеличение числа самоубийств на 30 %, ибо оно выражает бессилие всех нравственных и религиозных сил во всех слоях общества» [7]. Мещерский, будучи консерватором, вовсе не предлагал абсолютной стагнации, он был сторонником развития и просвещения общества при сохранении монархического строя, совершенствование которого должно бы осуществляться за счет активизации общественно-самоуправления.

Критические суждения о современном домашнем воспитании неоднократно поднимаются в «Гражданине», например, в статье «Этюды о домашнем воспитании» (1874, № 38), где звучит горький вывод: «У нас нет домашнего воспитания, под которым подразумевается нравственное и умственное развитие и совершенствование детей под руководством отца и матери, семьи или заменяющих ее людей. До начала школьного воспитания у нас над детьми царят иностранцы и иностранки, а сами родители устранились от своего долга». Нелицеприятная оценка нравственного состояния современного общества не превращает Мещерского в критика политического уклада страны, но вину он возлагает на тех, кто оторвался от народной русской почвы, стал «врагами церкви и царя».

Большие претензии обращены к дворянству, которое погрузилось в чисто эгоистические интересы и забыло долг своего сословия – охранять, защищать и направлять народ. Заигрывание части высшего дворянства с западными либеральными ценностями осуждается в «Гражданине» как устранение от своего сословного долга и предательство интересов народа, в том числе молодого поколения.

Темы, которые поднимал Мещерский-публицист в своих газетных статьях в «Гражданине», имели продолжение и развитие в его беллетристических произведениях на страницах журнала-газеты. В. П. Мещерский был не только издателем «Гражданин», но и, как многие русские литераторы, например, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой и др., соединял в себе талант публициста и беллетриста. Он был активно печатающимся журналистом и автором немалого количества литературных произведений.

Тема молодежи, будущего поколения волновала Мещерского не только как публициста, но и была одной из центральных в его беллетристических произведениях, героями которых часто становились молодые люди, делающие свои первые шаги в непростой взрослой жизни.

По мнению В. П. Мещерского, одним из самых опасных зол был нигилизм. В своих публицистических выступлениях автор неоднократно говорил о том, что ответственность за вовлечение молодежи

в нигилизм лежит прежде всего на окружающем обществе. Та же самая мысль высказывается и в первой части романа «Тайны современного Петербурга»: «Нигилистов надо не избегать, а любить, не осуждать, а жалеть; мрак, в котором они живут, есть отсутствие любви; они наши дети; недостатки их происходят от наших пороков, заблуждения – от нашего невежества» [8]. Уже в самом названии романа звучит слово, определяющее тех, о ком будет идти речь. Петербург «современный», т. е. Петербург сегодняшней, Петербург молодежный. Сам рассказчик, Степан Боб, в начале повествования говорит о цели своего приезда в столицу из провинции: «Я приехал в Петербург с тем, чтобы изучать современных людей, давно заподозрив, что они сумасшедшие, – это раз; а во-вторых, – с тем, чтобы везде, где можно, помогать тем несчастным, которые, каким-нибудь образом, являются жертвами этих сумасшедших» [9]. И действительно, в центре повествования – молодые люди совершенно разных сословий, достатка, семейного воспитания. У всех своя история. Однако объединяет их одно – разочарование в жизни, скука, и, как результат, – нигилизм. Читатель художественных произведений Мещерского знакомится с Алексеем Низовым, молодым человеком, бросившимся под поезд, чтобы покончить с собой, Владимиром Емельяновым, студентом, живущим с сестрой в подвале и презирающим всё на свете. Героем изучения для Степана Боба становится и графиня Реброва с дочерью. Графиня-мать увлекается нигилизмом как одним из модных течений своего времени, ей хочется не отставать от своего окружения, с энтузиазмом принявшим новое увлечение молодежи. Но не забывает графиня Реброва и о своих светских обязанностях, что вызывает критику её дочери: «Одним словом, вы хотите быть и графиней, и передовой женщиной в одно и то же время, а этого нельзя, – это несовместимо» [10]. Сама графиня-дочь «заболела» нигилизмом не на шутку – при знакомстве с ней Степан Боб отметил все признаки так называемой «передовой» женщины – немытые руки, грязные ногти, неряшливый внешний вид, страстное увлечение анатомией и такое же желание просвещать народные массы. Однако рассказчик делает удивительное открытие после наблюдения за юной нигилисткой: оказалось, что вся ее неистовая приверженность нигилизму – не что иное, как обыкновенное желание молодой девушки понравится молодому человеку. Ее избранник был из числа «передовых» людей своего времени, поэтому графиня-младшей пришлось тоже примерить на себя нигилистический наряд. «Двигателем всей этой метаморфозы была любовь, любовь, правда, смешная, безрассудная, но все же любовь, т. е. естественное чувство женского сердца, а с другой стороны, решимость прельстить свой идеал не столько напускными и дутыми прелестями передовой нигилистки, сколь-

ко чарами женщины, девушки, притом не какой-нибудь, а девушки с высоким духом, с образованием, словом – девушки, с позволения сказать, аристократической» [11].

Для чего автор рисует перед нами такие красочные образы людей, исповедующих нигилизм? Ведь порой дело доходит до гротеска – молодая девушка из приличной семьи, с прекрасным образованием и манерами перестает соблюдать самые простые нормы гигиены только для того, чтобы хоть как-то приблизиться к «передовым» людям и тем самым понравится молодому человеку. А студент Емельянов буквально заставляет себя ненавидеть все вокруг, насмехаться над чужими идеалами, порядками и традициями, хотя в душе он готов отдать многое, чтобы стать частью всего этого. В. П. Мещерский показывает, насколько нелепы нигилистические убеждения, и доказывает, что все поступки молодых нигилистов вызваны самым обыкновенным юношеским бунтом, протестом против окружающего общества с его правилами. Только очень часто молодые люди заигрываются в этот бунт, и случается трагедия. Вот почему Владимир Петрович Мещерский считал нигилизм серьезной болезнью молодежи, называл таких людей «несчастливыми» и «сумасшедшими». В «Тайнах современного Петербурга» есть строки, принадлежащие рассказчику: «Фомы неверные возвращаются домой, не подозревая, что насвистывали арии, посреди сумасшедших, посреди безумных, посреди несчастных и жалких, посреди бури, горя, бредней, слез, сумбура, отчаянной борьбы с ветряными мельницами, миражей беспредельной фантазии и мира нескончаемо разнообразных болезней...» [12], которые созвучны с мыслями и чувствами самого автора, о чем свидетельствует его публицистика.

Если в упомянутом романе речь идет о нескольких героях-нигилистах, то повесть 1878 года «Петя Скуратов» рассказывает об одном-единственном персонаже, имя которого и вынесено в название. В самом начале произведения видим авторскую пометку: «современная летопись». Два этих слова указывают на злободневность и актуальность поднятой проблемы. Автор в своем повествовании идет будто по следам не только своих героев, но и участников вполне настоящей жизни, тем самым он хочет подчеркнуть правдивость своего повествования.

На первый взгляд, сюжет повести прост – молодой дворянин, представитель так называемой «золотой молодежи», заядлый кутила и картежник, вдруг разочаровывается в той жизни, которою ведет. Характеристика героя говорит сама за себя: «Это был приятель и друг всякого, кто протягивал ему бокал шампанского, и говорил ему: выпьем, брат, но говорил не с фатовством, а с добрым сердцем. Сегодня он кутил с гусарами, завтра с конногвардейцами, послезавтра с кавалергардами» [13]. Однако это

предыстория, а перед читателями предстает совсем другой Петр Скуратов: «...его очерк лица, его волосы; но при внимательном разглядывании я опять усомнился: мертвец как-то» [14]. Впоследствии оказывается, что герой серьезно болен. И при таком контрасте в описании человека «до» и «после» становится понятно, что делает с молодыми людьми стандарты поведения, принятые в высшем свете – из молодых, полных сил и надежд людей они превращают их в циников, развратников и, в конечном итоге, во всем разуверившихся нигилистов. Одним словом, таких же «мертвецов», каким стал Петя Скуратов.

На его примере В. П. Мещерский демонстрирует те процессы, которые очень часто происходят с молодыми людьми из большого света. С детства их балуют, ни в чем им не отказывают, в деньгах нужды они не знают – вот и прожигают жизнь как хотят. И только у единиц хватает здравого смысла вовремя опомниться и что-то изменить в себе, в своем образе жизни.

Примечательно, что прозрение к герою произведения приходит лишь с болезнью. Моментально все друзья, что были рядом, разлетаются кто куда, будто их и не было – действительно, разве из больного человека может выйти хороший и веселый товарищ по пьяным загулам? Словами Пети автор рассуждает про подобные случаи: «...он сравнивал себя относительно друзей с бутылкой шампанского: пока пьется – мила, а когда выпита – под стол и забыта» [15]. Устами Петра Скуратова автор пытается образумить всех тех, кто еще находится во власти разврата, порока и бесконечного кутежа: «...когда я вспоминаю про Петербург, про мою квартиру, про мои завтраки, обеды, ужины, в которых заключалась моя жизнь. Боже мой, что за мерзость!...» [16]. «Мерзость» – главная характеристика, какой награждает через уста своего героя В. П. Мещерский образ жизни современной «золотой» молодежи столицы. Именно эта «мерзость» и толкает думающих молодых людей в ряды закоренелых нигилистов.

Будучи сам деятельным человеком, стремящимся своей журналистской, литературной, политической деятельностью принести пользу, В. П. Мещерский изо всех сил стремится донести до молодых людей мысль, что именно они, молодое поколение, должны приносить пользу своей стране и народу, а не быть пассивными наблюдателями или нигилистами, которые все вокруг разрушают. И тут же молодежи предлагается один из вариантов такой помощи – обратить внимание на крестьянство. «Ведь вот, каждая эта избенка... Смотри, смотри, сколько тут живых душ, все это бедно, все это в нас нуждается, нет человека, которому я бы не мог быть полезным; куда ни помотришь, везде есть, что любить» [17].

С одной стороны, история Петра Скуратова довольно типична – многие молодые люди оказыва-

лись жертвами подобного образа жизни, с другой стороны, она в какой-то степени уникальна, потому что не у каждого хватит силы воли и смелости признать, что ты бесхарактерный человек и просто-напросто, как сказал об этом сам герой произведения, «прокурил свою жизнь» [18].

В своих беллетристических произведениях Мещерский анализирует причины повального увлечения нигилизмом молодежи. Проведем их классификацию. Петя Скуратов, например, винит в этом свою бесхарактерность. Но конечно не каждый, кто рожден в светском обществе, автоматически наделяется такой бесхребетностью.

Другая причина имеет социальный, а не психологический характер. На это указывают слова доктора, лечащего Петю: «Небось вашим матерям нет до того дела, как бы детей своих от таких условий жизни спасать, которые ненормальным образом ведут к разрушению» [19], то есть автор винит в разрушении молодых людей само общество, а в первую очередь – самых близких людей – великосветских родителей. Отметим, что эта мысль высказывалась В. П. Мещерским, как можно было ранее увидеть, в его публицистических выступлениях, и в предисловии к роману «Тайны современного Петербурга».

Образ Пети Скуратова задумывался автором как типичный и собранный из наблюдений Мещерского над разными молодыми людьми большого света, на что указывает следующее авторское замечание: «Как он это сказал, мне сейчас показалось или, вернее, припомнилось, сколько таких Петей у нас гибнет вследствие того, что до их жизни, именно как до собаки на улице, ровно никому нет дела» [20].

Таким образом, молодые люди увлекаются «ничточтоневерием», пьянством, развратом, саморазрушением, нигилизмом только потому, что не только всему обществу, но и собственным родителям они безразличны. Становится понятен призыв В. П. Мещерского: обратить внимание на бедствие крестьян – ведь молодежи необходимо чем-то занять себя, почувствовать пользу от своего существования.

Спасение людей, подобных Петру Скуратову, автор видит не только в своевременном отказе от губительного образа жизни, но и в присутствии рядом человека с сильной волей, более чистого, такого, какой был бы и нравственно много выше. В данном случае герою повезло – рядом с ним вовремя оказалась Вера, девушка с чистой душой, преданная, искренне любящая Петю, но, что самое главное, нравственно сильнее его самого. Этой своей силой она и подала ему пример, помогла вырваться из пут светского общества [21].

Петя Скуратов благополучно излечивается на свежем деревенском воздухе, выздоравливает и женится на Vere, своем ангеле-хранителе. Тем самым автор показывает, что шанс на спасение от губитель-

ного воздействия нигилизма есть у каждого, главное – вовремя одуматься и принять меры. Петя Скуратов больше не вернулся с большой свет, он с женой так и остались в своем деревенском имении, открыли школу и находили истинную радость в том, что учили деревенских ребятишек. Таков рецепт выздоровления дается автором для всех заболевших нигилизмом – найти в жизни не только то, что доставляет тебе настоящее наслаждение и радость, но и то, что будет приносить пользу людям вокруг, нужно просто найти свое место в том мире.

Но заболеть нигилизмом, запутаться в жизни могли не только представители «золотой» молодежи. Героем небольшого «Рассказа застрелившегося гимназиста» В. П. Мещерский делает 17-летнего юношу. С самых первых строк мы понимаем, что перед нами человек совсем иного класса, другой жизни, нежели Петя Скуратов. «Я незаконнорожденный сын. Знал я только одну свою мать; об отце никогда и не слыхивал. У меня также сестра, тремя годами старше меня» [22]. С ранних лет на Сережу (так зовут героя) несчастья обрушиваются одно за другим. Сначала от тифа умирает его мать, из-за нужды любимая сестра уезжает жить в семью брата матери, а еще через какое-то время старичок-доктор из гимназии, который по своей доброте приютил юношу, погибает от апоплексического удара. Столько бед, обрушившихся одним разом, не могли не подействовать на Сережу, вера его в Бога, в справедливость, в разумность всего происходящего вокруг пошатнулась. «... я в первый раз обратился к Богу с отчаянным вопросом: «за что это?». О, тяжело задавать Богу такие вопросы: они ужасны потому, что на них нет ответа; задаешь их во второй раз, в третий раз, и всякий раз сердце как будто становится жестче, и с какою-то злобною завистью начинаешь смотреть на людей, которые возле нас живут в полном счастье, и это счастье еще более раздражает сердце, ибо кажется несправедливостью» [23]. И здесь уже автор не просто говорит о нигилизме как о разочаровании в жизни (подобно случаю с Петей Скуратовым), в данном случае В. П. Мещерский поднимает непростую, но очень важную тему последствий этой болезни – рост числа самоубийства среди молодежи. Если такие случаи были распространены в среде «золотой» молодежи, то этот роковой выбор еще чаще соблазняет молодых людей из числа тех, кто с молодости ежедневно сталкивается с нуждой и горем.

На примере гимназиста Сережи автор показывает, как нигилизм постепенно разрушает веру в человеке, ломает его, а затем приводит к самоубийству. Не зря из уст героя звучат подобные признания: «я стал молиться, но на душе было нехорошо; я чувствовал, что в первый раз в жизни молился с каким-то жестоким сомнением на сердце» [24]. Недаром

учитель в гимназии, которому суждено видеть множество историй непосильной борьбы неокрепшей души с жестокостью жизни, неоднократно восклицает: «Горько! Трудно! Бедные молодые люди!» [25], подразумевая молодежь, головы и сердца которой забиты этим нигилистическим лжеучением. А сколько таких несчастных молодых людей погубило себя! И во имя чего? – они и сами не понимали.

У нашего героя, несмотря на многочисленные потери, оставалась сестра, горячо его любившая. Однако он почему-то решил, что своим существованием будет ей только в тягость, а посему решил, что застрелиться – единственный и правильный выход. Уже потом, после всего случившегося, Сережа признавался: «...никогда я не был таким безумным эгоистом, как тогда...» [26]. И здесь В. П. Мещерский подводит читателя к главной мысли всего произведения – нигилизм, склонность к самоубийству есть не что иное как эгоизм. Люди с сильным характером, с твердым душевным стержнем, люди, думающие не только о себе, но и о своих близких, никогда не станут искать такой опрометчивый и губительный выход. Сереже повезло – по воле автора он остался жив. Наверное, смысл его спасения в том, чтобы он рассказал другим свою поучительную историю и в конце концов признал, что «мое прошедшее является мне отвратительным преступлением против вселюбящего и всемилосердного Бога и против каждого человека!» [27].

Список художественных произведений Мещерского, где затрагивается тема молодежи, весьма обширен. Здесь можно вспомнить, например, романы «Лорд-Апостол в большом петербургском свете», «Хочу быть русской», «Записки сельского священника». И в каждом из них автор на примере самых разных героев, историй, ситуаций показывает, что современная ему молодежь стала заложницей нигилистических убеждений. Рецепт, который дает публицист против этой болезни, прост и труден: воспитать в себе сильный, волевой характер, верить в Бога, суметь посвятить себя по-настоящему стоящему делу и найти надежных, любимых людей в качестве духовной опоры – одним словом, все то, чего порой так не хватает молодым людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее об этом см.: Бик-Булатов А. Ш. Русская журналистика 1860-1870-х годов : нигилистический дискурс / А. Ш. Бик-Булатов. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. – 157 с.; Бик-Булатов А. Ш. История отечественной публицистики XIX-XX веков : дискурсы нигилизма / А. Ш. Бик-Булатов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 293 с.
2. Мещерский В. П. Мои воспоминания / В. П. Мещерский. – М. : Захаров, 2003. – С. 430–431.
3. Мещерский В. П. Мои воспоминания / В. П. Мещерский. – М. : Захаров, 2003. – С. 430.
4. Мещерский В. П. Мои воспоминания / В. П. Ме-

щерский. – М. : Захаров, 2003. – С. 431.

5. Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма кн. Мещерского / В. П. Мещерский. – СПб. : Тип. кн. Оболенского, 1877. – С. 13.

6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Статьи. Записные книжки : в 3 т. / Ф. М. Достоевский – М. : Захаров, 2005. – Т. 1. – С. 63.

7. <Б.п.> О самоубийцах // Гражданин. – 1874. – № 11.

8. Мещерский В. П. Тайны современного Петербурга. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/35280/read> (дата обращения: 9.10.2016).

9. Мещерский В. П. Тайны современного Петербурга. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/35280/read> (дата обращения: 9.10.2016).

10. Мещерский В. П. Тайны современного Петербурга. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/35280/read> (дата обращения: 10.10.2016).

11. Мещерский В. П. Тайны современного Петербурга. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/35280/read> (дата обращения: 9.10.2016).

12. Мещерский В. П. Тайны современного Петербурга. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/35280/read> (дата обращения: 10.10.2016).

13. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

14. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

15. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

16. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

17. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

18. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

19. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

20. Мещерский В. П. Петя Скуратов. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/10221/read#page1> (дата обращения: 13.10.2016).

21. В произведениях Мещерского женщина часто выступает как источник духовной силы. Подробнее об этом см.: Щербакова Г. И. Женский идеал в творчестве В. П. Мещерского / Г. И. Щербакова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 3. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/10501> (дата обращения: 02.04.2015).

22. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 4.

23. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 29.

24. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 33.

25. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 38.

*Тольяттинский государственный университет
Авдонина Ю. Б., аспирант*

*Щербакова Г. И., доктор филологических наук, профессор
E-mail: sherb505@tlttsu.ru*

26. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 80.

27. Мещерский В. П. Рассказ застрелившегося гимназиста / В. П. Мещерский. – СПб., 1873. – С. 82.

*Togliatti State University
Avdonina Y. B., Post-graduate Student*

*Shcherbakova G. I., Doctor of Philology, Professor
E-mail: sherb505@tlttsu.ru*

КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА ОСНОВНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ХОЛДИНГОВ США В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЩАНИЯ (1946-1956 ГГ. XX ВЕКА)

Д. В. Быков

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 27 октября 2016 г.

Аннотация: в статье представлены результаты исследования контента крупнейших телесетей Америки XX века – NBC, CBS, ABC и DuMont в первое десятилетие вещания, а также выявлены основные приемы конкурентной борьбы телевизионных холдингов.

Ключевые слова: телевизионные холдинги, США, NBC, CBS, ABC, DuMont.

Abstract: this paper presents the results of the study of the content of the largest television networks of America – NBC, CBS, ABC and DuMont in the first decade of the broadcasting and reveals the main methods of competitive fight of television holdings.

Keywords: television holdings, USA, NBC, CBS, ABC, DuMont.

До 80-х годов XX века в США на телевизионном рынке господствовали три медиагиганта – телеканалы NBC, CBS и ABC. Они конкурировали между собой по части привлечения рекламы, а уже потом боролись за зрителя. С появлением четвертого игрока – канала FOX (1986) позиции главных телесетей Америки несколько ослабли, а с запуском кабельных операторов, пионером которых стал новостной канал CNN (1980), трем главным холдингам пришлось вступить в жесткую конкурентную борьбу.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые проведен сравнительный анализ контента и детально рассмотрены программные сетки основных телехолдингов США с 1946 по 1956 годы. По мнению О. Н. Лукьяновой, именно этот период развития американского телевидения является временем превращения ТВ в главное СМИ, в отличие от двух предыдущих: экспериментального периода (30-е годы XX века) и времени начала регулярного вещания (начало 40-х гг.) [1, с. 12]. Материалом для исследования послужило эфирное наполнение прайм-таймовых блоков (с 19.00 до 23.00). Отметим, что на заре телевидения в США существовало четыре крупных телекорпорации. Помимо NBC, CBS и ABC, активно развивалась телесеть DuMont. Однако она была вынуждена выйти из бизнеса в 1955 году по причине неспособности строить взаимоотношения с аффилированными (независимыми) станциями.

Телевизионный сезон 1946-1947 гг. был дебютным в США. Программные сетки первых вещательных корпораций NBC и DuMont только формировались. Через год появился первый телевизионный формат – «телеспектакли». В программе «Kraft Television Theatre» (NBC), которая выходила на экраны более

десяти лет, зрители могли смотреть постановки пьес Уильяма Шекспира и других авторов. В общей сложности, как утверждает Бенжамин Гриффит, с 1947 по 1958 годы программа представила свыше 650 комедий и драм [2, с. 1870]. Среди других передач, которые представляли спектакли на телевидении в сезоне 1947-1948 гг. можно выделить «Television Playhouse» и «Musical Merry-Go-Round». Обе программы выходили на телеканале NBC. Постановки готовили в сотрудничестве с Национальным театром, и это был формат «live play» («живой спектакль»). Популярность у зрителей он получил спустя несколько лет, а на заре американского телевидения только набирал свои обороты [3, с. 1178]. В полной мере это утверждение относится и к первым попыткам производства музыкальных видеоклипов в программе «Musical Merry-Go-Round», что само по себе являлось новаторским шагом для того времени. Телевидение все еще находилось в зачаточном состоянии, но уже были проекты, которые пользовались зрительским спросом. Так, одной из популярных передач стал в середине сезона «The Original Amateur Hour» телекомпании DuMont. Вышел на экраны сети и первый в истории американского телевидения ситком под названием «Mary Kay and Johnny». На NBC с успехом выходили игровые шоу «Americana» и «Campus Hoopla», а новостная программа «Meet the Press», которая представляла собой интервью в студии, стала одной из самых долгоживущих на телевидении Соединенных Штатов Америки. Она дебютировала 6 ноября 1947 года и выходит в эфир до сих пор.

В сезоне 1948-1949 гг. на телевизионный рынок вышли две новые телекомпании CBS и ABC. Уже с этого времени можно смело говорить о начале конкуренции между сетями. В эфире телекомпаний шли в основном ситкомы («The Growing Paynes» –

DuMont), игровые шоу («Winner Take All» – CBS, «Ted Steele» – NBC), обучающие и музыкальные программы («You Are an Artist» – NBC, «Face the music» – CBS), детские передачи («Birthday Party» – DuMont). Новости появлялись в эфире, но в разное время. Корпорация DuMont запускала «Camera Headlines» в 19.30. Причем это был не просто выпуск новостей, а программа с использованием кадров кинохроники. NBC сообщала зрителям последние известия в 19.50 в передаче «The Camel News Caravan». Для корпорации это была первая новостная программа. В отличие от конкурента DuMont здесь не использовали хронику, а снимали новостные сюжеты. «CBS Television News» начинали свою работу, как и в корпорации DuMont – в 19.30. Но всех обогнала ABC. Свои новости под названием «News and Views» она запустила в 19 часов. Выпуски новостей на всех телеканалах длились не более пятнадцати минут. Относительное единодушие проявлялось лишь в показе спортивных программ. Как правило, им отводилось время после девяти часов вечера. Корпорация DuMont транслировала «Boxing from Jamaica Arena». ABC вещала «Wrestling from Washington, D.C.». Телекомпания CBS показывала боксерские поединки из Нью-Йорка под названием «Rabst Blue Ribbon Boxing». И только NBC в прайм-тайм предлагала зрителям смотреть спектакли «Kraft Television Theatre» и программу о кантри-музыке «Village Barn» [4]. Следует отметить, что начинались и заканчивались программы в половине либо в начале часа. Телекомпаниям поначалу не рисковали менять установившуюся структуру. Таким образом, все вместе они следовали принципу горизонтального программирования, основу которого составляла всеохватность. То есть телестанции, составляя сетку вещания, закрывали все жанрово-тематические ниши. Иными словами телеканалы удовлетворяли потребности потенциальной аудитории. Зритель сам решал, что смотреть из предложенного на четырех телеканалах. Однако, если рассматривать каждый телеканал по отдельности, то телепрограмма представляла собой вертикальное программирование. Как отмечает Марк Элиот, «сетка вещания каждой телестанции являлась результатом тщательного планирования, экспериментирования и детального разбора с целью соблюдения наивысших индивидуальных и общих ежедневных рейтингов» [5, с. 9-10]. Среди новшеств сезона следует отметить начало вещания телекомпанией ABC в течение всей недели. Она сделала это раньше конкурентов и, более того, запустила часть программ не в сентябре, а в начале августа. За ней последовали CBS и DuMont, правда, новые программы они начали показывать в конце августа. К таким передачам можно отнести игровое шоу «Quizzing the News» (ABC), телесериал «Kiernan's Corner» (ABC), телеконцерт «Places, Please» (CBS), телесериалы «Club Seven» и «Teenage Book Club» (ABC) и т. д.

Сезон 1949-1950 гг. отметился детальным программированием вечернего прайм-тайма на все семь дней недели. Новости еще не пользовались большой популярностью. Все внимание телевизионные менеджеры сосредоточили на развлекательных программах. Именно в 1950 году телекомпания NBC запустила сразу два шоу: «Four Star Revue» и «The Colgate Comedy Hour». Их отличительной особенностью стало участие знаменитых актеров, которые когда-то блистали в радиоэфире, а теперь могли дарить свое искусство и телезрителям. Среди участников этих программ были такие популярные американские комики и актеры, как Эд Уинн, Эдди Кантор, Дин Мартин и др. Не отставал от конкурента и телеканал CBS. В его сетке также появились два шоу – «Arthur Godfrey and His Friends» и «Toast of the Town». Первая программа длилась час и выходила в прямом эфире. Ее вел известный американский радио- и телеведущий Артур Годфри. Зачастую он отказывался от сценария и много импровизировал на площадке. Вторая программа, в которую приходили оперные певцы, танцоры, комедийные актеры и даже цирковые артисты, побила все рекорды популярности. Она не сходила с экранов телеканала CBS более 20 лет [6]. Надо сказать, что корпорация привлекала зрителей не только программами собственного производства, но и участием в них медийных личностей. Компании удалось заполучить в свои ряды американского певца и актера Фрэнка Синатру. На канале по субботам стартовало его собственное шоу – «The Frank Sinatra Show», которое имело огромный успех вплоть до 1952 года. Если говорить о телекомпаниях ABC и DuMont, то у них не было столь высоких рейтингов, как у коллег. К примеру, в DuMont запустили шоу «Court of Current Issues» в противовес комедийному шоу NBC «Texaco Star Theatre». Однако суд общественного мнения был не совсем понятен для телезрителей в то время, поэтому аудитория этой программы была незначительной [7, с. 63–72]. В следующий год с контентной наполняемостью у американских телеканалов особых проблем не было, однако и большого разнообразия передач тоже пока не существовало.

Телесезон 1951-1952 гг. стал для Америки своеобразной точкой отсчета. Как отмечает Н. А. Голядкин, именно в это время телевидение США стало общенациональным средством массовой информации и началась «эра телевидения» [8, с. 7]. В эти годы активно выдавались лицензии на новые телестанции в городах, а доходы от рекламы на ТВ впервые превысили доходы радио. Еще этот телесезон стал знаменателен тем, что телекомпаниям многих американских городов объединились в единое целое, и стало возможным выдавать в эфир общенациональные выпуски новостей. Пионером стала CBS. В ноябре 1951 г. вышла первая передача «от побережья до побережья» и американцы из разных штатов

одновременно смогли увидеть в эфире статую Свободы в Нью-Йорке и залив Сан-Франциско. Кроме того, в эти годы телекомпании продолжали экспериментировать. Так NBC решила передвинуть программу из ночного эфира в прайм-тайм. По воскресеньям в 19 часов на канале стало выходить комедийное шоу «Chesterfield Sound-off Time». И сделано это было для того, чтобы повторить успех подобного радишоу. DuMont отчаянно пыталась завоевать аудиторию и у нее это получилось. В 1952 г. на экраны вышла программа «Life is Worth Living» в (20.00), что и на конкурирующем телеканале NBC – «Texaco Star Theatre». Это была программа о религии, которую вел американский епископ Fulton John Sheen. Она стала настолько популярной, что ее посмотрели почти 10 миллионов американцев. Программа смогла найти спонсора и завоевала престижную награду Эмми. Кстати, единственный приз за все десять лет вещания корпорации DuMont [9, с. 56–157]. Телесезон 1951–1952 гг. также запомнился и успешным стартом на телеканале NBC «The Red Skelton Show». Программа удерживала популярность почти два десятилетия и стабильно занимала лидирующие позиции в телерейтингах. Ее начинал и заканчивал показывать телеканал NBC (1951–1953; 1970–1971). Все остальное время шоу транслировала компания CBS (1953–1970) [10]. Сначала передача выходила по воскресеньям, после смены канала ее стали транслировать по вторникам, затем передвинули на среду, потом вновь вернули в слот вторника, где она имела успех на протяжении 16 лет. Ведущий шоу Ричард (Ред) Скелтон был актером кино и телевидения, снимался в мюзиклах и комедиях. Свое шоу он всегда заканчивал словами: «Ай да я» (I Do'd It). В 1960 году актер приобрел студии Чарли Чаплина, чтобы в дальнейшем использовать их для съемок своего шоу и производства фильмов [11]. Однако программа запомнилась не только комедийными ситуациями, из которых состояло шоу. Были в ее истории и серьезные моменты. В 1969 г. Скелтон записал монолог (им он традиционно начинал свои передачи) о клятве верности флагу США (Pledge of Allegiance). В своей речи он уделил особое внимание каждой фразе [12, с. 190]. Телекомпания CBS получила около 200 тысяч запросов на копии, и в последующем эту запись выпустила синглом студия Columbia Records.

В 1952–1953 гг. телекомпании стали уделять особое внимание производству собственных телефильмов, поскольку то, что выходило на экраны, было крайне низкого качества и произведено в 1940-х годах. В результате появились так называемые фильмы категории В (grade B). Они представляли собой малобюджетную кинопродукцию, которая не отличалась особыми художественными достоинствами. Именно она позволяла экспериментировать независимым производителям фильмов и стала своеобразной пло-

щадкой, где начинающие актеры и режиссеры набирались опыта. В телесезоне 1953–1954 гг. началась конкуренция между телефильмами и программами, которые выходили в прямом эфире. На канале NBC запустили шоу «The Dave Garroway Show» и «Bonino» в 20 часов по пятницам и субботам соответственно. В это же время на CBS выходила комедийная драма «Мама», а на ABC ситком «The Adventures of Ozzie and Harriet». Программы, которые выходили в прямом эфире смогли продержаться лишь сезон, а некоторые как «Bonino» и того меньше. Выиграла в этой гонке CBS, которая в прайм-тайм по пятницам в 22.30 ставила программу «Person to Person» с Эдвардом Мэроу и по субботам в 21.30 программу «My Favorite Husband». У ABC в это время дела складывались не лучшим образом. Она постоянно находилась на последних местах в рейтингах, и ее ожидало банкротство. Ситуацию спасла компания «United Paramount Theatre». В феврале 1953 г. произошло ее слияние с ABC, что обеспечило последней денежное вливание в размере 30 миллионов долларов. С этого момента дела у компании пошли в гору. И был взят девиз «обогнать CBS и NBC сильной сеткой вещания» [13, с. 45–46]. Что же касается телекомпании DuMont, то ее сетка вещания в 1953 г. была далека от совершенства. В эфире шли второсортные сериалы, далеко не лучшего качества. В то время как телекомпании конкуренты увеличивали количество часов вещания, у DuMont они постепенно сокращались.

Сезон 1954–1955 годов стал выигрышным для телекомпании ABC. Она заключила договор с голливудским продюсером, им стал Уолт Дисней. В эфире телеканала по средам в 19.30 появилась программа «Disneyland», которая стала популярной и вошла в топ-10 программ сезона. Необходимо отметить, что ABC по условиям договора частично финансировала строительство знаменитого парка развлечений, который открылся в июле 1955 года. На каналах-конкурентах тоже появлялись программы, которые смогли удерживать зрительскую аудиторию. На NBC ей стала «Caesar's Hour». Она стартовала каждый понедельник в восемь вечера, и смогла продержаться в телеэфире до 1957 года. На CBS таким стало шоу «Arthur Godfrey's Talent Scouts». Телекомпания DuMont находилась на последних строчках телерейтинга и не смогла справиться с нарастающей конкуренцией, поэтому следующий сезон 1955–1956 гг. стал для нее последним. После того как это произошло в августе 1956 года, на протяжении последующих тридцати лет конкуренция в вечерний прайм-тайм была только у трех телесетей – NBC, CBS и ABC. До тех пор пока не появилась телесеть Fox в октябре 1986 года. Заполучить прайм-тайм компания смогла только в апреле 1987 года.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает, что главные телекорпорации Америки в первое десятилетие своего вещания стали осваи-

вать разнообразными приемами конкурентной борьбы. Во-первых, новости в телекорпорациях появлялись в разное время. Каждая компания стремилась их выдать раньше конкурентов. Однако применительно к сериалам, развлекательным шоу и другим программам этот принцип не действовал. Как правило, такие передачи выходили на каналах одновременно, что создавало дополнительную конкуренцию. Во-вторых, главные телесети Америки соревновались во введении новых форматов и качестве. Это касалось производства собственных телефильмов. Телепродукт низкого качества приводил к падению рейтингов и финансовым проблемам. В-третьих, в первое десятилетие своего вещания телекомпания активно использовали прямые эфиры, чтобы привлечь внимание зрителей. Правда, подобные передачи не всегда выдерживали конкуренцию с телесериалами и развлекательными программами. И, наконец, телекомпания расширяли границы своего вещания, стали выходить в эфир общенациональные выпуски новостей, а при составлении сеток вещания можно было экспериментировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова О. Н. Американское телевидение и его роль в формировании общественного сознания : 30-е-60-е годы XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Лукьянова Олеся Николаевна. – М., 2002. – 166 с.
2. Griffith, B. Kraft Television Theatre / B. Griffith // St. James Encyclopedia of Pop Culture. – Thomas Gale, 2002. – 3250 p.

*Московский государственный институт культуры
Быков Д. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики
E-mail: dvb2002@mail.ru*

3. Brooks, T. and Marsh, E. The Complete Directory to Prime Time Network and Cable TV Shows 1946-Present. (9 th ed.) / T. Brooks, E. Marsh. – New York: Ballantine, 2007. – 1832 p.

4. Vallance, T. Hope Lange / T. Vallance // The Independent. – London. – 2003. – 23 December.

5. Eliot, M. American television: The Official Art of the Artificial. Doubleday, 1981. – 301 p.

6. Douglas, G. Arthur Godfrey Shos (Various) [Electronic resource] // Museum of Broadcast Communication. – URL: <http://www.museum.tv/eotv/arthurgodfre.htm> (date of access: 20/10/2016)

7. Castleman, H. and Podrazik, W. Watching TV: Four Decades of American Television / H. Castleman, W. Podrazik. – New York: McGraw-Hill, 1982. – 314 p.

8. Голядкин Н. А. Краткий очерк становления и развития отечественного и зарубежного телевидения / Н. А. Голядкин. – М., 2001. – 124 с.

9. Weinstein, D. The Forgotten Network : DuMont and the Birth of American Television / D. Weinstein. – Philadelphia : Temple University Press, 2006. – 240 p.

10. Skelton to get 8:30 Tues. Slot // Billboard. – New York, 1953. – 13 September.

11. Chaplin Studios Sold to Skelton // The Victoria Advocate. – Victoria, 1960. – 20 April.

12. Hyatt, W. A Critical History of Television's The Red Skelton Show, 1951-1971 / W. Hyatt. – Jefferson, North Carolina: McFarland, 2004. – 215 p.

13. Castleman, H. and Podrazik, W. The TV Schedule Book: Four Decades of Network Programming from Sign-on to Sign-off / H. Castleman, W. Podrazik. – New York: McGraw-Hill, 1984. – 309 p.

*Moscow State Institute of Culture
Bykov D. V., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism Department
E-mail: dvb2002@mail.ru*

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИРУСНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В. В. Дабежа

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 октября 2016 г.

Аннотация: *представлены различные классификации вирусной визуальной информации, распространяемой в сети Интернет.*

Ключевые слова: *вирусная информация, визуальная информация, мемы, комиксы, вирусные видеоролики.*

Abstract: *the article presents the various classifications of viral visual information distributed in the Internet.*

Keywords: *viral information, visual information, memes, comics, viral video.*

Вирусная информация – контент, который пользователи активно распространяют в Интернете и который генерирует новый целевой трафик [7]. Большая часть вирусной информации в Интернете является визуальной (63 % контента социальных сетей состоит из картинок [10], а если добавить к этому видео, то эта цифра приблизится к 90 %). И это не случайно: визуальный контент, размещенный на интернет-странице, обращает на себя внимание реципиента в первую очередь. Кроме того, психологи утверждают, что визуальную информацию наш мозг воспринимает в 60 000 раз быстрее, чем текстовую, и что люди запоминают 80 % увиденного и лишь 20 % услышанного [11]. Таким образом, визуальная информация выполняет как минимум два условия, чтобы стать вирусной: она без труда привлекает внимание и легко запоминается.

Быстрое развитие интернет-технологий и всё возрастающая виральность информации требует обобщения и создания классификаций.

Основой визуальной информации является изображение, которое может быть статичным или динамичным. К **статичной** вирусной визуальной информации мы относим графические мемы, мотиваторы/демотиваторы, «аткрытки», инфографику, комиксы и др., к **динамичной** вирусной визуальной информации – различные видеоролики, «кубики» («коубы»), gif- и flash-анимацию, плэйкасты (музыкальные открытки).

Отдельно следует выделить сравнительно новое явление сетевой публицистики – **лонгрид** – мультимедийный материал, использующий современный дизайн, инфографику, видео- и аудиоряд, слайдшоу и текст в комплексе. Выделяют два типа лонгридов: традиционные (текст + статичные иллюстрации) и мультимедийные [8, с. 94]. Многие из них получают вирусную популярность.

Кроме того, выделяют технические форматы инфографики: статичная, масштабируемая, кликабельная, анимированная, интерактивная и видео-инфографика [6, с. 94–95]. Статичная тоже делится по характеру изображения на рисунки, фотографии, тексты и гибриды (изображение + текст).

Самой сложной является классификация по жанрам, поскольку некоторые из них со временем «отмирают», а на смену им приходят новые. В настоящий момент существуют такие жанры статичной вирусной информации, как комиксы, мотиваторы и демотиваторы, эдвайсы (советы, чаще комического содержания), сатирические открытки (они же «аткрытки») и др.

Комиксы представлены такими жанрами, как «ожидание/реальность», trollface («лицо тролля»), fffuuu-комиксы, oh god why («о Господи, зачем?»), Яо Мин (у главного героя комикса – смеющееся лицо китайского баскетболиста Яо Мина), true story («правдивая история»), facerpm (используется изображение человека, закрывающего лицо рукой в знак стыда, чаще всего используют кадры из сериала «Звездный путь» (Star Track), в котором капитан Жан-Люк Пикард многократно использует данный жест), комиксы – дополненная реальность (например, бразильский художник Лукас Левитан берет случайные фотографии из инстаграма и дополняет их своими рисунками, в итоге снимок приобретает совершенно новый смысл) и др. Многие авторы комиксов стали настолько известными в Интернете, что их имена и определяют жанр комикса, например, Tango-комиксы [1] (использован никнейм автора), «Настенькины комиксы» (автор – Настя Лемова из Сыктывкара) [9].

Вирусное видео по способу создания Валерий Богатов подразделяет на:

– подстроенные немонтажные (для съемки видеоролика создается ситуация, попав в которую, случайный человек (прохожий или клиент), скорее

всего, совершит определенные, заранее спрогнозированные и нужные продавцу действия);

– постановочные немонтажные (видео, где актеры отыгрывают под псевдоскрытую видеосъемку ситуацию, которая могла бы случиться в реальной жизни);

– псевдореальные монтажные (как подстроенные, так и постановочные вирусные видео, но созданные с использованием приемов монтажа).

Здесь следует заметить, что автор классификации под вирусным видео подразумевает «видео, снятое по заранее продуманному сценарию, претендующее на реалистичность, целенаправленно размещенное в Интернете и призванное мотивировать зрителя на определенное действие» [4, с. 11] и отсекает таким образом огромный пласт вирусной видеoinформации¹, к жанрам которой можно отнести: пародии, переозвучки (те же «коубы»), видеообзоры, видеоинструкции, видеоролики со скандальными или неожиданными сюжетами, разоблачениями, лайфхаки, забавное видео с животными и др. Однако позже, рекламируя свою книгу в Интернете, В. Богатов предлагает упрощенную формулировку: «Вирусное видео – это видео, которое распространяется в Интернет, преимущественно через социальные сети, самими интернет-пользователями, путем добровольного размещения ими данного видео на своих страницах» [5]. Более точным мы считаем определение С. Антипова: «**Вирусный ролик** – это не просто видео, которое набрало много просмотров на видеохостингах... Это виральный контент с максимальной вовлеченностью – обсуждения, комментирования, копии, пародии и активная реакция в СМИ. И ключевым моментом в создании такого контента становится ориентация видео под именно такую реакцию. В идею, сценарий и визуальный ряд уже закладываются определённые характеристики, которые и позволяют ролику стать вирусным» [2]. Одна из главных таких характеристик, на наш взгляд, – ассоциативность: грамотный видеоряд вызывает у зрителя множество ассоциаций, и чем их больше, тем больший отклик получает ролик.

По способу создания вирусные видеоролики можно разделить на мультипликационные, видеографические (с использованием компьютерной

¹ В этом есть свой резон, поскольку Йона Бергер, профессор Пенсильванского университета, предостерегает от распространенного в Интернете желания называть вирусной любую информацию, выложенную в Сети и собравшую многочисленную аудиторию. В своей книге «Заразительный» консультант компаний Google, Facebook, Microsoft обращает внимание на важное отличие популярного контента от вирусного [2, с. 91]. Вирусный контент, по мнению Бергера, имеет сигмовидную кривую распространения с ярко выраженным пиком, когда вирусное сообщение увидели и рассказали о нем друзьям максимальное количество людей. Нам еще предстоит выявить критерии, определяющую тонкую грань между популярным и вирусным контентом.

графики), слайд-шоу (меняющиеся с использованием спецэффектов картинки) и др.

В. Богатов предлагает классификацию, согласно которой с точки зрения проведения PR-кампании видеоролики разделяются на вирусные и поствирусные. Поствирусный видеоролик (вторичный) связан с вирусным (первичным) и является либо его продолжением, либо разоблачением. Второй (поствирусный) ролик запускают в Сети, когда угасает интерес к первому, и своим появлением он закрепляет вирусный эффект [4, с. 84–86].

Классификация вирусных видеороликов по содержанию [11]:

1. Ролики с неожиданной концовкой. Вместо логичного окончания наступает нетривиальная развязка.

2. Ролики со случившейся оказией. Чаще всего цель создания ролика и конечный результат не совпадают. Например, герой хочет продемонстрировать свои таланты, но во время съемки случается что-то непредвиденное: он падает или в кадр попадает другой герой, с которым что-то происходит.

3. Ролики, демонстрирующие огромную проделанную работу (цепная реакция падающих домино, города из песка и т. п.). В качестве примера можно привести клип группы Ok Go «Last Leaf», в котором в качестве кадров выступают ломти хлеба с выжженными рисунками на них. В процессе съемки клипа было использовано более двухсот просроченных буханок.

4. Ролики с детьми и животными. Именно они вызывают положительные эмоции у большинства зрителей и ими делятся чаще, чем остальными видео.

5. Флеш-мобы и розыгрыши. Этот тип вирусного ролика часто используется брендами для проведения рекламных кампаний. Например, в 2014 г. запущенный в Сети флэшмоб Ice Bucket Challenge использовался для благотворительных целей: информировал о боковом амиотрофическом склерозе и собирал пожертвования для людей, страдающих от этого недуга.

6. Видеоролики, построенные на оригинальном сценарном, режиссёрском или операторском приёме. В качестве примера можно привести любой рекламный (и одновременно мотивирующий) ролик фирмы Nike («Судьба», «Оправданий быть не может» и др.), после просмотра которых многим зрителям хочется не только купить себе новые кроссовки, но и заняться спортом, привести себя в форму. Хронометраж этих вдохновляющих видео – от 1 до 4 минут, и это нарушает каноны телевидения, в которых закреплена максимальная длительность рекламного ролика – 60 секунд. И снова процитируем С. Антипова: «Сегодня можно забыть про тайминг. Устоявшееся утверждение об оптимальном времени в 30–90 секунд для вирусных роликов – полный бред. **Все форматы и шаблоны можно спокойно игнорировать**» [2].

В этом случае именно оригинальный сценарий и сюжет позволяют удерживать внимание зрителя около 3–4 минут.

7. Скетчи, анекдоты, пародии (последние – самый популярный жанр из трех перечисленных). В 2013 г. появился рекламный ролик Volvo, главную роль в котором исполнил Жан-Клод ван Дамм, виртуозно исполняющий шпагат на двух разъезжающихся грузовиках. Это вирусное видео подверглось многочисленным пародиям («Ответ Чака Норриса Ван Дамму», «Ченнинг Татум и тележки для еды», «Ван Дамм из Одессы» и др.). Фан-творчество означает невероятный успех ролика, вершину вирусного искусства.

8. Видеоигры. Механика YouTube позволяет размещать внутри ролика ссылки на другие видео, превращая его в интерактивную игру, при которой пользователю предлагается два варианта действий. На YouTube появились видеоквесты, где судьбы героев зависят от выбора зрителей. Самая популярная игра, созданная таким образом, «Одень Машу к свиданию» (размещена на хостинге в феврале 2012 г.).

9. «Вирусные» ролики на грани флага (для рекламы, не проходящей ТВ-цензуру). Чтобы привлечь к ним внимание интернет-аудитории, очень часто в заголовках пишут «запрещенная реклама» (например, «Запрещенная немецкая реклама Burger King»).

10. «Верю-не верю». Основой сюжета в таких видео являются не только различные иллюзии, обманы зрения, но и уникальные умения, приобретенные в результате долгих тренировок. В качестве примера можно привести ролики «Что это за лестница такая?» и любой ролик (а их очень много) с названием «Как они это делают?». В российской медиасфере этот жанр появился в 1995 г. в передаче «Сам себе режиссер» (рубрика «А вам слабо?»). Если герой ролика делает что-то невероятное, видео может стать вирусным. А если героем является звезда (спортсмен или актер), то эффект усиливается в несколько раз.

Итак, в результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1) виральность визуальной информации определяется не количеством просмотров, а количеством реакций, откликов на нее (репостов, комментариев, пародий, упоминаний в СМИ);

2) главной характеристикой вирусного контента, нацеленной на получение максимального количества откликов, является его ассоциативность;

3) вирусная статичная визуальная информация широко представлена комиксами, при этом их авто-

ры не только находят новые способы исполнения, но и создают новые, «гибридные» жанры;

4) в ряду динамичной визуальной вирусной информации преобладают видеоролики, при этом их хронометраж значительно превышает телевизионный стандарт; высокая пародируемость ролика говорит об отличном вирусном мастерстве его создателей;

5) самой сложной нам представляется классификация вирусных видеороликов по содержанию, этот вопрос, без сомнения, требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. 25 комиксов с неожиданным поворотом. – URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-hudozhniki/25-komiksov-s-neozhidannym-povorotom-802460/>

2. Антипов С. Как создать успешный вирусный ролик? – URL: <http://www.likeni.ru/analytics/Kak-sozdat-uspeshnyy-virusnyy-rolik/>

3. Бергер Й. Заразительный. Психология сарафанного радио. Как продукты и идеи становятся популярными / Йона Бергер; пер. с англ. Е. Ивченко. – М.: АСТ; Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 227 с.

4. Богатов В. Вирусное видео: секреты и технологии / В. Богатов. – СПб.: Питер, 2016. – С. 11.

5. Вирусные видео: секреты и технологии. – URL: <http://www.art-msk.ru/virusnye-video-sekrety-i-tekhnologii>

6. Горбачев Д. А. Технические форматы инфографики в Интернете / Д. А. Горбачев // Коммуникация в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации», 13-14 мая 2016 г.: в 2 ч. – Воронеж, 2016. – Ч. 1. – С. 94–95.

7. Зинкевич А. 10 видов контента, которые увеличивают трафик и приводят клиентов / А. Зинкевич. – URL: <http://azinkevich.com/virusnyj-kontent/>

8. Золотухин А. А. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история – как новые вершины журнализма? / А. А. Золотухин, Ю. Н. Мажарина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2015. – № 2. – С. 93–96.

9. Настенькины комиксы. – URL: Режим доступа: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-hudozhniki/nastenkiny-komiksy-795460/>

10. Почему мы любим визуальный контент. – URL: <http://staurus.net/pochemu-my-lyubim-vizualnyj-kontent>

11. Сила визуальной коммуникации. – URL: <https://inside-pr.ru/zhurnal/korp-smi/naglyad-agitatsiya/item/3196-sila-vizualnoj-kommunikatsii>

12. Типы вирусного видео. – URL: https://www.optimism.ru/wiki/Типы_вирусного_видео

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЛОВА С ВОСПРИЯТИЕМ ЕГО АУДИТОРИЕЙ

Н. И. Иовва

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 4 октября 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается восприятие и интерпретация публицистического текста аудиторией. Внимание автора сосредоточено на процессе общения между автором и читателем. Автор говорит о специфике публицистического текста, о его воздействии и влиянии на аудиторию через слово.

Ключевые слова: публицистический текст, слово, восприятие, автор, аудитория.

Abstract: the article deals with the perception and interpretation of the text of publicistic audience. The author's attention is focused on the process of communication between the author and the reader. The author speaks about the specifics of publicistic text, its impact and the impact on the audience through word.

Keywords: publicistic text, word, perception, the author, the audience.

Публицистика, как известно, оперативно откликается на нужды общества, вбирает и отображает богатство смысловых тенденций, составляет открытую зону для исследований. Публицистику называют летописью современности, поскольку экспансия печатных средств массовой информации усилила интерес отечественных и зарубежных ученых к печатной коммуникации как могущественному средству влияния на аудиторию.

Современный публицистический текст в полной мере отражает не только перемены, происходящие в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни общества, но и, что особенно важно, изменения в языке. По определению Е. С. Щелкуновой, публицистический текст – «знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики» [1, с. 118].

По своей сути публицистика активно формирует общественное мнение и вмешивается в жизнь общества. Н. Д. Арутюнова отмечает, что публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем» [2, с. 137]. Читая современный публицистический текст, читатель не только становится очевидцем описываемых событий, но и видит текстовое отражение авторской личности, его самосознания, особой позиции и творческой индивидуальности.

Для любого читателя текст – «это определенная последовательность знаков, т. е. букв, составляющих слова и предложения. Эти внешние знаки ас-

социируются с их психическими образами – внутренними знаками, которые тесно связаны с соответствующими значениями» [3, с. 25]. Благодаря этому нам становятся понятны слова, составляющие текст, однако это не всегда означает, что будет понятна идея автора, содержание и смысл текста. Поскольку для правильного понимания текста нужно иметь запас соответствующих знаний, живых представлений и впечатлений, которые как бы проецируются читающим на текст, как на экран, т. е. чего нет в опыте читателя, того и нет для него в тексте. Н. А. Рубакин, опираясь на работы выдающихся учёных В. Гумбольдта и А. А. Потебни, писал в книге «Психология читателя и книги»: «Слово представляет собою крайне своеобразный сосуд, хотя и наполненный содержанием, но так им наполненный, что никто никоим образом не может получить его и выпить: его приходится самим творить, стараясь вникнуть в него, но творить из собственных элементов и по своему собственному образу и подобию» [3, с. 26].

Важным ресурсом и главным средством усиления восприятия публицистического текста аудиторией является слово. Л. Е. Кройчик в своих работах упоминает «великую формулу» – «В начале было Слово» подчеркивая, что именно слово выражает мысль автора и отражает события реального мира, и это слово, в зависимости от социокультурного контекста, можно интерпретировать по-разному.

Любой процесс общения (диалог) между автором и читателем сводится к «передаче» мысли с помощью слова, и эту мысль нельзя «пересаживать» из одной головы в другую, как нельзя просто «извлечь» содержание из публицистического произведения. Именно об этом писал Ф. И. Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Тем не

менее слово всегда требует по отношению к себе особого и бережного отношения.

Любая информация многозначна. В ней изначально заложено множество смыслов и интерпретация этих смыслов у каждого читателя своя. Читатель всегда из публицистического текста или из отдельного высказывания может извлечь гораздо больше информации, чем предполагал вложить в него автор. Как говорил М. М. Бахтин «любое публицистическое высказывание – носитель множества смыслов» [4, с. 126]. Глубина восприятия внутреннего смысла зависит от личности читателя и не только от уровня его образования, эрудированности, жизненных устоев, но и особой интуиции, интонации, чуткости к слову, умения эмоционально сопереживать, а также духовной тонкости.

Всегда за любым внешним событием в любом публицистическом произведении скрывается оригинальный внутренний смысл, заложенный изначально самим автором. Внутренний смысл возникает не только благодаря самим событиям или фактам, которые стоят за ними, но и объясняется мотивами, которые побудили автора обратиться к этим событиям. Эти мотивы для каждого читателя различны, поэтому они скорее «угадываются», чем «прочитываются» в тексте. Читатель имеет свой взгляд на вещи, и этот взгляд не всегда совпадает с авторской позицией или трактовкой, именно поэтому вероятность появления одного смысла как для автора, так и для читателя низка. И здесь нельзя не согласиться с известным выражением Ф. И. Тютчева «мысль изреченная есть ложь», поскольку попытка автора облечь любую мысль в слова неизбежно приводит к искажению того, о чем сказано. Поэтому, как бы автор внимательно не относился к слову, далеко не всегда высказанная им мысль будет понята аудиторией адекватно.

Высказанное слово всегда отчуждается и тем самым первоначально заложенный смысл автором в текст воспринимается и трактуется аудиторией по-своему, при этом рождается много иных точек зрения, схожих или отличительных с авторским значением. Значение в тексте слов, высказываний, авторских выражений и фрагментов являются средством выражения смысла, и для разного контекста он может быть разным. Осмыслить образные языковые средства текста и тем самым вскрыть их значение еще не значит понять смысл текста. Таким образом, в процессе декодирования значения формируется диалог между автором и читателем. Читатель оказывается главным звеном в триаде «автор-текст-читатель» и именно читатель на речемыслительном уровне трансформирует авторский текст в новый материал. Если попытаться отобразить данный процесс наглядно, то он обретет форму нижеприведенной схемы:

Автор – Текст – Аудитория – Текст II

Понимание и интерпретация текста неразрывно связаны друг с другом. Бахтин утверждал, что «само понимание уже диалогично» [4, с. 290], т. е. еще на начальном этапе восприятия текста, когда еще не сформировано ответное послание, между автором (адресантом) и аудиторией (адресатом) устанавливаются диалогические отношения.

Однако есть попытки разграничить эти уровни восприятия текста, в частности, Е. С. Кубрякова [5] в понимание включает осмысление текста по его компонентам; соотнесение языковых форм с их значениями; выведение общего смысла текста на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установление отношений между ними. Что касается интерпретации, то она обозначает переход в восприятии текста на более глубокий уровень понимания, связанный с процедурами логического вывода и получением выводных знаний, а также с соотнесением языковых знаний с неязыковыми.

В свою очередь Л. Е. Кройчик пишет о том, что «интерпретация текста – важнейшая смыслообразующая тактика, организующая интерес аудитории к авторскому высказыванию. Великий закон публицистики – аудитория идет к автору не только за фактом, но и за смыслом. Аудитории не столько нужна чужая точка зрения, сколько опорная база для определения своей позиции по отношению к происходящему» [6, с. 13]. Таким образом, можно сделать вывод, что результат восприятия текста зависит не только от объекта, но и от воспринимающего субъекта. С позиций психологии человеческого бытия – понимание нужно субъекту для того, чтобы понять мир и самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире.

Публицистические тексты воспринимает та часть аудитории, которая наиболее склонна к сочувствию, со-размышлению, со-переживанию, со-трудничеству. Разновидность присутствия автора в тексте, будь то рассказчик, наблюдатель, комментатор или посторонний (нейтральный) повествователь, а также обилие образных средств и многовариантное построение композиций текста – все это способствует правильному декодированию публицистических текстов. От выбора коммуникативной роли автора зависит уровень восприятия текста аудиторией. На основании вышеизложенного хочется отметить, что восприятие публицистического текста – не простое «пересаживание» его содержания в сознание читателя, не прямолинейное «извлечение» готовой информации, а творческий акт между автором и аудиторией, а также это особый и сложный процесс «воссоздания художественной действительности».

Публицистические тексты не просто дают возможность читателю видеть в тексте отражение творческой индивидуальности автора, его позиции

об актуальных и интересующих проблемах общества, а делает адресата очевидцем и участником событий, формирует в нем достойного собеседника. Такое влияние на адресата публицистического текста призвано не для того, чтобы оказать негативное влияние или разобщить аудиторию, а наоборот, чтобы заставить ее мыслить.

Специфика публицистического текста заключается в том, что он призван и влиять на аудиторию через слово. При восприятии публицистического текста читатель не пассивно ждет того, что ему скажет автор, а сам выдвигает гипотезу о том, что означает смысл высказывания. Отличительной чертой публицистического текста является возможность со-творчества автора с читателем, цель которого – поиск ответов необходимых для решения современных проблем общества.

*Приднестровский государственный университет им.
Т. Г. Шевченко
Иовва Н. И., преподаватель кафедры литературы
и журналистики
E-mail: iovva.nata@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации : учеб. пособ. / Е. С. Щелкунова. – Воронеж : Родная речь, 2004.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.
5. Кубрякова Е. С. Текст – проблемы понимания и интерпретации / Е. С. Кубрякова // Семантика целого текста. – М., 1987.
6. Кройчик Л. Е. Публицистический текст как нарратив / Л. Е. Кройчик // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2004. – Вып. 7–8.

*Pridnestrovian Shevchenko State University
Iovva N. I., Lecturer of the Literature and Journalism
Department
E-mail: iovva.nata@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ПОЛИТИКУ И СМИ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Кейта Кали

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 октября 2016 г.

Аннотация: в статье анализируются проблемы прямого вторжения мусульманских религиозных деятелей в политику республики Мали, которая является по Конституции светской республикой. СМИ часто становятся рупором такого вмешательства. Сделан вывод о вреде ангажированной журналистики.

Ключевые слова: республика Мали, демократия, ислам, гражданское общество, выборы, религиозные деятели.

Abstract: *The article deals with the problems of direct invasion of Islamic religious leaders in the politics of Mali, which is a secular state. Mass media take part in civil conflicts. The conclusions are drawn about harmful impact of committed journalism.*

Keywords: *The Republic of Mali democracy, Islam, civil society, elections, religious figures.*

Во время диктатуры малийцы стремились к установлению демократической системы. После революции 26 марта 1991 года Республика Мали наконец-то получила демократию. Впервые в истории Мали прозрачные и свободные выборы были организованы на всей территории страны. Но иллюзия преимущества демократической системы была недолгой, потому что демократия была украдена недобросовестными политиками, которые воспользовались пассивностью народа. В течение первых десяти лет демократической эпохи с 1992 года по 2002 год ситуация не улучшилась, стали появляться чиновники-миллиардеры, что показало всеобщность коррупции. Были очевидны факты обнищания и страдания населения. В 2001 году по данным опроса 81 % населения Мали мало интересовались политикой, т. к. люди считали, что политиков «интересуют только свои личные интересы» [5, с. 34].

Эта негативная тенденция продолжается и в наши дни. С ностальгией вспоминаются годы правления диктатора Мусса Траоре. В это время, конечно, не было свободы как сейчас, но не было и столько несправедливости, трудностей, коррупции и страданий. Одна из основных проблем демократии Мали – «отсутствие» или политизация противовесов власти, то есть, говоря словами комментатора Алексиса Роя, слаба «организация гражданского общества» [1, с. 179]. Гражданское общество – понятие, которое остается весьма неопределённым и амбивалентным, что делает его слабым термином без точного определения. Сам термин «гражданское общество» отсылает к различным значениям: это группа людей, которая управляет благами людей, что является основой государства (Аристотель,

Гоббс, Локк, Руссо); это концепция общества «после идеологии» в современных условиях (А. Грамши) или же мнения всего национального сообщества, хотя такое вряд ли возможно на практике. Среди всех видов использования этого термина существует сегодня базовый консенсус: гражданское общество – это экономическая жизнь, социальная и культурная жизни людей, поскольку она, как сформулировал публицист Г. Бергер, «проходит вне государства, не обращая внимания на смысл идеологии и суверенитета, политической жизни, стремясь удовлетворить потребности людей, проявлять дружелюбие, давать каждому развитие» [2, с. 37]. Эта концепция гражданского общества была распространена с 1980-х годов международными организациями и принята африканским политическим классом. Из-за коррупции африканских государств институты Бретон Вуда, оказывая помощь Мали, предпочли использовать организации гражданского общества, включая НПО (Неправительственные Организации) для финансирования проектов развития.

Сегодня сложилось прагматичное гражданское общество, которое имеет несколько отличий от общества прошлых лет: 1) отличие от политического общества (то есть политических партий, функцией которых является политическое просвещение общества посредством представительства и электорального выбора); 2) отличие от явной оппозиции (давно было установлено, что гражданское общество живет как противовес власти государства, но это далеко не оппозиция, это две отдельные сферы); 3) в отличие от общества в целом, гражданское общество это часть общества, которая организуется на общей основе – профессиональной, религиозной, возрастной, которая выражает требования к государству, запросы, которые в известном смысле яв-

ляются политическими). Гражданское общество действует таким образом, что «существует пространство между государственной властью и частной сферой там, где проявляется социальный корпус» [1, с. 180]. Таким образом, гражданское общество будет посредником между властью и всем обществом.

Две ассоциации, CNID (Национальный Комитет Демократической Инициативы) и Adema (Ассоциация за демократию в Республике Мали), – это первые формы гражданского общества, которые превратились в политические партии после свержения правительства и воспользовались накопленной в ходе борьбы против старой системы символической властью. Большинство лидеров (руководителей ассоциаций, профсоюзов, граждан), которые боролись против прежнего режима, входили в государственный аппарат. Клиентелизм присутствует на всех уровнях малийского общества и, как представляется, предотвращает полное утверждение реального гражданского общества. Эта пустота, оставленная организациями гражданского общества, поэтому религиозные представители пришли ее заполнить, предлагая альтернативу малийскому населению.

Ислам практикуется на протяжении многих веков в Республике Мали, но ни государство, ни институты не являются исламскими, не придается особого юридического значения малекитскому исламскому праву, которое исповедует большинство населения. Пример Мали представляет интерес с точки зрения сравнительной перспективы: светский характер государства является установленным фактом и не подлежит обсуждению. Исламские объединения подхватывают критические замечания населения и компенсируют недостатки светских учреждений в области здравоохранения и образования [3]. Согласно статистике, 95 % малийцев являются мусульманами, поэтому ислам занимает видное место в политической коммуникации, особенно с момента прихода к власти нынешнего президента Республики Мали Ибрагима Бубакара Кейта. Во время его избрания на пост главы государства в 2013 году укрепились многие исламские ассоциации. Например, «Sabati 2012» является самопровозглашенной организацией и финансируется шерифом Ниоро (влиятельный религиозный лидер в городе Ниоро), в 2011 г. включала в себя около ста ассоциаций-членов. Но «Sabati 2012» выступает в качестве платформы для политических требований Высшего Исламского Совета Мали (НСИМ), который не имеет права принимать официальную позицию в предвыборных кампаниях. НСИМ и религиозные лидеры внесли большой вклад в избрание Ибрагима Бубакара Кейта (ИБК) в президенты – это беспрецедентное событие в политической истории Мали. Отсутствие надежного гражданского общества и падение интереса к политическим партиям вызвало приход рели-

гиозных деятелей на политическую арену. Именно с этим приходит осознание того, что кандидат Ибрагим Бубакар Кейта разыграл религиозную карту и выиграл. ИБК показал себя как более религиозный из всех кандидатов, он показывался рядом со всеми влиятельными религиозными лидерами. Были даже даны инструкции по голосованию в мечетях в пользу Кейта. Светский характер Республики требует нейтральности всех вероисповеданий в политических делах.

Сегодня мусульманские религиозные лидеры в Мали имеют такой вес, что они стали реальной угрозой для политической власти. Зная о своем политическом весе, некоторые религиозные деятели стали вмешиваться в политическое руководство страны с помощью СМИ. В 2012 году НСИМ мобилизовался, чтобы потребовать прозрачных и демократических выборов, и ее генеральный секретарь был избран президентом Национальной независимой избирательной комиссии [6]. При Маулуде (День рождения Пророка Мохамеда) в 2015 году правительство приняло указ чрезвычайного положения: запретило все массовые мероприятия. Шериф Усман Мадани Айдара, который не был доволен этим решением, направил это сообщение ИБК во время пресс-конференции: «Не говорит ли везде ИБК, что он должен за свое избрание мусульманам? Как тогда он мог игнорировать тех, кто его избрал? Если власти не будут осторожными, мусульмане возьмут власть. Мы гарантируем, что никто не станет президентом Республики, если он не из наших имамов! Я клянусь Аллахом, что мы будем это делать, если власти не будут осторожными! Чтобы этого не случилось, давайте уважать друг друга» [4]. Этот гнев Хайдара объясняется тем, что он считает президента ближе к ваххабитам, которые не отмечают годовщину со Дня рождения или Крещения пророка Мухаммеда. Президент воспользовался плохой ситуацией безопасности и запретил их мероприятия, Хайдара и его последователи отказались соблюдать режим чрезвычайного положения и собрались на самом большом стадионе Республики Мали в Бамако для чтения Корана и проповеди. В ближайшие годы, если правительство Мали не будет осторожно, то существует высокий риск возникновения межрелигиозных столкновений между двумя крупнейшими мусульманскими организациями в стране: Группировка Мусульманских Духовных Лидеров Мали (GLSM), которая создана в конце 2011 года и в ее главе Шериф Усман Мадани Хайдара, и Высший Исламский Совет Мали (НСИМ) под председательством имама Махмуда Дико с 2008 года. В 2013 году Дико в интервью сказал: «95 % населения Мали мусульмане, я не имею ни малейшего желания заниматься политикой, но если народ требует от меня, я не могу отказаться играть свою роль». Высший Исламский Совет Мали (НСИМ) имеет министерский портфель

в правительстве того времени: Министерство религиозных дел и культа, которое до сих пор существует. И поэтому экстремистская угроза является реальностью в нашей стране, которая может потерять свой светский характер, даже свою конституцию, которая будет заменена законом Шариата.

Для борьбы с религиозным экстремизмом нет причин. Это соперничество и вражда, которые видны из передач по радио и на частных телевизионных каналах. Как и Хайдара, Дико имеет свой телевизионный канал и радиостанцию. И поэтому через свои средства массовой информации они осуществляют личные нападения. Разница между этими двумя малийскими мусульманскими лидерами состоит в том, что Махмуд Дико является ваххабитом. Ваххабизм возник в Саудовской Аравии, он развивался там с 1940-х годов и выступал за повторную арабизацию ислама посредством реформирования исламского образования. Салафизм – это фундаментализм, который выступает за возвращение к первоначальной подлинности ислама посредством буквального прочтения шариата [6]. А Шериф Усман Мадани Хайдара представляет малекитское течение ислама, который исповедует подавляющее большинство населения. Он выступает за строгое разделение политики и религии, за мягкий ислам. Именно эта разница во взглядах отражает в своих оценках события, которые происходят в стране. Дико очень богат, так как его финансирует Саудовская Аравия, и Дико очень близок к нынешнему правительству. Хайдара напротив является более популярным, он единственный религиозный лидер с более чем двумя миллионами последователей в Мали. Он также имеет много последователей во всех соседних странах Мали, в Европе, особенно во Франции и даже в Азии.

Министр по делам религии и культа, Тьерно Умар Хасс Диалло утверждает, что трудно отделить государство от религии. «Нельзя представить себе управление независимо от мнения религии, независимо от религиозных убеждений. Но это вовсе не означает, что именно религиозные лидеры должны диктовать государству, что надо делать» [8]. Что касается президента Высшего Совета Ислама Мали (НСИМ) имама Дико, он имеет то же мнение, что и министр Диалло. «Государство должно управлять делами города. И религия является частью города. Таким образом, религия не может не заниматься политикой». Он также добавляет, что религиозные деятели следят за решениями, которые правительство должно принимать, чтобы не было отклонений от интереса народа. Он охотно ссылается на законы, такие как «Кодекс личности и семьи», который регулирует брак, наследование, развод и т. д. «Как вы думаете, почему эти вопросы не идут к сердцу наших религиозных и традиционных верований и ценностей? Должны ли мы сложить руки как зрители, когда затронуты эти аспекты жизни?» [8].

Поскольку государство спрашивает религиозных деятелей, чтобы призвать избирателей голосовать, идти регистрироваться в качестве избирателей и не позволяет им говорить о тех людях, которые являются кандидатами и, вероятно, будут руководить страной на «наше общее благо», но это вовсе не означает, что мечети должны становиться политическими партиями. Но, по нашему мнению, политика нуждается в морали, и это связано с религией, традиционными и привычными ценностями.

Некоторые политические лидеры осудили вторжение религии в политические дела. Малийское государство находится под угрозой религиозного экстремизма, создание министерства по делам религий способствует радикализации фундаменталистов. Другие лидеры (Сумайла Сиссе из URD, Модибо Сидибэ из FARE, проф. Тиемого Сангаре из ADEMA) продолжают выступать против «опасного вмешательства религии» в политическую сферу. По мнению социолога и журналиста Абдулае Диарра, должен просто быть баланс между функционированием государства и религии. «Это способствует тому, что каждый гражданин будет уважать государство и иметь право свободно исповедовать свою религию в соответствии с законом». Он добавил, что разделение государства с церковью на Западе не помешало иметь политико-религиозных движений или их коалиций у власти в некоторых странах. Особенно если говорить о «христианских демократах, христианских правых и других», которые управляют общественными делами в некоторых странах. Пастер Протестантской церкви Матье Фане считает, что государство отделено от религии, но трудно определить области вмешательства. Он берет пример молитвы и гуманитарных мероприятий в местах лишения свободы. Государство, по его словам, там сотрудничает с религиозными. «Священники и пастыри, участвующие в тюрьмах с разрешения или защиты государства через министерство юстиции». Он также сказал, что религиозные лидеры участвуют в информационных и пропагандистских кампаниях в различных областях: «Мы так помогаем государству» [8].

Если религиозные деятели вторгаются сегодня в поле политики, то это происходит потому, что политики ушли от своей основной миссии, думают они только о своих личных интересах или о выживании своих политических партий через официальную помощь от государства политическим партиям. Нигде не сказано, что религиозные деятели не должны заниматься политикой в Мали, но если в Конституции написано, что военные должны покинуть ряды армии, чтобы заниматься политикой, религиозные деятели также должны «выйти» из мечети или церкви. Поэтому следует избегать «политизации религии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Alexis Roy. La société civile dans le débat politique au Mali. – «Cahiers d'études africaines», 2005. – № 2. – p.p. 178-201. – URL: <http://etudesafricaines.revues.org/5477> (дата обращения: 10.04.2016).
2. BERGER G. La société civile et son discours. – «Commentaires», № 12, Бомako, 1989–1990. – p.p. 136–145.
3. Danielle Jonckers. Associations islamiques et démocratie participative au Mali. Textes à l'appui/islam et société. – Бомako, 2011. – <halshs 00701896> (дата обращения: 04.06.2016).
4. «Journal Sphinx». N°597 du 10 au 16 juin 2016 (дата обращения: 19.08.2016).
5. Rapport d'enquête de la Direction nationale de la statistique et de l'informatique (DNSI), 2005, Бомako, 2007. – p.p. 32–67.
6. www.lemonde.fr/afrique/article/2013/07/27/au-mali-le-poids-de-la-religion-dans-la-campagne-est-considerable_3454547_3212.html (дата обращения: 10.08.2016).
7. www.maliweb.net/societe/promiscuite-religion-politique-la-utre-face-de-leaders-spirituels-musulmans-1624542.html (дата обращения: 10.08.2016).
8. www.mali-web.org/politique/gouvernance-au-mali-linfluence-decisive-du-religieux (дата обращения: 20.08.2016).

*Воронежский государственный университет
Кейта Кали, аспирант кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: beaugars10@gmail.com*

*Voronezh state university
Keita Kali, Post-graduate Student of the History of
Journalism and Literature Department
E-mail: beaugars10@gmail.com*

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ» (ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ А. В. ЖИГУЛИНА ОБ Е. А. ЕВТУШЕНКО)

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье впервые анализируются материалы личного архива крупнейшего поэта второй половины XX века, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края Анатолия Владимировича Жигулина, рассказывающие о его личных и творческих отношениях с известным писателем и общественным деятелем Евгением Александровичем Евтушенко.

Ключевые слова: Анатолий Жигулин, Евгений Евтушенко, «оттепель», история отечественной литературы и журналистики.

Abstract: the paper first analyses the personal archive of major poets of the second half of the twentieth century, a former prisoner of Stalin's camps, native of the Voronezh region Anatoly Vladimirovich Zhigulin, telling about his personal and creative relationship with the famous writer and social activist Evgeny Aleksandrovich Evtushenko.

Keywords: Anatoly Zhigulin, Evgeny Evtushenko, «the thaw», history of Russian literature and journalism.

Анатолий Владимирович Жигулин (1930–2000) и Евгений Александрович Евтушенко (родился в 1932 году) принадлежат к поколению людей, которых принято называть «поэтами-шестидесятниками». Эти люди родились и выросли в эпоху Сталина, их мировоззрение формировалось под влиянием Великой Отечественной войны, исторических решений XX и XXII съездов КПСС, хрущевской «оттепели». Одни из них даже успели добровольцами «сходить на войну», другие испытали на себе неимоверно тяжкий груз культа личности вождя «всех времен и народов», чудом выжив в исправительно-трудовых лагерях в Сибири и на Колыме, третьи получили трудовую и идейную закалку на целине и стройке Байкало-Амурской магистрали.

В дневниковых тетрадях и записных книжках А. В. Жигулина, хранящихся в фондах Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина [1], много внимания уделяется взаимоотношениям с наиболее яркими представителями этой субкультуры: Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенским, Р. И. Рождественским, Б. Ш. Окуджавой, Б. А. Ахмадулиной, В. Н. Соколовым и др.

Многие из них шагнули в большую литературу со страниц журналов «Юность» В. П. Катаева и «Новый мир» А. Т. Твардовского, ставших после антисталинского XX съезда КПСС оплотом либеральных и демократических ценностей, трибуной писателей-шестидесятников.

Стоит напомнить, что именно на страницах «Нового мира» были опубликованы лучшие произведения Юрия Бондарева, Виктора Некрасова, Василя

Быкова, Григория Бакланова, Ильи Эренбурга, Василия Гроссмана, Владимира Войновича, Чингиза Айтматова, Василия Шукшина, Фазиля Искандера и других писателей, стремившихся в условиях тоталитарной цензуры правдиво и честно отражать действительность.

Важнейшим событием в литературной и общественно-политической жизни страны стала публикация в 1962 году повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (авторское название «Щ-854. Один день одного зэка») – первого произведения о сталинских лагерях. Предтечи «Архипелага ГУЛАГ» – величайшего текста XX века.

Как верно заметил В. М. Акаткин: «После войны, несмотря на тоталитарную подмороженность, повсюду накапливались обновительные силы, в том числе и в литературе. Теперь отчетливо видно: происходила смена эпох и поколений, смена вкусов и ценностей, осадное положение разбавлялось относительными свободами и даже вольностями, военный аскетизм уживался с принципом «красиво жить не запретишь». Старшее поколение поэтов возводило в классики, в уважаемые портреты на стенах – почти наравне с членами Политбюро, а их живые, публичные места занимали молодые. Кто они? Что несут в себе их звонкие, задорные стихи, взрывами аплодисментов встречаемые в залах и на стадионах? Твардовский стал пристально присматриваться и к тем молодым, которые вернулись из окопов и стали перебеливать и печатать свои стихи из фронтовых блокнотов, и к новой волне, как говорится, не нюхавших пороха и пуда соли не съевших» [2, 6].

Одним из первых, кто заметил и поддержал А. В. Жигулина в начале творческого пути (что осо-

бенно важно) был известный в ту пору критик, талантливый и равнодушный человек Анатолий Михайлович Абрамов (1917–2005), впоследствии ставший доктором филологических наук, профессором Воронежского государственного университета.

Вот выдержки из его статьи, опубликованной в газете «Литература и жизнь» 1 февраля 1961 года: «Мы сейчас все чаще говорим о четвертом поколении советских поэтов. К сожалению, разговор нередко ведется узко. Упоминаются Е. Евтушенко, А. Вознесенский и еще два-три имени, что, конечно, мешает понять истинное лицо этого поколения. Думая об этом, хочется рассказать об Анатолии Жигулине, молодом инженере-строителе, уже лет пять серьезно выступающем в поэзии и выпустившем в Воронеже книгу «Огни моего города». Книга А. Жигулина сразу нашла своего читателя. Несмотря на то, что она поступила только в магазины Воронежского книготорга, в продаже ее уже нет. На недавнем диспуте о младшем поколении советских поэтов в Воронежском университете стихи А. Жигулина получили высокую оценку» [3].

В середине 1970-х годов в литературной критике об Анатолии Жигулине сложилось устойчивое представление как о большом поэте, продолжателе лучших традиций русской классики. Ни одна серьезная статья о советской поэзии второй половины XX века не обходилась без упоминания его имени в одном ряду с выше названными поэтами.

Как свидетельствуют дневниковые записи А. В. Жигулина, наиболее искренние и доверительные отношения у него сложились с Е. А. Евтушенко, замечательным советским поэтом, автором канонического стихотворения «Наследники Сталина», отразившего настроения целого поколения:

Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.

Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.

А гроб чуть дымился. Дыханье из гроба текло, когда выносили его из дверей мавзолея... [4, 182].

«19 августа 1959 года, среда.

Вчера вечером был с Г. Пресманом у Луткова. Гришку встретил по дороге. Беседовали о поэзии, в частности, о стихах Е. Евтушенко, Е. Винокурова. Талантливые поэты!» [Дн. № 47, с. 9].

«20 сентября 1964 года, воскресенье.

...Евтушенко в «Юности» был за мои стихи, за «Сны», «Бурундука» и «Кострожогов». На последнем даже написал: «Прекрасно». Но – увы! – стихи не пошли. Запрещено «Юности» писать о культе» [Дн. № 89, с. 72–73].

«10 мая 1965 года, понедельник.

<...> Читаю поэму Евтушенко «Братская ГЭС». Начало – «Я еду по России», «Монолог Египетской пирамиды», «Песня надсмотрщиков» – очень понравилось. Дальше хуже, хотя я и до половины еще не прочел, но видно, что дальше хуже. Особенно эти иллюстрации к русской истории.

Но как бы там ни было, Евтушенко твердо выходит в большие поэты. Несмотря на поспешность, у него есть главное, что для этого нужно: понимание истории и беспощадно ясное понимание сегодняшних событий. И не только понимание, но и стремление писать обо всем этом. Порою он выражает свои мысли в подтекстах, ибо правду во все времена писать трудно.

Поэт, не понимающий противоречий и бед своего времени или закрывающий на них глаза, или, что хуже всего, сознательно искажающий действительность, – не может стать большим поэтом, как бы ни был он одарен природой» [Дн. № 91, с. 5–6].

Отдавая должное таланту собрата по перу, А. В. Жигулин после внимательного прочтения поэмы «Братская ГЭС» отметил в дневнике и серьезные недостатки этого произведения.

«11 мая 1965 года, вторник.

Прочитал Евтушенко. Сложная вещь – эта поэма. Неровная. Но значительная, как ни крути. Местами вялая, местами великолепная.

<...> Начальство даже трусливее рядовых работников. Их пугает даже не смысл, не внутренняя суть, а буква, слово. Удивительно, как они пропустили у Евтушенко эти запретные слова: «номер», «зеки»?.. Прошли слова запретные. Но экскурсы Евтушенко в «лагерную тему», тем не менее, очень и очень поверхностны. Они только раздражают. Более интересен портрет теперешнего «телефонного человека» в Ньюкином рассказе» [Дн. № 91, с. 7–9].

«21 сентября 1972 года, четверг.

...Долго сидел и беседовал с Е. Евтушенко. <...> Говорили, в частности, о наших книгах, вышедших в «Современнике». Евтушенко очень удивило, что у меня прошли некоторые стихи о культе и 37 годе. Он их читал, хвалил. <...> Говорили также на «общеполитические» темы. Лагерь. Цензура и т. д., и т. п. Понравилось Жене мое предисловие. О Твардовском, о «Дне поэзии», о многом» [Дн. № 119, с. 175].

«23 сентября 1972 года, суббота.

...Вечером этого дня были на свадьбе у Сергея Алиханова. Невеста – дочь А. Межирова Зоя. Свадьба была в ВТО. Я не хотел идти, но сейчас не жалею, что пошел. Очень хорошо было. Так мило, душевно посидели, поговорили. <...> Особенно Женя много говорил, пока не ушел. Я имею в виду Евтушенко. Он говорил, в частности, о нашем с ним родстве – душевном и поэтическом. Дескать, в основе наших стихов – боль. Это общая, мол, черта. Поэтому мы, дескать, хорошо и понимаем друг друга» [Дн. № 119, с. 179–180].

«11 июня 1974 года, вторник.

Утром – краткая прогулка по набережной к фотокоску (А. В. Жигулин с семьей находится на отдыхе в Коктебеле. – В. К.). А затем до самого обеда были у Жени Евтушенко с Сергеем Орловым и Ирой. Женя зазвал нас послушать стихи. Читал он много: из ав-

стралийского, перуанского, вилюйского и коктейбельского циклов. Есть немало интересного, но местами, кусками, в частностях. Женя не всегда может вовремя остановиться, сделать стихотворение чистым, цельным, локальным. Мысль уходит в ответвления, в боковые пути. Наступает перегрузка – и обрезами, и информацией. Длинные, разжевывания начинают тяготить, раздражать. Все это идет в ущерб стихам. И я, и Орлов сказали ему об этом. Женя не стал спорить: знаю, мол, за собой эти недостатки, но не могу остановиться.

Возникла сложная, многосторонняя беседа о поэзии. Я прочел стихи: «Чуть слышно кукует кукушка...», «Москва», «Осень», «Сны». С. Орлов читал стихи о Я. Смелякове.

Мои стихи всерьез понравились обоим поэтам. <...> Вспоминали встречи с Твардовским, говорили о Теркине и о военных стихах других поэтов» [Дн. № 129, с. 19–22].

В дневнике А. В. Жигулин откровенно пишет и о тех разногласиях, которые иногда случались у него с Е. А. Евтушенко. Как известно, поэты – народ эмоциональный и весьма ранимый.

«3 апреля 1978 года, понедельник.

<...> Женя Евтушенко неожиданно ко мне подошел, подозвал:

– Толя! Для меня удивительно то, что ты был против моего вечера в Лужниках. А ведь я – ты помнишь – написал письмо в твою защиту, когда ты прочитал стихи в Политехническом. Ты помнишь об этом?

– Да, Женя. Я это помню, спасибо тебе. Что же касается твоего вечера в Лужниках, то вопрос на голосование был поставлен так. Нам дают на 2 вечера Лужники, московским поэтам, всей творческой организации. Есть два предложения об использовании этой возможности: 1) отдать эти вечера Евтушенко и Вознесенскому или 2) провести два коллективных выступления. Из чувства элементарной справедливости я голосовал за второе предложение.

Женя начал спорить – дескать, вопрос стоял не так. Я предложил проверить по протоколу. <...> На счастье подошла Ира. Уже при ней все заново и подробно пришлось повторить. Женя:

– Ты ведь знаешь, что это я завоевал Лужники...

– Ладно, я это знаю. Но не мешает тебе помнить о том, что, когда ты устраивал своими стихами «революцию» в 50-х годах, я в это время еще гнул... на Колымских урановых рудниках и думал-гадал: то ли будет реабилитация, то ли нет.

– Я в этом не виноват.

– Это тебе, как Штирлицу, информация к размышлению» [Дн. № 167, с. 19–23].

Случай с письмом Е. А. Евтушенко в защиту А. В. Жигулина подробно описан в дневнике писателя. В октябре 1973 года А. В. Жигулин во время своего выступления на вечере в Политехническом музее прочитал стихотворение «Забывтый случай»:

Забывтый случай, дальний-дальний,
Мерцает в прошлом, как свеча...
В холодном БУРе на Центральном
Мы удавили стукача... [5, 139].

Ортодоксальное руководство Московской писательской организации усмотрело в этом, не опубликованном на тот момент в печати, стихотворении крамолу и попыталось наказать политически неблагонадежного поэта, отмотавшего пять лет по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР на стройках в Сибири и урановых рудниках на Колыме. В защиту А. В. Жигулина тогда выступил ряд известных писателей: К. М. Симонов, В. Н. Соколов, Е. А. Евтушенко и др. В результате скандал с большим трудом вроде бы удалось замять, но последствия того случая ещё долго преследовали поэта: в частности, он надолго стал невыездным в зарубежные страны.

«Позавчера – 28 ноября 1982 года, в воскресенье,

был в ЦДЛ вечер, посвященный еще не вышедшему «Дню поэзии 1982». <...> Вечер в ЦДЛ был хороший. Володя Соколов председательствовал и был мягок и изящен. <...> Я выступал четвертым. Прочел следующие стихи: «Бурундук», «Полынный берег, мостик шаткий...», «Игрушечной нашей любви...», «Упал снаряд, и совершилось чудо...», «Калина», «Черный ворон, белый снег», «Настроение («Обложили, как волка, флажками...»)), «Продли, Всевышний, дни моей Ирины...».

Во время чтения мне четырежды преподносили цветы. Успех просто потрясающий. Полностью владел залом. Читал – словно летел. Женя Евтушенко, сидя рядом со мною за столом, при выступлениях первых трех поэтов демонстративно читал-листал какую-то рукопись. Но когда меня объявили, он рукопись оставил. Потом выразил мне одобрение – люблю, мол, твои стихи про японца и махорку. А одну строку, дескать, надо исправить – Св. Георгий изображается не с пикой, а с копьем. Внимательно слушал меня Женя...» [Дн. № 180, с. 169–171].

Упомянутое Е. А. Евтушенко стихотворение «про японца и махорку» – «Кострожоги» – А. В. Жигулин написал в 1963 году и посвятил его А. И. Солженицыну:

В оцеплении, не смолкая,

Целый день стучат топоры.

А у нас работа другая:

Мы солдатам палим костры... [5, 143].

В середине 1980-х годов А. В. Жигулин и Е. А. Евтушенко, как и многие другие «шестидесятники», с огромным энтузиазмом восприняли смену курса внешней и внутренней политики государства, получившего образное название «перестройка». В «перестройке» они увидели продолжение «оттепели», возобновление надежд на публикацию ранее запрещенных произведений, на запрет цензуры, на появление подлинно независимой писательской организации.

«25 августа 1987 года, вторник.

<...> Я уже лег спать, когда позвонил Евтушенко. Он сказал Ирине:

– У него в «Огоньке» – «Памяти друзей» – феноменальное стихотворение! Феноменальное! И он сейчас так остро чувствует и переживает!? Это потрясающе!

Я еще не уснул и подошел к телефону. Женя говорил мне целый короб восторженных слов, которые и записывать как-то неловко. В частности, его поразила чрезвычайная наполненность стихов чувством. «Нет пустого словесного элемента».

– Ты, кроме прочего, открыл какую-то новую форму стиха. Такого еще не было после Блока! Совершенно не замечаешь, что нет рифмы. Необыкновенная густота. Ты должен написать поэму!

– Женя, я написал роман. Его приняли в «Знамени».

– Слушай, а о подростках там будет?

– Да будет!

Я ему когда-то в Коктебеле рассказывал о КПМ (нелегальная антисталинская организация Коммунистическая партия молодёжи, существовавшая в Воронеже в 1948–1949 годах). – В. К.). Закругляя разговор, я скромно сказал, что рад, дескать, что мы выступили в паре. На это Женя воскликнул с негодованием:

– Я говорю о том, что висит в воздухе. А ты выдаешь свое, что, кроме тебя, никто не знает! Ты открываешь какое-то неведомое пространство!» [Дн. № 229, с. 118–120].

Стихотворение А. В. Жигулина «Памяти друзей» содержит эпиграф: «Имею рану и справку» (Б. Слуцкий) и посвящено событиям, описанным в автобиографической повести «Черные камни» (журнал «Знамя», 1988, № № 7 и 8):

Я полностью реабилитирован.

Имею раны и справки.

Две пули в меня попали

На дальней глухой Колыме.

Одна размозжила локоть,

Другая попала в голову

И прочертила по черепу

Огненную черту... [5, 156].

«20 мая 1997 года, вторник.

...Долгая беседа с Людой Абаевой. <...> У Люды писательские заботы и проблемы. Закачался Пулатов, его имущество (дом СП СССР на Поварской) пытается захватить Ганичев. А наш Союз российских писателей немощен и слаб. Трудно ему бороться с Пулатовым, Ганичевым, Савельевым. Люда хочет уговорить Е. Евтушенко стать нашим председателем – для пробивной силы, и меня привлекает к этому делу (уговорить). А Женя живет в США, читает лекции. Приехал в Россию на каникулы. <...> О Лужкове – надо к нему пойти – о СРП поговорить, чтоб помог» [Дн. № 257, с. 158–159].

«Позавчера, 30 июня 1991 года, в воскресенье,

Позвонил, а потом приехал с Мариной Кудимовой Женя Евтушенко. Письмо-манифест о создании независимого союза писателей. Длинный документ. Он прочел мне его вслух. А потом читал по телефону Б. Можаяву и с трудом уговорил его дать подпись. Документ предполагается опубликовать в очередном номере «Литгазеты» [Дн. № 253, с. 4–5].

«11 апреля 1998 года, суббота. Еврейская пасха. День узников.

<...> Передача Евтушенко. Чудо! Молодец, Женя! Сначала шла моя песня на фоне соответствующих кадров – дороги, сопки, лагеря. Читал Женя на удивление хорошо, а говорил обо мне с трогательной любовью, добротой и нежностью. Изумительно говорил и о моей судьбе, и обо мне. Не буду сейчас вспоминать, что он читал. Это «Стихи», «О, люди, люди с номерами...», «Бурундук», «Палачи вы мои, палачи...», «Береза» и что-то я забыл. Лена Троянова обещала сделать мне кассету со всей передачей и два дубля с исходниками песни. Было очень много отзвонков-звонков» [Дн. № 260, с. 179–180].

В передаче на «Радио Свобода», посвященной памяти А. В. Жигулина, Е. А. Евтушенко вспоминал: «Двухтысячный зал кинотеатра «Октябрь» оказался переполнен. Люди подсказывали поэтам забываемые ими строчки, выкрикивали названия любимых ими стихов... Но, пожалуй, самое потрясающее впечатление произвело на всех, когда Толя Жигулин сильным голосом колымского кострожога запел лагерную песню о том, как «вставал впереди Магадан, столица Колымского края...» Он пел не только голосом. Казалось, пели его затравленные смеляковские глаза, его спина сахалинского каторжника, описанного еще Чеховым. Ноги в невидимых кандалах, перешедших по наследству от Достоевского, были широко расставлены на сцене, как на палубе парохода, который, покачиваясь, приближался к Магаданскому порту – последнему причалу Великой Утопии. Нет, не «Железного Феликса» нужно поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните. Если бы я был скульптором, то именно с него я бы слепил неизвестного лагерника...» [6].

В марте 2015 года независимая общественная комиссия по культурному наследию при администрации Воронежа, рассмотрев обращение представителей литературных и научных кругов, среди которых был и автор этих строк, приняла единогласное решение – одобрить идею установки в областном центре памятника А. В. Жигулину (после определения источников финансирования).

В преддверии предстоящих крупных юбилейных дат – 90-летия и 100-летия со дня рождения Анатолия Владимировича Жигулина – это был бы справедливый и долгожданный шаг по увековечиванию памяти человека, прославившего Воронежский край в своих произведениях.

Также целесообразно, на наш взгляд, уже сегодня начать работу по подготовке научного издания дневника А. В. Жигулина – уникального литературно-художественного и документально-мемуарного документа минувшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Дневниковые тетради и записные книжки / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. Акаткин В. М. А. Т. Твардовский и «молодые» поэты 50–60-х годов / В. М. Акаткин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2.

3. Абрамов А. Один из молодых / А. М. Абрамов // Литература и жизнь. – 1961. – 1 февр.

4. Евтушенко Е. Последняя попытка. Стихотворения. Из старых и новых тетрадей / Е. А. Евтушенко. – М., Советская Россия, 1990.

5. Жигулин А. Далекий колокол. Стихи. Проза. Письма читателей / А. В. Жигулин. – Воронеж, изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001.

6. Евтушенко Е. «Нет, не «Железного Феликса» надо поставить напротив Лубянки, а Толю Жигулина, в бронзе или граните...» Памяти Анатолия Жигулина / Е. А. Евтушенко // Радио Свобода. – 7 августа 2000 года. – URL: <http://www.svoboda.org/a/24198688.html>

*Воронежский государственный университет
Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

ЭКСПЕРТИЗА ТОВАРНОГО ЗНАКА В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2016 г.

Аннотация: работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарных знаков и определению места такой экспертизы в системе лингвистической экспертизы. На конкретных примерах демонстрируются особенности экспертизы товарных знаков, отличающие ее от других видов лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, сходство до степени смешения, ассоциативный эксперимент, ассоциативное сходство, факторный анализ, семантическое пространство.

Abstract: the work is devoted to the problem of trademark's linguistic expert examination and the finding of position of this expert examination in the system of linguistic expert examination. Concrete examples demonstrate special aspects of trade mark's expert examination, which make them different from other types of linguistic expert examination.

Keywords: linguistic expert examination, trademark, confusing similarity, association experiment, association similarity, factor analysis, semantic space.

В последние десятилетия все более востребованным оказывается проведение так называемой лингвистической экспертизы.

Лингвистическая экспертиза рассматривается как направление прикладной лингвистики и как составная часть судебной лингвистики [6, с. 63]. Правомочно говорить как о динамическом аспекте лингвистической экспертизы, так и о статическом аспекте. В первом случае подразумевается некий процесс, некая процедура лингвистического анализа. Во втором случае речь идет об итогах этой процедуры, некоем тексте-отчете о результатах такого исследования.

На практике встречаются самые разнообразные виды лингвистической экспертизы: автороведческая экспертиза (или экспертиза по установлению авторства текста), экспертиза рекламного текста на предмет нарушения Закона о рекламе, экспертиза текста СМИ на предмет нарушения чести и достоинства, экспертизы аудиозаписей и т. п.

Одним из видов лингвистической экспертизы является экспертиза товарного знака.

Действующее законодательство определяет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (Часть 4 Гражданского Кодекса РФ [7]), и не допускает к регистрации (в отношении однородных товаров) обозначения, сходные до степени смешения с другими товарными знаками, охраняемыми законом.

Лингвистическая экспертиза товарных знаков проводится обычно при регистрации товарного знака, при оспаривании в судебном порядке отказа в его регистрации, а также в случае нарушения прав на уже зарегистрированный товарный знак. Во всех этих случаях мы имеем дело с экспертизой по установлению сходства обозначений до степени смешения.

Предпримем попытку установить место экспертизы товарного знака в общей системе лингвистической экспертизы и определим специфику такого рода исследований.

Очевидно, что классификация лингвистических экспертиз может проводиться по различным признакам. Известны труды А. Н. Баранова в данной области [1], который разработал типологию лингвистических экспертиз. Так, по формальному параметру лингвистические экспертизы разделяются на официальные и инициативные. Официальные экспертизы выполняются по постановлению суда или органов дознания и имеют статус доказательств. Инициативные экспертизы выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (в том числе, ответчиков и истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и т. д.). Инициативные экспертизы могут признаваться как правомерное доказательство только по решению суда или органов дознания. Инициативные экспертизы обычно называются заключением специалиста.

По количеству экспертов различаются комиссионные и неkomиссионные экспертизы. Комиссион-

ные экспертизы выполняются несколькими экспертами, некомиссионные – только одним.

По объекту лингвистических экспертиз выделяются экспертизы звучащей речи, экспертизы письменного текста и вербально-визуальные экспертизы. В экспертизах звучащей речи исследуются акустические характеристики речевых высказываний, в частности, для определения автора речевого сообщения. Если в экспертизах звучащей речи используется специальный инструментарий акустики, фонетики и фонологии, то экспертизы письменного текста более разнообразны по своей направленности и используемым методикам. В экспертизах такого рода может использоваться и морфологический анализ (например, при исследовании сходства и различий товарных знаков), и синтаксический анализ (например, при выявлении синтаксической сложности текстов в установлении авторства), и семантический анализ (например, семантическое исследование инвектив в экспертизах по делам о защите чести и достоинства), и анализ текста (например, в экспертизах по определению семантического подобия текстов), и лингво-статистический анализ (например, в экспертизах по установлению авторства).

Вербально-визуальные экспертизы в качестве объекта для исследования имеют сложно организованный феномен – сочетание вербальной и невербальной информации, то есть комбинация текста и изображения. Это оказывается необходимым, например, при оценке степени сходства товарных знаков, когда по набору символов или графем товарные знаки близки, но изобразительно поданы по-разному.

Опираясь на описанные выше классификации, обратим внимание на то, что экспертиза товарного знака в зависимости от конкретной ситуации, бесспорно, может представлять собой как официальную, так и инициативную, может быть как комиссионной, так и некомиссионной (обычно некомиссионная экспертиза товарного знака осуществляется в случае анализа словесного товарного знака, а комиссионная – в ситуации комбинированного товарного знака, представляющего собой сочетание словесных и изобразительных или словесных и объемных элементов, в последних случаях могут привлекаться специалисты в области графики, дизайна и т. п.), представляет собой экспертизу письменной речи или вербально-визуальную экспертизу.

Экспертизу товарного знака, в отличие от многих других видов лингвистической экспертизы отличаются следующие возможности и особенности.

Обсуждаемый вид экспертизы имеет специфический объект исследования – слово-коммерческое обозначение или товарный знак (если это коммерческое обозначение зарегистрировано в установленном порядке).

Экспертиза товарного знака проводится, как уже отмечалось, в особых случаях – обычно регистрации товарного знака, при оспаривании в судебном порядке отказа в его регистрации, а также в случае нарушения прав на уже зарегистрированный товарный знак.

В большинстве случаев экспертиза товарного знака представляет собой исследование на предмет установления сходства обозначений до степени смешения.

Экспертиза товарного знака допускает возможность использования экспериментальных методик. Необходимость использования таких методик продиктована «Правилами составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» [5], утверждающими, что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» и, тем самым, предписывающими необходимость ассоциативного исследования исследуемых обозначений. Данное исследование предполагает использование экспериментального метода ассоциативного эксперимента, в ходе которого осуществляется обращение к испытуемым – носителям языка, потенциальным потребителям товаров и услуг. В ходе эксперимента испытуемым предлагается указать ассоциации, вызываемые каждым из анализируемых обозначений (см. подробнее в [4, с. 252–253]). Например, при исследовании обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» (данная экспертиза была проведена нами в 2013 г.) ассоциативный эксперимент позволил получить следующие результаты (приведены ниже в следующем виде: а) словестимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности (с указанием этой частотности); при этом равночастотные реакции даны в алфавитном порядке; г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул):

ВЗГЛЯД 70 – глаза 10, глаз 3, зрение 3, клиника 3, телепередача 3, (в) будущее 2, взор 2, мнение 2, око 2, оптика 2, точка зрения 2, брови 1, взглядоведение 1, внимание 1, вперед 1, глазной центр 1, газета 1, глубокий 1, завораживающий 1, зрачок 1, красиво 1, лекарство 1, напряжение 1, однокурсница 1, окулист 1, ориентир 1, офтальмолог 1, очки 1, проникающий 1, ресницы 1, роковой 1, сериал 1, сверху 1, строгий 1, ТВ программа 1, человек 1, черника форте 1, четкость 1, чистота 1, чувства 1, цель 1; отказ – 6.

ВЗГЛЯД ДОКТОРА ЧЕРНИКОВОЙ 70 – сериал 7, клиника 4, строгий 4, черника форте 4, глаза 3, оптика 3, телепередача 3, врач 2, глазная клиника 2, диагноз 2, зрение 2, книга 2, лекарство 2, мнение 2, окулист 2, офтальмолог 2, белый халат 1, вдаль 1, вранье 1, детектив 1, диета 1, его идеология 1, злость

1, крутой 1, лор 1, медицинский тренинг 1, медсестра 1, программа 1, темный 1, психолог 1, статья 1, таблетки 1, фильм 1, хороший взгляд 1; отказ – 6.

Полученные результаты позволяют провести на следующем этапе качественный анализ ассоциативных связей исследуемых обозначений и сформулировать заключение относительно сходства (или – как в данном случае – несходства) анализируемых единиц.

Заметим, что использование описанной ассоциативной методики трансформирует лингвистическую экспертизу товарных знаков в психолингвистическую экспертизу;

В отличие от многих других видов лингвистической экспертизы, где, как правило, осуществляется качественный анализ материала, данный вид экспертизы, помимо качественного анализа, позволяет и побуждает использовать количественные методы исследования, что привносит в ее результаты объективность и достоверность. Поясним сказанное. Дело в том, что одна из основных трудностей экспертизы связана с проблемой объективизации ее результатов. Ведь нередко даже детальный анализ звукового, смыслового, графического, а также ассоциативного сходства затрудняет формулировку окончательного вывода и делает его субъективным, что может привести к его дальнейшему оспариванию заинтересованными лицами. Выход из этой ситуации видится в разработке четких критериев, позволяющих судить о звуковом, смысловом или ассоциативном сходстве тех или иных обозначений, поданных на регистрацию. Таким критерием может стать вычисление (по результатам ассоциативного эксперимента) так называемого коэффициента ассоциативного сходства (КАС) исследуемых единиц, рассчитываемого как отношение количества респондентов, предложивших сходные ассоциации в ассоциативном эксперименте, к общему числу опрошенных, выраженное в процентах. Например, приведенные в предыдущем пункте результаты ассоциативного эксперимента позволяют получить следующий количественный результат: $КАС_{\text{взгляд, взгляд доктора черниковой}} = 65.7\%$, что повышает достоверность и объективность сформулированного вывода о сходстве до степени смешения исследуемых обозначений. Экспертиза товарного знака позволяет аналогичным образом рассчитать коэффициенты звукового и смыслового сходства соответственно. Заметим, что другие виды лингвистической экспертизы используют преимущественно качественные, а не количественные методы исследования.

Экспертиза товарного знака (в отличие от большинства других видов лингвистической экспертизы) позволяет наглядно представить ее результаты.

Для этого целесообразно представить ассоциативное поле каждой исследуемой единицы как совокупность ядерной и периферийной зон. К ядер-

ным зонам будем относить ассоциации, предложенные более чем 5 % опрошенных респондентов. Остальные реакции будем трактовать как элементы периферийной зоны. Приведенные в предыдущих пунктах результаты и описанные выше критерии разграничения ядерных и периферийных зон ассоциативных полей позволяют наглядно представить характер пересечения ассоциативных полей обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» (рис.1):

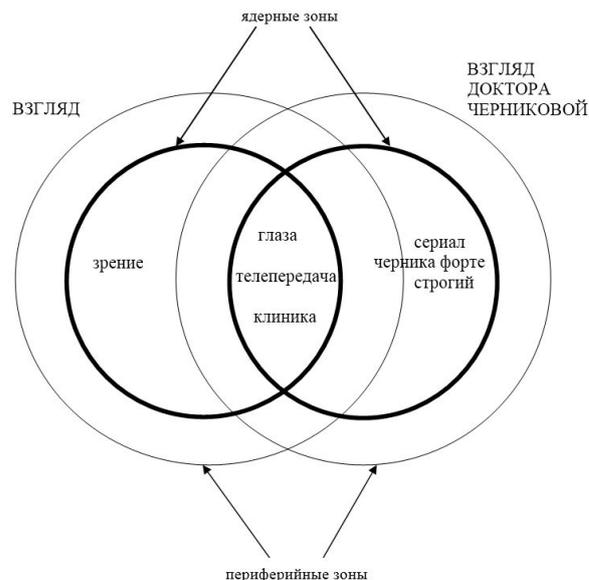

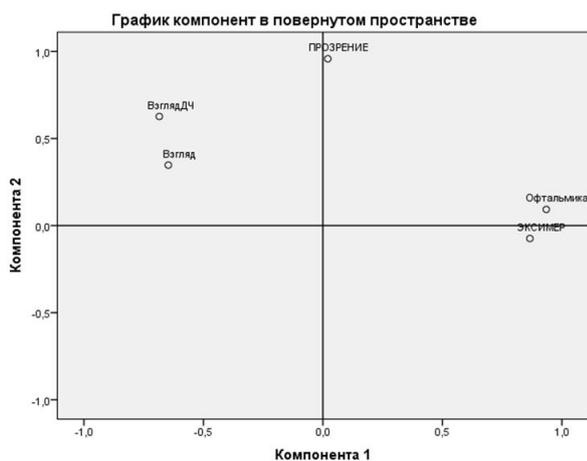
Рис.1. Пересечение ассоциативных полей коммерческих обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой»

Как видно на рис.1, в данном случае выявляется пересечение ядерных зон ассоциативных полей исследуемых единиц. В данную зону пересечения попадают ассоциации *глаза*, *телепередача*, *клиника*, являющиеся общими ассоциациями к анализируемым обозначениям «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой». Именно факт такого пересечения позволяет говорить о сходстве до степени смешения анализируемых обозначений.

Экспертиза товарного знака расширяет традиционное лингвистическое поле исследования, она требует не только сугубо языковых исследований, но и графических (или визуальных). Именно поэтому данный вид экспертизы может и должен осуществляться с привлечением специалистов в области графики и дизайна, поскольку в соответствии с «Методическими рекомендациями по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [4] предписывается осуществить анализ общего зрительного впечатления от исследуемых обозначений, вида шрифта, характера букв (печатные или письменные, заглавные или строчные), алфавита, буквами которого написано слово, цвета или цветового сочетания и др.

Экспертиза товарного знака допускает возможность использования статистических методов, в частности, такого статистического метода как факторный анализ. Подробно методика проведения факторного анализа товарных знаков описана в [3] (на примере обозначений «HELMAR», «HELMAN», «Patrick Hellmann Collection» и «HILLMAN»).

В настоящей статье приведем лишь результат реализации данной методики – семантическое пространство исследуемых коммерческих обозначений (одновременно с так называемыми обозначениями-дистракторами), построенное на основе результатов факторизации программой SPSS Statistics:

Проведем анализ построенного семантического пространства. Совершенно очевидно, что признаваться сходными до степени смешения могут лишь те коммерческие обозначения, которые:

- имеют одинаковый знак нагрузки (положительный или отрицательный) по всем выделенным факторам (т. е. расположены в одной четверти семантического пространства);
- имеют семантическое расстояние по одному из выделенных факторов, не превышающее 10 % от значения нагрузки по данному фактору.

Как видим на графике семантического пространства исследуемых единиц, сопоставляемые обозначения «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой» оказываются в одной четверти и имеют одинаковый знак нагрузки по каждому из выделенных факторов. Более того, семантическое расстояние между обозначениями по оси Ф1 составляет $0,685 - 0,647 = 0,038$, что составит 5,54 % от аб-

солютного значения нагрузки обозначения «Взгляд доктора Черниковой». Выявленная близость исследуемых коммерческих обозначений в семантическом пространстве позволяет статистически подтвердить вывод об их сходстве до степени смешения.

В целом же проведенное исследование позволяет утверждать, что экспертиза товарного знака, являясь одним из видов лингвистической экспертизы, обладает, тем не менее, рядом специфических особенностей и отличительных черт. Именно это обуславливает особое место экспертизы товарного знака в системе лингвистической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
2. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31.12.2009 г. № 197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). – М., 2009.
3. Новичихина М. Е. К вопросу об использовании факторного анализа в лингвистической экспертизе товарных знаков / М. Е. Новичихина // Вестник ВГУ. – Сер. : Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 189–194.
4. Новичихина М. Е. Об исследовании ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарных знаков / М. Е. Новичихина // Известия Тульского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. – Тула, 2014. – № 2. – С. 249–257.
5. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, зарег. в Минюсте России 25.03.2003 г., рег. № 4322.). – М., 2003.
6. Рахимова А. А. Лингвистическая экспертиза / А. А. Рахимова // Вестник КАСУ. – Вып. : Политико-правовые проблемы образования и общества. – Усть-Каменогорск, 2005. – № 3. – С. 63–66.
7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст] : [Федер.закон: от 18 декабря 2006 г. N 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»]. – Режим доступа: www.gk-rf.ru. – Ст. 1477.

Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., профессор кафедры связей с общественностью, доктор филологических наук
E-mail: novichihiname@mail.ru

Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations Department
E-mail: novichihiname@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)

Н. В. Старых

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 9 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются три школы в проектировании стратегических коммуникаций. Чтобы подчеркнуть различие предметов маркетинга и маркетинговых коммуникаций, аргументация подкрепляется примерами из некоммерческой коммуникации.

Ключевые слова: стратегические коммуникации, коммуникативные стратегии, социальная реклама, позитивистская теория в рекламе, гуманитарные технологии в рекламе.

Abstract: this article discusses three schools in designing strategic communications. The arguments is supported by examples of nonprofit communications to emphasize the difference between subjects of marketing and marketing communications

Keywords: strategic communication, communication strategies, non-profit advertising, positivist theory in advertising, humanitarian technologies in advertising.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Управление по целям, составляющее суть стратегического менеджмента, начиная с 1950-х, с успехом применяется в бизнес-практике при разработке генеральной стратегии организации (grand strategy). Однако коммуникационная деятельность была осмыслена в контексте стратегического управления лишь в 1990-х. Основателями теории стратегических коммуникаций считаются профессор Д. Шульц и его коллеги из Северо-Западного университета США, впервые предложившие концепцию «Интегрированные маркетинговые коммуникации». Под их руководством в 1992 году впервые была перестроена и запущена программа MBA для рекламного образования [1]. Авторами была предложена модель коммуникации, представленная в форме бизнес-процессов, последовательно связанных между собой технологических операций, направленных на достижение заданных целей. Эта логика предполагает стандартизацию коммуникации, в том числе разработку конкретных и измеримых индикаторов качества коммуникационного процесса на входе, а также оценку эффективности, в том числе финансовой, на выходе. Проблема состояла в спецификации показателей, измеряющих маркетинговую коммуникацию.

Как известно, комплекс маркетинга включает четыре инструмента, обозначаемых формулой «4Р» – разработку продукта, ценообразование, систему доставки до места продаж, и продвижение. Все вме-

сте они работают на то, чтобы управлять поведением клиента.

Компетенция маркетинговой коммуникации в формировании поведенческих установок, которые могут быть измерены с помощью промежуточных переменных – осведомленности и отношения. Иными словами, коммуникация была концептуализирована Шульцем и его последователями на базе психологической теории бихевиоризма, интерпретирующей поведение как реакцию на внешние стимулы (S → R).

Сравнение статистики по переходам к покупкам со стороны осведомленных или лояльных клиентов позволило исследователям выявить устойчивые закономерности – вне зависимости от сферы товарного производства или услуг. Эмпирически выявленные коэффициенты конверсии позволяют планировать и контролировать финансовый вклад коммуникации в деловую стратегию, придают ей статус стратегической коммуникации.

Несомненно, стратегическое планирование коммуникационной деятельности может и должно применяться не только в ситуациях, связанных с экономическими отношениями. Результативность важна в любой сфере. Ибо устойчивое развитие любой социальной системы связано с удовлетворением как материальных, так духовных потребностей включенных в нее индивидов.

Общезначимые задачи выступают аттракторами, объединяющими усилия отдельных индивидуумов, организаций, государственных структур. Макроструктуры, объединяющие человеческие, властные, организационные, материальные ресурсы во имя

социально значимой цели, именуют социальными институтами.

Если говорить об институте социальной защиты населения, то именно в контексте его деятельности следует рассматривать активности и цели коммуникации для некоммерческих организаций, включенных в него функционально. Миссия института социальной защиты – реализация идеи социальной справедливости, пропаганда ценностей и норм социального взаимодействия, укрепление социального здоровья и социального капитала. Ведь разделяемые большинством представления о добре и зле, нормах поведения – это база для самоидентификации индивидуумов как граждан, основа их лояльности конкретному национальному сообществу. Без этой лояльности народ превращается в население, хоть и проживающее на одной территории, но неспособное защитить её.

Структура института социальной защиты изоморфна «техпроцессу» по производству социальных услуг, который всегда выстроен с учетом представлений о качестве этих услуг, а в нашем случае – конкретно-исторических представлений о социальной справедливости и потребном будущем. Можно говорить о различных социокультурных моделях институтов социальной защиты, где основными заказчиками и спонсорами выступают племенные вожди и старейшины, государство, бизнес, население...[2]. Соответственно, финансовая поддержка благотворительных проектов в разные времена и в разных культурах зависит от различных институциональных субъектов, их видения социального здоровья, поведения проблемных социальных групп и инструментов социального оздоровления.

Однако подчеркнем главный вывод из нашего предшествующего рассуждения: на уровне постановки целей социальной кампании всегда может быть выделена и проанализирована проблема функционирования социального целого, выделены вовлеченные в нее целевые группы, сформулированы проблемы текущего поведения, реализована коммуникация, побуждающая к определенным формам активностей, осуществлен и контроль их реализации с помощью промежуточных переменных осведомленности и отношения.

Проблемная точка в развитии теории стратегических коммуникаций связана с поиском методов проектирования коммуникативной стратегии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ [3]

АМЕРИКАНСКАЯ ШКОЛА: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАКТОВКА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Американская школа эту проблематику разрабатывает в прагматическом ключе, на методологической базе бихевиризма. Исходным является пред-

положение о том, что поведение – это реакция на определенную систему стимулов. Опыт взаимодействия с внешней средой сохраняется в памяти в форме фреймов (значений), образующих когнитивную карту различных фрагментов жизнедеятельности. Задача исследователя – реконструировать ментальную карту, используя для этого статистику переходов целевой аудитории (конверсию) к покупкам или иным типам целевых действий в зависимости от типа воздействующего стимула и возникающих коммуникационных эффектов вовлеченности, осведомленности или отношения. Такой подход позволяет прогнозировать доход или иные целевые показатели деловой активности (сбор средств благотворительными фондами, голосование за политические партии и кандидатов и т. д.) – в зависимости от различных способов стимулирования когнитивных процессов.

Статистический анализ факторов, оказывающих влияние на осведомленность и отношение целевой аудитории по отношению к предмету рекламного сообщения, позволяет идентифицировать мета-модели принятия решения. Коммуникативная стратегия понимается здесь как стимулирование процессов принятия решения. Этот подход в настоящее время является наиболее влиятельным в теории и практике стратегических коммуникаций. Однако он не безупречен.

Поскольку ситуации принятия решения разнообразны, то набор моделей коммуникативного воздействия множится, и этому поиску по-прежнему не видится конца. В профессиональных изданиях нередко звучит скепсис в отношении AIDA, AIMDA, DAGMAR, FCB и прочих аббревиатур, дающих название универсальной логике принятия решения и претендующих на то, чтобы вскрыть код коммуникации. Однако отказаться от этих моделей невозможно, поскольку именно они позволяют производить промежуточные измерения коммуникации с позиции поставленной цели, а значит, придают ей статус стратегической. Выход здесь один: вооружившись предварительной гипотезой, перепроверять её достоверность дополнительными исследованиями конкретных целевых аудиторий. Специалисту важно определиться с ключевыми факторами в принятии решения, или с позиционированием, которые придают положительную динамику всему процессу принятия решения.

Например, для простейших повседневных ситуаций, связанных с потребительским поведением, положительное отношение к товару напрямую связано с представлением о собственной выгоде, то есть с убеждением, что его функциональные характеристики лучше всего могут удовлетворить имеющиеся потребности.

Однако поведение в более сложных ситуациях, связанных с ориентацией в социальной среде, моти-

вировано взаимопомощью и альтруизмом, и характеризуется более сложной рефлексивной структурой. Чаще всего решение об оказании помощи принимается под влиянием эмоциональных факторов: переживание сострадания к нуждающемуся в помощи, ощущение чувства долга оказать помощь. Однако поведение, именуемое просоциальным, не исключает и рациональные мотивы в поведении помогающего. Помощь бывает не только полезная, но и вредная. Если дать денег алкоголику-соседу – объективно, это помощь. А вот что будет в результате? Напившийся сосед, буянящий во дворе? Едва ли можно сказать, что это результат стоящий. Если в детский дом приезжают спонсоры и вручают детям дорогие подарки, сироты формируют себе философию нищего и приучаются жить в формате паразита.

Вопросы, возникающие в связи с неоднозначностью помогающих действий, мотивировали исследование когнитивных психологов Дж. Ховарда и Ш. Шварца. В 1981 году ими была предложена модель помогающего действия, которая включает в себя пять типов когнитивных процессов, характеризующих логику принятия решения об оказании помощи: внимание – мотивация – оценка – защита – поведение.

Эта модель запускается с момента осознания ситуации, что кто-то нуждается в помощи. Фаза внимания включает в себя распознавание чужой беды, отбор эффективного просоциального действия и признание себя готовым к помощи. Суть следующего этапа – фазы мотивации – заключается в конструировании личной нормы и актуализации личной ответственности на основе социальных ценностей с последующим генерированием чувства морального долга. Третий этап – оценка ожидаемых последствий просоциальных действий – включает в себя оценку потенциальных затрат и приобретений. Затраты в данном случае складываются из социальных затрат (к примеру, риск социального неодобрения), материальных и физических затрат (дыра в семейном бюджете или отставание от графика собственных дел), и моральных затрат (муки совести как результат нарушения индивидуальных норм). На этапе защиты человек может выработать основания для отказа от ответственности за чужую беду. Могут быть отданы предпочтения личным интересам и отвергнута ответственность за других. Это связано с тем, что люди следуют нормативным ожиданиям относительно уровня заслуженных ими вознаграждений и затрат. При этом ответственность за свое решение действовать или бездействовать может быть воспринята как противоречащая другим обязательствам, или же человек может решить, что ему не хватает необходимых для вмешательства в чужую проблему способностей и ресурсов. Последний этап – действия или отказа от действия, зависит от того, к какому результату привел процесс решения.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ТРАКТОВКЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Несмотря на разнообразие теоретических направлений в гуманитарных науках, идеологически их объединяет то, что они отстраиваются от позитивизма с его рационалистическими установками по отношению к знанию [4]. Знание – это не только продукт мышления, но и бессознательного.

Мышление оперирует статичными когнитивными конструктами (фреймами), с помощью которых индивид присваивает значения явлениям из окружающего его мира. Такое знание, с точки зрения постмодернистов, отягощено двумя существенными недостатками: во-первых, оно неизбежно фрагментарное, во-вторых, оценивает настоящее с точки зрения опыта, имевшего место в прошлом, то есть мешает восприятию реальности. Знание, которое хранится в бессознательном, обеспечивает целостность понимания благодаря тому, что способно схватывать явления и события в их сущности – смыслы. Смысл динамичен, всегда находится в оппозиции устоявшимся значениям. Подвижность смысла, отличающая его от значения, объясняется тем, что он балансирует между сознанием и бессознательным. В его создании участвует психологический механизм воображения, который, в отличие от мышления, способен напрямую обращаться за ответами на волнующие вопросы к «архивам», хранящимся в бессознательном.

Память бессознательного намного объемнее памяти сознания, поскольку хранит всю информацию, фиксируемую физическими органами восприятия, в том числе ту, которую сознание просто не замечает. Эта идея, выдвинутая Зигмундом Фрейдом и ставшая опорной для постмодернистской философии, обоснована им с помощью остроумной аналогии – экспериментальной конструкции «чудесный восковой блок» [5]. Поскольку бессознательное, в отличие от сознания, сохраняет все информационные следы, фиксируемые физиологическими органами восприятия, то всякое их устойчивое повторение образует причудливую сеть, объединяющую конкретно-чувственные образы ассоциативной логикой, то есть связями, далеко не очевидными для «дневного мышления» и привычного порядка вещей, определяющего нашу повседневную жизнь. Порядок повседневности – не единственно возможный, его ограниченность понимается при столкновении с внутриличностными и социальными конфликтами, которые не могут решиться с помощью существующих ментальных шаблонов. Решение хранится в бессознательном, но оно на то и бессознательное, что доступ к нему для сознания закрыт. Канал, связывающий сознание и бессознательное – воображение, которое «пробуждается» внутренней установкой на решение проблемы. Механизм работы воображения подобен механизму сновидения, также

описанный Фрейдом, и выполняет функцию переводчика с языка бессознательного на язык мышления [6]. Вытесненный в бессознательное, дневной остаток впечатлений прорывается в предсознание сновидца в форме узнаваемых образов, однако включенных в удивительные сценарии. Требуется рефлексивное усилие, чтобы интерпретировать их символический смысл. Когда этот смысл извлекается, личностная и культурная память обогащается новым значением, заключающим в себе код пережитого опыта.

С философским понятием «смысл» связан термин «идея», которым пользуются в теории коммуникационного менеджмента. Креативная идея пытается схватить характерные проявления того, что не имеет внешней материально выраженной формы. Это интеграл, который фиксирует устойчивые повторения в различающихся рядах представлений (когнитивных конструктов), синтезирует сходный личностный опыт и образ мира.

Для культуры постмодерна расширение границ собственного опыта за счет иных практик рассматривается как ключевая ценность – путь актуализации «Я» и личностного роста. В постмодернистской философии оформляется еще один значимый концепт – «Другого» – логико-смыслового пространства, сформированного в контексте иного жизненного опыта, иной социальной практики. Эта идея была подхвачена поколением бунтарей эпохи творческой революции 1970–1980-х гг. Именно этот путь имел в виду Тимоти Лири, когда обратился к 30-ти тысячной толпе хиппи, собравшейся 14 января 1967 года в парке Голден-Гейт, со знаменитой фразой: «Включись, настройся, выпади! (Turn on, tune in and drop out)!».

ТЕОРИЯ БРЕНД-КОММУНИКАЦИЙ: ГЕШТАЛЬТ – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗРАБОТКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Новый социокультурный контекст побудил переосмыслить модель стратегической коммуникации. Если архетипы коллективного бессознательного или гештальты предшествуют любым коммуникативным действиям, то они позволяют любому человеку на интуитивном уровне безошибочно отличать ложь от правды, искренность от лукавства, глупость от мудрости и т. д. Поэтому гештальт-психологи кардинально пересматривают модель успешной коммуникации. Ключевым системообразующим элементом в ней является индивидуальность говорящего, доверие к тому, кто говорит.

В научный оборот коммуникационного менеджмента вводится понятие брендинга, понимаемого как процесс развития доверительных отношений между товарной маркой и потребителем. Поскольку полноценное представление об индивидуальности можно составить по характерным чертам поведения

в разных ситуациях, бренд проектируется как симулятивная модель личности, проявляя себя не только в узкой нише бытового поведения (традиционно занимаемой торговцами), но и позиционируясь относительно ролевых ожиданий более высокого порядка: профессионального статуса, духовных ценностей и т. д. Главное, чтобы все эти активности бренда не противоречили друг другу, создавая впечатление подлога. Синергия бренд-коммуникации достигается благодаря согласованности с его индивидуальностью, венчающую так называемую пирамиду бренда.

Развитие теории бренд-коммуникаций можно охарактеризовать двумя противоположными тенденциями.

Стокгольмская школа экономики революционно порывает со всеми традициями стратегического планирования как в экономике, так и в коммуникациях. Пропагандируется бизнес в стиле фанк, а будущее человечества представляется как общество мечты. Модель «4D-брендинга» Томаса Гэда [7], шведского автора делового бестселлера с одноименным названием, не содержит даже намека на когнитивную модель принятия решения. Бренд-симулякр моделируется в соответствии с четырьмя псевдо-измерениями идентичности, по аналогии с личностью.

Дэвид Аакер, профессор бизнес-школы калифорнийского университета в Беркли, шкалу когнитивных измерений сохраняет, что позволяет ему предложить методику оценки стоимости бренда [8]. Однако тем самым модель Аакера вступает на территорию структурно-семиотических методов исследования, которые категорически не признают гештальт-психологи. Об этом направлении в коммуникативной стратегии будет сказано чуть ниже. Пока рассмотрим объяснительный потенциал теории бренд-коммуникаций в сфере социального проектирования.

В роли акторов социальной коммуникации могут выступать благотворительные фонды, некоммерческие организации, частные лица, взявшие на себя роль волонтеров, а также государственные учреждения, коммерческие и политические структуры. Доверие к ним основывается на вере в альтруистические мотивы, побудившие их взяться за решение той или иной социально значимой проблемы. Однако если эта вера пошатнется, репутацию бывает восстановить очень сложно.

Например, международная консалтинговая компания САФ, которая ежегодно публикует рейтинги «доброты» народов, фиксирует низкие показатели пожертвований россиян в благотворительные фонды [9]. Эта неблагоприятная цифра имеет свою историю, связанную с деятельностью Детского фонда имени Ленина, первого в России благотворительного фонда, созданного на волне романтических настроений перестройки. Его первым председателем

стал известный писатель Альберт Лиханов. 1987–1990 гг. – годы триумфа фонда, он получил более 350 миллионов рублей частных пожертвований. Однако в 1990-м разразился скандал по поводу нецелевого использования средств [10]. До сих пор у россиян отношение к благотворительным фондам подозрительное. Причем не только у населения, но и института журналистики. Сложилась своеобразная петля молчания, что только усугубляет ситуацию с фондами. Намного динамичнее развивается практика адресной помощи на платформе социальных сетей. Сбор пожертвований организуют волонтеры, подробно описывая бедственную ситуацию своим подписчикам, отчитываясь о результатах. Поскольку аккаунт в соцсети представляет собой ежедневные дневниковые записи, а также реакции на публикации и высказывания «друзей» и «друзей друзей», у подписчиков складывается объемное представление об индивидуальности волонтера, закладывается основа для доверительных отношений.

Несомненно, чиновникам, бизнесменам, политикам заслужить доверие значительно сложнее. У них имеются собственные деловые цели, достижение которых далеко не всегда совпадает с заботой о социальном здоровье. Благодаря журналистским публикациям, эти факты попадают в публичное пространство и настраивают на настороженное отношение к таким благотворителям.

Если объяснять эти конфликты прямолинейно, исходя из сценария о столкновении Добра и Зла, их сути мы не поймем. А значит, всегда будет существовать риск, что интерпретация событий будет выглядеть неубедительной.

В силовом поле Трансцендентного и экзистенциальной мотивации значение социальных статусов меняется с положительного на противоположный очень динамично. Например, еще в 1980-е бизнес-организация считалась ответственной, если перечисляла процент от дохода на благотворительные цели. Многие компании прибегали к таким формам спонсорства, чтобы продемонстрировать миру собственную социальную ответственность. Однако аналогичное действие компании KFC в 2014 году спровоцировало грандиозный скандал. Совместно с Фондом рака молочной железы Susan G. Komen Foundation, они запустили кампанию «Buckets for the Cure». Клиентам предлагалось покупать розовые ведерки с жареным мясом цыпленка в рамках борьбы с раком груди. Бренд обвинили в ханжестве и лицемерии за попытку использовать жареных цыплят для сбора средств, предназначенных для борьбы с раком груди. Один блогер даже назвал происходящее «очередным печальным примером коммерциализма, перевязанного красивой розовой ленточкой» [11].

Стремительно общественность охладела к бренду «Беннетон» и мятежному креативному директо-

ру Оливьеро Тоскани. Вряд ли кто может отрицать, что именно социальная проблематика сделала лицо бренда, производящего массовую одежду. Образы, созданные Тоскани для Беннетон, широко известны в мире, начиная с 1984 года, первой рекламной кампании, и до последней, поднявшей тему отмены смертной казни в 2000-х. Однако в 2000 г. владельцы вынуждены были расторгнуть контракт с Оливьеро Тоскани, так как недовольство покупателей эпатажным поведением бренда привело к падению продаж и убыткам фирмы.

Таким образом, гештальт-психология не берется за предсказание персонажей и декораций в вечных архетипичных сценариях. Не может она ни зафиксировать, ни объяснить изменения в восприятии одного и того же социального феномена. Почему отчисление средств от коммерческой деятельности в 1970–1980-х означало социальную ответственность, а в 2000-х – лицемерие?! Почему бунтарство в 1970–1980-х воспринималось как героизм, а в 2000-е – как опасное раскачивание лодки?!

СЕМИОЛОГИЯ И ПРИНЦИП СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА В ПРОЕКТИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Ответ на этот вопрос дает семиология, которая развивается на теоретической базе семантики – науки о законах построения смысла из минимальных единиц языка. История семантики уходит в Средние века, однако в самостоятельную науку начинает оформляться на рубеже 19-20 веков благодаря работам Ф. де Соссюра, Ч. Пирса, Ч. Морриса. Ими выдвигается идея знаковой природы языка и ставится вопрос об отношениях референции, интерпретации (смысла) и значения как универсальных законах языковых систем.

Ф. де Соссюр, размышляя об отношениях означаемого и означающего в знаке, заявляет, что «в языке нет ничего, кроме различий», ибо сознание способно воспринимать только различное. Соссюр формулирует модель формирования значения, вводя понятие структуры смыслового поля, образуемой двумя осями: синтагмой и парадигмой [12]. Синтагматическая ось выражает грамматические отношения между знаками, то есть устойчивые связи, в которые они вступают как переменные определенных категориальных рядов. Парадигмальная ось – смысловая, выражает индивидуальную практику применения универсальной грамматики.

Метод структурного анализа был подхвачен представителями постмодернистской науки. Язык – это инструмент конструирования социальной реальности, следовательно, любое явление культуры может быть рассмотрено как знаковая система, способная раскрыть тайну производства смыслов.

Идеи структуралистов побудили переосмыслить риторику, которая традиционно рассматривала ме-

тафору и метонимию как выразительные фигуры речи. Р. О. Якобсон видит в них не фигуры речи, но смысловую модель, которая управляет выбором выразительных форм [13]. Метонимия, выстраивающая смысловое соответствие между знаками по смежности, выполняет функцию синтагмы. Метафора, которая строит отношения между знаками по сходству, выполняет функцию парадигмы. В первом случае в производстве смыслов участвует мышление и логика «дневного сознания», во втором – воображение и логика бессознательного. Эту идею воспринял советский структуралист М. Ю. Лотман, рассматривая метаструктуру художественного текста как маркер идейно-художественного стиля, код мировосприятия [14]. В дальнейшем поиски научной мысли разделились. В целом их можно свести к двум магистральным направлениям – когнитивистике и семиологии. Как уже было сказано выше, представители когнитивных наук оперируют категориями фрейма (когнитивного конструкта) и когнитивной сложности индивида. Под фреймом понимается минимальная операциональная единица мышления, которая выполняет функцию эталона в поиске различий и сходств наблюдаемых явлений. В зависимости от сложности системных параметров, организующих фреймы восприятия, различают когнитивно сложных и простых индивидуумов. Например, в практике маркетинговых коммуникаций при составлении психографического профиля аудитории, широко используется методика «репертуарных решеток» американского психолога Дж. Келли, автора теории личностных конструктов [15]. Личность индивида, с его точки зрения, представляет организованную систему более или менее сложных конструктов-фреймов. Когнитивно простой индивид оперирует биполярными оценками «нравится/не нравится», сложная система оценок характеризует сложно организованную личность и сложное восприятие мира.

Семиологи активно работают с категорией смысл. В отличие от гештальт-психологов, они не отказываются от попыток проследить логику смысла. Правда, это не формальная логика, а игра без правил, без ограничений во времени и пространстве. Французский философ Жиль Делез говорит о двух типах серий в развитии идеи, образно именуя их «пассажир без места» и «пустое место» [16]. Несомненно, это экстравагантное высказывание перекликается с идеями Якобсона и Лотмана о развитии смысла относительно осей грамматики и парадигмы, использующего модели метафоры или метонимии в организации коммуникативной практики. Действительно, динамика социокультурных процессов проявляется в том, что существующие нормы, формы, значения, которые до некоторого времени не вызвали вопросов, обнаруживают вдруг неуместность по отношению к новым проблемам, пере-

живаниям. Смысл, вечно курсирующий куда-то «пассажир», оказывается без места...

Противоречие между когнитивным и семиологическим подходами снимается в концепции коммуникативного универсума, получившей популярность в последние годы. Ключевая идея состоит в том, что коммуникация – это процесс, направленный на взаимопонимание, который развернут во времени и имеет иерархическую природу [17].

На первом этапе коммуникация монологична. Существующий в мире порядок вещей представляется «Говорящему» естественным, он даже не предполагает о том, что кому-то мир может представляться иным. Коммуникация здесь понимается как передача информации, ее задача сводится к наиболее точному определению онтологического статуса предмета сообщения с тем, чтобы ответить на вопрос «что это?»

«Другой» получает статус в коммуникативном дискурсе с момента, когда демонстрирует свою власть, уклоняясь или включаясь в коммуникативные действия. Представления о «чужой» картине весьма скудные, и возможности подстройки «Говорящего» к своему собеседнику ограничены регистрацией реакций на различные коммуникативные стимулы. В итоге накапливается солидная статистика, которая позволяет выделять значимые стимулы, вызывающие нужные реакции «Другого». Это знание позволяет ответить на приоритетный вопрос для «Говорящего» – «как сделать?». В философии этот уровень вопрошания и соответствующий ему этап диалектического развертывания коммуникативного процесса называется праксиологией.

Этап эпистемологического развития коммуникации характеризуется упорядочением разнообразного и хаотичного опыта, сложившегося в практике. Происходит переосмысление чужого опыта в собственных кодах, тем самым осуществляется поиск общего знаменателя в опыте Говорящего и Другого, появляется возможность для сравнения этого опыта.

Переход на следующий цикл развития коммуникации – аксиологический – можно квалифицировать как движение от «осознанного незнания» к «осознанному знанию». Говорящий способен ответить на вопрос: «Почему это важно для Другого?». Формируется понимание логико-смысловой структуры «чужой» картины мира, принципов порождения значений «другим» сознанием. Именно на этом этапе становится возможной психологическая пристройка к личностному пространству «Другого», воздействие на него «изнутри» с помощью методов ведения, переустановки якорей и прочих инструментов психолингвистического перепрограммирования.

На высшей стадии освоения чужой культуры появляется новая степень свободы в ориентации в ином логико-смысловом пространстве, в ином дискурсе. Собственно, это пространство перестает вос-

приниматься чужим, поскольку эмоционально-чувственный опыт проживания в чужих ценностных кодах делают этот опыт лично значимым и открывают иной угол зрения на привычный порядок вещей. Коммуникация вновь обретает онтологический статус, когда возникает чувство доверия к другой картине мира, то, что воспринималось как ирреальное получает статус понятной (но не привычной!) реальности. Возвращение к исходной точке происходит на качественно новом уровне: это рефлексивное отношение к новой реальности. Важнейшей задачей коммуникации на этом этапе являются вопросы доверия, а основной вопрос, которым задается Говорящий – «что является правильным?». Этот цикл коммуникации именуется этическим.

В практике коммуникационного менеджмента идея уровней коммуникации реализуется в процедуре разработки коммуникативных стратегий. В зависимости от результатов исследования профиля целевой аудитории – ее знаний о предмете коммуникации, мотивов и ценностей, – принимается решение о позиционировании. Либо с опорой на осведомленность, то есть апелляцию к сложившимся когнитивным представлениям о нормах социальной практики. Либо принимается решение об изменении отношения, когда смысловые ассоциации выводят за рамки привычной социальной грамматики и обращаются к отдаленным индивидуальным практикам. С изменением контекста восприятия, изменяется и отношение к предложению.

И наоборот: социальная коммуникация должна учитывать сдвиги ценностной парадигмы. Вернемся к примеру с благотворительной кампанией «Buckets for the Cure», который был приведен в начале этого параграфа. Компания KFC выстраивала диалог с общественностью, исходя из привычного порядка корпоративной благотворительной для США 1950-х годов. Корпорации – это основа экономического процветания Америки. Их деятельность мотивирована исключительно заботой о благополучии нации. Включаясь в решение социальных проблем, они действуют так, как это привыкли делать в своей бизнес-практике: налоговые отчисления в бюджет или благотворительные отчисления от прибыли в благотворительные фонды. Однако в 1970-е годы настроения в обществе поменялись. Корпорации стали восприниматься как империи зла, манипулирующие американскими потребителями в собственных целях, превращающие их в безвольных животных. В 2000-е годы стала остро восприниматься проблема здорового питания. KFC явно недоучла новую систему ориентиров в пространстве социальных ценностей общества постмодерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. В течение 1990-х факультеты рекламы по всей территории США «примеривали» на себя концепцию ИМК:

должна ли эта терминология быть включена в их собственные программы. Некоторые из них, например, University of Utah, University of Kansas, Florida State University, и Emerson College приняли термин ИМК, внося изменение в название ученой степени выпускника или в название факультета. Другие, например, Florida International University, из-за политики использования термина «маркетинг» в колледжах коммуникации, сделали выбор в пользу термина «интегрированные коммуникации». Университеты Миссури и Кентукки стали использовать термин «стратегические коммуникации». В России предпочитают термин «коммуникационный менеджмент».

2. Старых Н. В. Институт благотворительности : сравнительный анализ социокультурных моделей помогающего поведения и коммуникации / Н. В. Старых // Коммуникология. – Том 4. – № 2. – 2016. – С. 111–125.

3. Старых Н. В. Теория коммуникационного менеджмента : зарождение, становление и перспективы развития в парадигмальном пространстве позитивизма и постмодернизма / Н. В. Старых // Коммуникология. – Том 4. – № 3. – 2016. – С. 30–61.

4. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке / В. М. Розин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 16–22.

5. Деррида Жак. Фрейд и сцена письма / Ж. Деррида // Письмо и различие. – СПб. : Академический проект, 2000. – С. 252–292.

6. Зигмунд Фрейд. О сновидениях / Ф. Зигмунд. – М. : АСТ, 2004.

7. Гэд Томас. 4D брендинг. Взламывая код корпоративной сетевой экономики / Т. Гэд. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. – 230 с.

8. Аакер Д. Создание сильных брендов / Д. Аакер. – М. : Издательский Дом Гребенникова, 2003. – 440 с.

9. CAF работает с 7000 компаниями и управляет суммой денег, поступающих ей от пожертвований, превышающей 2,5 млрд фунтов стерлингов. Эти деньги направляются на поддержку более 50000 некоммерческих организаций и социальных проектов в более чем 100 странах. См.: Официальный сайт CAF (Charities Aid Foundation). – URL: <https://www.cafonline.org/> (дата обращения: 09.09.2015).

10. Алексеева О. История доверия в недоверительные времена. Современная российская благотворительность / О. Алексеева. – М. : Эксмо, 2008. – С. 12–16.

11. The Dangers of Cause Marketing. 03.09.2014. – URL: <http://www.bloomberg.com/bw/articles/2014-09-03/the-dangers-of-cause-marketing> (дата посещения: 18.09.2015).

12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр Ф. де. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 123–136.

13. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – С. 86–99.

14. Лотман М. Ю. Риторика / М. Ю. Лотман // В сборнике : Лотман М. Ю. Статьи по семиотике и топологии русской культуры. – Таллин : «Александра». – С. 167–184.

15. Келли А. Дж. Теория личности. Психология личных конструктов / Дж. А. Келли. – СПб. : Речь, 2000. – С. 137–235.

16. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. – С. 59–67.

17. Идея иерархической природы коммуникации звучит в работах представителей различных научных школ. См., например: Алексеев Н. Г. Проектирование и рефлексивное мышление / Н. Г. Алексеев // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 85–103; Греймас А.-Ж. Структурная семантика : Поиск метода / А.-Ж. Греймас. – М. : Академический

проект, 2004; Делез Ж. Серия 24. Коммуникация событий. В кн. : Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Раритет. – С. 225–235; Делез Ж. Серия 32. Различные виды серий / Ж. Делез. – С. 293–307; Клюканов И. Коммуникативный универсум / И. Клюканов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 83–103; Метод вопрошания / В книге : Техника философствования. – URL: <http://www.businesslearning.ru/CoursFrm.asp?actid=68>

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Старых Н. В., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: staryh@mail.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Starykh N.V., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Advertising and Public Relations Department*

E-mail: staryh@mail.ru

В. Ф. КЛУН – АВСТРИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ВЕСТНИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ» Ф. В. ЧИЖОВА

И. А. Сурнина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 10 октября 2016 г.

Аннотация: в материале идет речь об иностранном сотруднике экономического журнала Ф. В. Чижова «Вестник промышленности» В. Ф. Клуне. Проанализирована его переписка с Чижовым, ключевые темы его материалов, сообщены некоторые обстоятельства личной жизни корреспондента.

Ключевые слова: В. Ф. Клун, Ф. В. Чижов, деловой журнал «Вестник промышленности», иностранный корреспондент, австрийская промышленность и торговля.

Annotation: the article deals about V. F. Clooney. He was the foreign employees of the economic magazine of F. V. Chizhov "Vestnik Promyshlennosti". Analyzed his correspondences with Chizhov, listed the key themes of his materials, reported some circumstances personal life correspondent.

Keywords: V. F. Klun, F. V. Chizhov, the business magazine «Vestnik promyshlennosti», the foreign correspondent, the Austrian industry and commerce.

«Вестник промышленности» – экономический журнал, выходящий в Москве в 1858–1861 годах. Редактировал его известный славянофил, промышленник, предприниматель и меценат Ф. В. Чижов. К работе в «Вестнике промышленности» ему удалось привлечь ведущих экономистов России, Европы и США.

Сотрудниками журнала становились люди, имевшие непосредственное отношение к политэкономии, выдающиеся экономисты того времени, редакторы экономических газет и журналов Европы. В объявлении о выходе будущего издания Чижов указал сотрудников ближайших номеров: ими должны были стать фабриканты, торговые и промышленные люди, в чьей компетенции в вопросах промышленности и торговли он не сомневался [4].

В Вене, где Чижов искал корреспондента для своего журнала «Вестник промышленности» (1858–1861), священником русской посольской церкви М. Ф. Раевским был рекомендован «как хороший писак» профессор Коммерческой австрийской академии доктор В. Ф. Клун. Но Чижову сначала он не внушил доверия. Позднее, в вышеупомянутом объявлении он все-таки был заявлен одним из основных авторов статей журнала.

Материалы Клуна, опубликованные в «Вестнике промышленности», и его письма, хранящиеся в ф. 332 Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки [7, с. 280–294], подтверждают, что в своих публикациях Клун отражал темы, актуальные для экономики России середины XIX века. Так, в одной из своих статей он писал, что если правительство

меняет пошлины, оно никогда не должно действовать без совещания с фабрикантами и промышленниками. Для этого необходимо устраивать гласные совещания, где бы последнее решение было «приговором общественного мнения, а никак не осуществлением мечты теоретиков и не налогом в пользу фабрикантов» [1, с. 81–82]. В России же каждый раз, как поднимается ка-кой-нибудь вопрос, касающийся общей пользы, как писал год спустя «Вестник промышленности», его решают или а priori, «как кому вздумается, или опираются и ссылаются на выводы, сделанные по сходным явлениям других государств» [2, с. 45].

Когда начинались разговоры о сотрудничестве, в первом письме Чижову Клун предложил следующее (считаем нужным заметить, письма Клуна писались им на итальянском языке. Чижов, живший в Италии не-сколько лет и знавший язык страны, переговоры и переписку с Клуном вел самостоятельно. – И. С.): «Каждый месяц Вы будете получать от меня обозрения промышленности, торговли и финансов, около ½ печатного листа... или два письма... о состоянии биржи, о ценах товаров, рынках, кредитных учреждениях, о замечательных сочинениях по промышленности и торговле и т<ому> под<обное>» (здесь и далее перевод писем Клуна с итальянского языка наш. – И. С.) [6, л. 3 об.]. Чтобы редактор «Вестника промышленности» мог оценить, соответствует ли его стиль изложения и содержание его материалов направлению «Вестника промышленности», Клун выслал введение к будущим статьям. Выдвинул он и условия своего сотрудничества: «...желал бы иметь от Вас постоянное жалование в 250 талеров... за каждое полугодие,

кроме того, даровой экземпляр Вашего «Вестника»... По прошествии года со дня напечатания в «Вестнике» я желал бы иметь право перепечатывать их отдельным сочинением или как мне там заблагорассудит-ся...» [6, л. 3 об. – 4]. Оплата в 250 талеров в полугодие превышала предлагаемый Чиждовым гонорар: предварительно он договаривался с Клуном о 30 талерах за печатный лист (именно столько платила ему «Русская беседа», чьим сотрудником он являлся). Однако Клуна на это согласиться не мог, он мотивировал подобное решение тем, что «Wiener-Zeitung» и «Wanderer», корреспондентом которых он был, платили ему по 50 талеров за печатный лист экономических материалов, и по 40 – за литературные (Талер – крупная серебряная монета, в XVI–XIX веках игравшая важную роль в денежном обращении Европы и международной торговле. Флорин – золотая монета, использовавшаяся в Австрии до 1857 года (образ гудьдена). С созданием единого Немецкого монетного союза в 1857 году, к которому присоединились Австрия и Пруссия, основной денежной единицей был признан союзный талер, равный 1,5 флорина (гульдена). – И. С.). Та же стоимость была и за материалы для франкфуртского «Compass». Клуна давал в письме и обязательство распространять «Вестник промышленности» в Австрии [7, с. 291]. Также Клуна ставил Чиждова в известность, что «предпочитал всегда получать счета по курсу Германии».

Очевидно, после такого делового подхода к делу Чиждов изменил свое мнение насчет австрийца: «Вообще в Австрии нечего и думать найти что-нибудь и кого-нибудь преданного делу, лишь бы найти сносного человека» [5, л. 16]. И стал сотрудничать с Клуном, о чем свидетельствует его письмо от 14/2 августа 1858 года: «Я получил Ваше ценное письмо... 2/14 июля, из которого я понял: Вы приняли мое предложение. В июле я был безмерно занят... В дальнейшем пришлю материалы в установленные сроки» [7, с. 284]. Свою занятость Клуна объяснял экзаменами в Академии коммерции в Вене.

В этом же письме оговаривались темы будущих материалов, начиная с «общего обзора земледелия Австрии, как основы промышленности, которая находится в постоянном взаимном отношении с торговлей» [7, с. 284]. В следующем письме корреспондент обещал прислать первую часть исследования о современном состоянии австрийской промышленности и затем сравнительную оценку «Государственного бюджета 1857 года». Кроме того, Клуна обещал прилагать обзор работы Венской биржи, если подобное интересно Чиждову, как редактору [7, с. 284].

Клуна настаивал на «откровенности» в интересующих его темах статей, чтобы в дальнейшем ему не пришлось бы выполнять «бесполезной работы, тяжелой и скучной» [7, с. 284].

То, что Клуна – фигура авторитетная у себя в стране, сомнения не вызывает. Профессор, автор многочисленных материалов по экономической тематике, он также в 1858–1859 годах работал над составлением «Торговой и промышленной географии», которая была бы полезна «не только для школ коммерческих и промышленных, но также и для предпринимателей, фабрикантов и экономистов, которые хотят справиться о последних событиях в этом деле» [7, с. 284]. В данный труд он планировал включить «государственные факты Австрии, государств Дуная, Леванта (Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др., в более узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана. – И. С.) и России» [7, с. 284]. Однако жаловался Чиждову, что в отношении последней ему «не хватает некоторых точных деталей» и просил его содействия: «дать <...> указания <...>, где найти самые свежие подробности о промышленности и торговле России» [7, с. 285].

В этом же письме отмечалось, что Клуна был бы признателен Чиждову за «упоминание о моей книге в Вашем журнале. Если было бы возможно со временем напечатать ее отдельным номером, довольно таки большим, для Ваших подписчиков, а также сделать перевод на русский язык, потому что оригинал написан на немецком» [7, с. 285]. Здесь необходимо отметить, что со своей стороны за данную «услугу» Чиждову Клуна ничего не предлагал, хотя речь шла о коммерческой рекламе.

В письме от 13 февраля Клуна сердечно просил прощения у Чиждова, что не смог вовремя выслать обещанные материалы: «Моя жена больна уже четыре месяца». Причиной тому была эпидемия брюшного тифа. В течение нескольких месяцев (с 1 ноября 1858 года. – И. С.) ее состояние сменялось то улучшением, то внезапным ухудшением. И только в начале февраля она пошла на поправку. В январе заболел и сам Клуна, поэтому весьма очевидны причины, по которым он «был не в состоянии выполнить <...> обещания перед Академией, ни что-либо делать, что требовало бы духовной силы» [7, с. 286].

В том же письме сообщались и позитивные новости: «Общество промышленности» в Вене также оказало мне честь в назначении меня его членом, поэтому я хожу каждую неделю на совещания с главными людьми промышленности Вены» [7, с. 287]. Преимущества этого Клуна видел несомненные, так как он вошел в отдел промышленной статистики данного общества, поэтому сведения его всегда будут подлинными.

Также Клуна извещал Чиждова, что совсем недавно в Австрии проведено анкетирование, таким образом, он мог бы составить сведения и описать «картину по главным редкостям промышленности на базе этого опроса».

Примечательно, что связь с Россией Клун держал не только, находясь в переписке с Чижовым и некоторыми другими деятелями, но и через вышеупомянутого Раевского. В тяжелый период болезни он как раз посетил Клуна, о чем тот сообщил в письме редактору «Вестника промышленности», в надежде, что Раевский чуть ранее уже известил его о том, «в каком плачевном состоянии находился мой (Клуна. – И. А.) дом» [7, с. 287]. Кроме того, именно через Раевского он вел свои финансовые дела с российскими редакторами: «Синьор Раевский отправился на родину (то есть в Россию. – И. С.), и его отсутствие в Вене, вероятно, продлится 2–3 месяца», – писал Клун в письме от 4 июня 1859 года [7, с. 288]. И чуть позднее известил Чижова письмом от 24 августа того же года: «Синьор Раевский в свое время мне заплатил за первые 6 журналов, и – Ваш чек за последние 6 номеров, так что теперь оплачены 12 номеров, из которых я сегодня добавляю материалы в № 11 и № 12» [7, с. 290].

Даже эти незначительные сведения свидетельствуют, что Клун был весьма заинтересованным в сохранении своей должности корреспондента в «Вестнике промышленности» и практически в каждом письме предлагал Чижову новые интересные темы по экономике в целом, промышленности, торговле, образованию, надеясь, что подобные материалы станут весьма полезными русскому читателю.

В 1858–1859 годах Клун публиковал в «Вестнике промышленности» статистические данные и обстоятельные статьи по вопросам австрийской промышленности и торговли. Возможно, причиной завершения сотрудничества в 1859 году стал запрашиваемый им слишком высокий гонорар [6, л. 12–13]. «Вестнику промышленности», всегда испытывавшему финансовые трудности, было не по карману содержать столь дорогого сотрудника. А обеспокоенность финансами была ярко выраженной у Клуна. Он неоднократно напоминал Чижову о выплатах и просил прислать деньги не задерживая: «Будете ли вы так добры, прислать мне непосредственно, известную сумму в 125 талеров (немецких или прусских), возможно, в прусских банк-нотах, в обмен по курсу в Австрии, Франкфурте, Лейпциге, Берлине, Париже, Марселе и т. д., или в русских деньгах. Мой адрес у Вас уже есть, но достаточно, если Вы напи-

шите в Академию коммерции в Вене на мое имя. <...> Наконец-то, я получил Ваш журнал за февраль, из которого вижу, что мои корреспонденции печатаются почти каждый месяц в большом объеме (двойной длине), т. е. почти печатный лист. Я делаю гораздо больше, чем могу, чтобы сделать Вас счастливым» [7, с. 288–289].

Возможно, будучи недовольным задержками положенных ему вы плат, возможно, удрученный отказом И. С. Аксакова о сотрудничестве в «Русской беседе», именно в 1859 году Клун решил прервать свое участие в русских изданиях вообще. Напомним, что как раз в апреле 1859 года Аксаков жаловался Раевскому: «Уж как мне надоело Клун. Хочу с ним в этом году развязаться совсем. Он австриец душой, и я должен был из него целые страницы подлости выкидывать» [3, с. 201].

Всего в «Вестнике промышленности» было напечатано 9 статей Клуна, преимущественно обзорный по промышленности и торговле в Австрии. Последний материал вышел в июле 1859 года в № 7.

Письма Клуна и его материалы весьма ценны, они сообщают о состоянии современной промышленности и торговли в Австрии и России, содержат информацию о некоторых обстоятельствах личной жизни Клуна.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВЫ

1. Вестник промышленности. 1858. – № 4. – Апрель.
2. Вестник промышленности. 1859. – № 1. – Январь.
3. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. – Москва, 2004.
4. Московские ведомости. – 1858. – № 73. – 19 июня. (Особое приложение – И. С.)
5. НИОР РГБ. Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 9. (Дневник Чижова за 1857–1862 гг. Запись от 23 марта 1858 года).
6. НИОР РГБ. Ф. 332. К. 33. Ед. хр. 36. Л. 3 об. – 4. (Письма В. Ф. Клуна к Ф. В. Чижову как редактору «Вестника промышленности»).
7. Сурнина И. А. Письма В. Ф. Клуна к издателю «Вестника промышленности» Ф. В. Чижову / И. А. Сурнина // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2015 / [под ред. проф. Е. И. Орловой]. – Москва, 2016. – С. 280–294. (Архивные материалы опубликованы на итальянском языке с переводом на русский И. А. Сурниной. – И. С.)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сурнина И. А., доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики

E-mail: isurnina1983@mail.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Surnina I. A., Associate Professor of the History of Russian Literature and Journalism Department
E-mail: isurnina1983@mail.ru

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМАТИКИ ГРУЗИНСКИХ СМИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МИХАИЛА СААКАШВИЛИ

И. Д. Телоев

Российский Университет Дружбы Народов

Поступила в редакцию 11 октября 2016 г.

Аннотация: в настоящей статье осуществлена попытка анализа содержания и работы грузинских СМИ в период правления Михаила Саакашвили. Такой анализ представляется актуальным в связи с необходимостью исследования как оптимальных условий, так и сдерживающих факторов трансформации общественного сознания в зависимости от функциональной или дисфункциональной по отношению к данной политической системе деятельности СМИ.

Ключевые слова: политическое развитие, современные печатные СМИ, свобода слова, проблематика СМИ, демократические выборы.

Abstract: In this article the attempt of analysis the content and work of the Georgian media during the reign of Mikhail Saakashvili. This analysis seems relevant in connection with the necessity of research as the optimal conditions, and limiting factors of transformation of public consciousness, depending on the functional or dysfunctional in relation to the political system of media activities.

Keywords: Political development, modern print media, speech freedom, media issues, democratic elections.

В условиях, когда личные контакты граждан ограничены, решающее значение для формирования взаимного восприятия играет информационная политика СМИ. Российские официальные лица неоднократно негативно высказывались о М. Саакашвили, однако воздерживались от высказываний, которые можно было бы истолковать как антигрузинские. В последние два года замечен отказ государственных и аффилированных с государством медиа от резких высказываний о Грузии. Представители грузинских властей получают возможность выражения своей позиции в ведущих российских изданиях. Либерально настроенная часть экспертного и медийного сообщества России симпатизирует экономическим реформам в Грузии и открыто выражает эти симпатии, ставшие признаком фронды. Парадоксальным образом в большинстве влиятельных российских СМИ о Грузии пишут «хорошо или ничего», несмотря на удручающее состояние межгосударственных отношений. Из публичного пространства практически исчезли публикации на тему положения этнических меньшинств в Грузии, а также призывы к искусственной дестабилизации ситуации в стране, которые, впрочем, даже осенью 2008 года публично продвигались лишь представителями маргинальных политических групп.

Однако аналогичного сдвига в грузинском информационном пространстве до последнего времени не произошло. Усилия по организации диалога между представителями медийного и экспертного сообществ двух стран нередко блокировались гру-

зинскими властями. Организация вещания телеканала «Первый информационный кавказский» (ПИК) в России рассматривается как попытка дестабилизации ситуации на Северном Кавказе. Такая информационная и шире – публичная среда не способствует деятельности, направленной на перспективу нормализации двусторонних отношений. Следует отметить, что закрытие ПИК – безотносительно причин такого решения – в России было воспринято с удовлетворением.

После каждой революции, как известно, сохраняется вероятность того, что к власти постепенно приходят некомпетентные, не имеющие знания и опыта государственного строительства люди. Так было и в Грузии с режимом Саакашвили. Назначение людей на должности происходило без продвижения по карьерной лестнице. Дело доходило до того, что в креслах министров оказывались молодые люди в возрасте 25–30 лет. Не случайно такие министры не смогли обеспечить успешное и последовательное проведение реформ. Стала обычной практикой постоянной замены одних некомпетентных руководителей министерств и ведомств на других, таких же некомпетентных. В результате началась кадровая чехарда¹.

Первым столкновением, которое получило существенный резонанс в обществе, стал так называемый «конфликт поколений». Пытаясь переложить на кого-то вину за срыв реформ, президент высказал обвинения и упреки в адрес старой интеллигенции и специалистов. Грузинский народ, известный своим отношением к консервативным и культурным тра-

¹ Тварадзе Э. Грузинское общество... / Э. Тварадзе // Грузинский тупик. – 2009. – июль.

дициям, болезненно реагировал на эти незаслуженные обвинения, и впервые за годы пребывания у власти «молодых реформаторов» заявил о себе оппозиционными лозунгами и выступлениями. Это вызвало еще большее раздражение президента. Стало очевидно, что внутри страны отсутствует политическая толерантность и гражданское согласие.

Вместе того чтобы услышать первые тревожные сигналы и задуматься, власть по-прежнему упорно продолжала идти своим курсом. Постепенно ее ошибки приняли катастрофический характер. Президент предпочитал не замечать многочисленные факты нарушения прав человека, свободы слова, частной собственности, проблем социального и национального характера. И если на начальном этапе власть Саакашвили еще боролась с коррупцией, то вскоре коррупционеры почувствовали себя вполне комфортно. Реальных преступников, связанных с властью, перестали наказывать. Президентское окружение постаралось подчинить медийные средства и бизнес, чтобы у них не появился соблазн подерживать поднимающиеся оппозиционные силы.

Таким образом, игнорируя интересы общества и демократии, президент Саакашвили постепенно подошел к оформлению авторитарного режима правления. Постепенно росло недовольство Саакашвили всех слоев населения. А кульминационными стали ноябрьские события 2007 года. На улицы Тбилиси вышло критическое для власти количество людей с требованием отмены фальсифицированных результатов выборов и назначении новых досрочных парламентских выборов². Широкомасштабные акции продолжались несколько дней и закончились 7 ноября жестоким разгоном митингующих, взятием телекомпании «Имеди», которая в те дни являлась основной трибуной оппозиции.

И история с телекомпанией «Имеди» весьма показательна. В 2007 г. во время митингов оппозиции в Тбилиси, Саакашвили наслал на нее спецназ, а потом, разгромив, вместе с Адеишвили и другими приближенными, в том числе бывшим министром обороны Давидом Кезерашвили, разработал схему, по которой отнял ТВ у ныне покойного оппозиционного олигарха Аркадия (Бадри) Патаркацишвили³.

На тот момент из Грузии, находящейся в режиме чрезвычайного положения, поступали противоречивые сообщения, чью достоверность мешало подтвердить информационная блокада, установленная официальным Тбилиси. И почти все заявления касались, конечно, случаев, когда пострадали журналисты во время разгона демонстрантов и того, что был закрыт эфир, прервано вещание телекомпании

² Тварадзе Э. Грузинское общество... / Э. Тварадзе // Грузинский тупик. – 2009. – июль.

³ Александров Д. Жертвам режима Саакашвили вы платят компенсацию / Д. Александров. – URL: <http://vz.ru/world/2014/12/26/722407.html>

«Имеди» и телекомпании «Кавкасия ТВ», нападение на которых произошло за несколько часов до введения режима чрезвычайного положения⁴.

Важно отметить, что Грузия 2007 года – единственная страна на постсоветском пространстве, где нет государственных СМИ вообще. Также в грузинском законодательстве нет статьи, которая бы преследовала журналистов за клевету, в отличие от многих других стран бывшего Советского Союза. Главным средством получения информации в Грузии – это телевидение. Самыми популярными были «Имеди», «Рустави-2», Общественное телевидение, телекомпания «Мзе», «Кавкасия», канал «202», канал «Алания», который вещал только на русском языке и был рассчитан на население Южной Осетии. Но что из себя представляло телевидение – это довольно сложное явление. «Рустави-2» до революции, в результате которой к власти пришел М. Саакашвили, был оппозиционным каналом, во многом эта телекомпания в информационном смысле помогла Михаилу Саакашвили. Потом она стала ближе к президенту идеологически, а эту же нишу заняла телекомпания «Имеди», которая превратилась в мощное оппозиционное оружие. Режим Саакашвили на то время сделал очень много для того, чтобы к нему существенно изменилось отношение в мире и в том числе из-за того, что он затронул интересы многих крупных международных медиа-корпораций, в частности, империю Мердока, в которую входила часть телекомпании «Имеди».

Александр Хинштейн, депутат Государственной думы Грузии, полагает: «Пример Грузии послужит наглядным уроком нашим любителям цветных революций, которые еще недавно кричали о том, что правление Саакашвили – это образец демократии, свободы слова и толерантности. Но вот мы наблюдаем, что происходит в Грузии, какова демократия с западным оттенком. Саакашвили помнит, как он сам приходил к власти, журналисты тогда в Грузии играли не последнюю роль, были одной из основных сил, благодаря стараниям которых тогдашняя оппозиция розовая сумела забрать власть у Шеварднадзе. И сегодня, конечно, журналисты составляют опасность для правления Саакашвили⁵.

«Во время «революции роз» Саакашвили испытывал к прессе доверие и пресса испытывала к нему любовь. Но потом пресса очень сильно разделилась и естественно совершенно... Саакашвили изменил свое к ней отношение», – считает Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности.

Член общественной палаты Павел Гусев, главный редактор газеты «Московский комсомолец» не

⁴ Панфилов О. 2007 г. Расценивать ли чрезвычайное положение в Грузии как посягательство на свободу слова? / О. Панфилов. – URL: <http://olegpanfilov.com/?p=335>

⁵ Панфилов О. 2007 г. Расценивать ли чрезвычайное положение в Грузии как посягательство на свободу слова? / О. Панфилов. – URL: <http://olegpanfilov.com/?p=335>

приемлет давления на прессу и полагает «то, что происходило в Грузии – прежде всего слабость власти и это абсолютно четкие компоненты и контуры диктатуры, существующей в Грузии. Любой диктаторский режим прежде всего бьет по средствам массовой информации. Если сильная власть, если ты ощущаешь силу в создании демократического государства, то ты не боишься средств массовой информации и они тебе не мешают, даже если народ выходит на улицу»⁶.

Подверглись давлению власти и другие представители СМИ. Так, в марте 2009 года президент грузинского медиахолдинга «Джорджиан таймс» Малхаз Гулашвили в знак протеста приостановил выпуск издания, существовавшего с 1993 года. Свое решение он обосновал невозможностью «предложить общественности свободную и объективную газету в ситуации, когда свобода прессы в Грузии под большим вопросом». По мнению Гулашвили свобода слова всегда ущемлялась. Так было и при Шеварднадзе, и при Саакашвили. Ситуация обострилась с 2003 года, когда в результате переворота к власти пришли революционеры. В интервью журналу Зеркало.az 17 марта 2009 Малхаз Гулашвили рассказал: «...Я считаю, что с этого момента началась борьба «Джорджиан таймс» за выживание в Грузии. Мы тогда были единственной газетой, которая говорила то, что говорит сейчас весь мир, – эта власть не пользуется поддержкой народа, эти люди страну к добру не приведут...»⁷.

В газете Комсомольская правда от 09 апреля 2011 года публикуется: «США отмечают факты ограничения свободы СМИ и давления на грузинских оппозиционеров в 2010 году. В то же время Вашингтон отмечает позитивные тенденции в сфере защиты прав человека. Об этом заявил посол США в Грузии Джон Басс»⁸.

8 апреля госдеп США опубликовал доклад о ситуации с правами человека в различных странах.

«Нас вновь тревожат предоставленные отчеты об избирательном использовании закона о недостаточности правовых процедур, о фактах ограничения свободы СМИ, давлении на членов оппозиционных партий и неправительственных организаций, вмешательстве правительства в профессиональную деятельность союзов», – отметил Басс⁹.

⁶ Тварадзе Э. Грузинское общество... / Э. Тварадзе // Грузинский тупик. – 2009. – июль.

⁷ Мамедов М. В Грузии нет свободы слова / М. Мамедов // Зеркало.az. – URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20090401/248216.html>

⁸ Юрченко И. США : В Грузии имеет место ограничение свободы слова... / И. Юрченко // Комсомольская правда. – 2011. – 9 апр.

⁹ Юрченко И. США : В Грузии имеет место ограничение свободы слова... / И. Юрченко // Комсомольская правда. – 2011. – 9 апр.

Кстати, именно США выделили на развитие грузинских СМИ приблизительно восемь миллионов долларов в течение 10 лет, но полученная картина не удовлетворила стратегического партнера. Это ясно читалось в заявлении посла США в Грузии Джона Родни Басса, которое он сделал после встречи с журналистами во время посещения телекомпании «Триалети» в конце 2010 года. «Несбалансированные репортажи, нехватка журналистских расследований, которые бы освещали вопросы пересечения властей и бизнеса, могут стать препятствием на пути демократических процессов», – заявил посол¹⁰. В результате США начали в Грузии новую четырехлетнюю программу развития медиа. Общество узнало о новой программе во время презентации, проведенной в Музее искусств Аджарии в Батуми 18 февраля 2011 года. А ровно через неделю, 25 февраля, осуществляющий проект Совет по международным исследованиям и обмену (IREX) вместе с Ассоциацией молодых юристов Грузии в рамках новой программы открыл для грузинских журналистов первый трехдневный тренинг.

«То, насколько представляет себе конкретное правительство интересы народа, насколько оно адекватно, насколько демократически оно управляет, показывают СМИ, и, именно поэтому, журналистика приобретает еще большую важность, после прошедшей особенной зимы», – утверждает крупнейший медиа-портал Грузии media.ge¹¹.

«Настало время, когда внутри профессии должна начаться дискуссия о стандартах, так как сегодня именно тот критический период, который определит направление нескольких будущих лет. Я бы хотела, чтобы журналисты пересмотрели свои представления и попытались увидеть идеологическую предвзятость тем, где им видится истина», – с этим мнением руководителя Центра социальных наук Марины Мухелишвили, согласны многие члены общества¹².

Это мнение разделяет и часть журналистов. Одной из причин основания Хартии журналистской этики Грузии также стало стремление согласовать грузинскую журналистику с этическими стандартами. По данным 2012 года в Хартию журналистской этики подписали лишь 176 журналистов. Руководитель Института гражданского развития, одна из инициаторов создания Хартии, журналист Ия Антадзе полагает, что росту числа членов Хартии мешают две принципиальные проблемы.

¹⁰ Мчедлидзе Д. Три первых шага / Д. Мчедлидзе // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/40414/>. – Данные на 14.03.2015 г.

¹¹ Там же.

¹² Циклаури Майя. Ценности на весах / М. Циклаури // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/51384/>

«Это дефицит профессионализма в прессе и цензура на телевидениях», – говорит Ия Антадзе. – «Если журналист попал под пресс, он не сможет обещать обществу соблюдение стандартов. С другой стороны, если журналиста, все же, увлекает написание скандальных статей, ему совершенно не нужен стандарт. Если работающие на телевидениях журналисты освободятся от цензуры, они сами смогут решать, присоединиться ли им к Хартии. Сейчас сложилась достаточно благоприятная среда для того, чтобы работать с ними на эту тему».

Руководитель Ассоциации региональных СМИ Грузии Ия Мамаладзе полагает, что, если СМИ придут к соглашению касательно лишь этических стандартов, все остальное должен урегулировать рынок. «В общем, «стандартизация», помимо разработки этических норм, приводит нас к тому, что власть начинает говорить о необходимости заключения СМИ в рамки», – говорит она. – «Если средства массовой информации не вызывают доверия, их место определит рынок»¹³.

В условиях современных СМИ и политтехнологий становится возможным формировать общественное мнение. Соответственно, при контроле над СМИ власть получает возможность формировать общественное мнение в желаемом для нее направлении, а затем удовлетворять его. Создается возможность направлять развитие общества, создавая при этом у него ощущение того, что оно свободно и действует согласно своей воле.¹⁴ В переходной стране желание контролировать СМИ может возникнуть и у демократического правительства. В Грузии массовый характер имели обвинения в адрес власти в подавлении демократии в стране.

Демократия Саакашвили в целом носила фасадный характер и подобной же фасадностью отличались законодательные изменения, при помощи которых режиму националов удавалось имитировать успехи и проведение реформ. К примеру – представители прошлой власти до сих пор гордятся тем, что при их правлении были созданы все условия для желающих осуществлять бизнес в Грузии. На деле же были облегчены только условия регистрации юридических предпринимательских субъектов, т. е. начать бизнес было легко, но реально делать его почти невозможно. Множество успешных бизнес-предприятий, существовавших в стране до 2003 года, на основе проведенных законодательных изменений, а иногда и при помощи прямого насилия были отобраны у владельцев и переданы «друзьям Националов» или же государству. Арестованные бизнесмены посреди ночи обращались к одним и тем же нотариусам, желая спешно «подарить» своё

¹³ Там же.

¹⁴ Леиашвили Паата. Алгоритмы демократизации тоталитарного общества (на примере Грузии) / П. Леиашвили // Кавказ и глобализация. – 2010. – № 1-2. – С. 27-28.

имущество и компании приспешникам «Маяка демократии»¹⁵. Подобные курьёзные факты превратились чуть ли не в ежедневную практику. К сожалению, пострадавшим в 2003-2012 гг. бизнесменам, равно как и лицам, подвергшимся политическим гонениям, до сих пор не вернули их имущество и не выплатили какой-либо компенсации.

Особо нужно остановиться на формировании репрессивной машины, которую представители прошлой власти именуют «успешной реформой полиции». Благодаря «строительству демократии», Грузия заняла первое место в Европе по числу заключённых на душу населения. Практически не осталось ни одной семьи, которой тем или иным образом не коснулись репрессии государственной машины. Граждане, которые не имели имущества, которое можно было отобрать, должны были быть «смыты». Университеты были укомплектованы членами про-саакашвилевской молодёжной организации «Кмара» («Хватит»), их автономия превратилась в фикцию. Националы вспомнили о ней только после 2012 года – потеряв власть и стремясь сохранить свои кадры в вузах, они все надежды возложили на «необходимость невмешательства государства в деятельность университетов».

Манана Кобахидзе – ныне вице-спикер парламента Грузии, а в 2003-2012 годах правозащитник, адвокат считает: «После того как в 2003 году в Грузии сменилась власть, уменьшилась роль парламента и максимально расширились функции президента. Это превратило страну в супер-президентскую республику, а самого президента Саакашвили в единоличного правителя, который по своему усмотрению управлял парламентом и правительством, сам проводил заседания кабинета министров и диктовал министрам что и как нужно было делать».

Несмотря на существование закона о свободе слова и его выражения, Комиссия по Регулированию его постоянно нарушала. Правительство Саакашвили создавало приоритетные условия лишь для тех телеканалов и прессы, которые служили его интересам. Одновременно, власть заботилась о том, чтобы лицензии неугодных телеканалов попали в руки лиц, приближённых к власти. «Медиа, независимые институты, суд и т. д. были целиком политизированы и находились под влиянием исполнительной власти. Это не только моя оценка. Очень многие компетентные международные организации писали об этом – в т. ч. эксперты Евросоюза, Европейского Совета, представители Государственного Департамента США. Они критиковали существовавшее положение в суде. Ведь практически не выносились оправдательные приговоры и люди отказыва-

¹⁵ Насилие именем закона (Законодательные изменения осуществлённые в Грузии в 2003-2012 годах). – URL: <http://globalresearch.ge/ru/research/nasilie-imenem-zakona.html>

лись от обжалования, т.к. знали, что это не имеет смысла», – утверждает вице-спикер парламента Грузии Манана Кобахидзе¹⁶.

Состояние СМИ в 2001 году достигло критической точки, что подтверждает исследование, проведенное в 2013 году Ассоциацией молодых юристов Грузии, оценив состояние средств массовой информации с точки зрения свободы выражения в период с 2006 года по 2013 год. Согласно исследованию, опубликованному 18 декабря 2013 году на медиа-портале media.ge, ограничение доступа к публичной информации и незаконное препятствование осуществлению журналистской деятельности названы основными тенденциями ограничения свободы средств массовой информации в Грузии. Наиболее высокие показатели подобного препятствования зафиксированы в 2011-2012 годах.

В исследование всего попали 38 случаев препятствования журналистам в осуществлении профессиональной деятельности, из них два дела приняты к производству в Европейском суде, а 36 дел рассмотрены на национальном уровне.

Руководитель Центра правовой защиты СМИ Ассоциации молодых юристов Эка Цимакуридзе заявила, что 16 дел по-прежнему не расследованы. По части из них не началось следствие, а по части – производство прекращено по мотиву отсутствия признаков преступления. Уголовно-правовая ответственность наступила лишь по трем делам. По словам Эки Цимакуридзе, в частых случаях факты препятствования представителям СМИ не квалифицируются по статье 154-й, которая запрещает вмешательство в журналистскую деятельность и препятствование ей. «Важно, чтобы власти вернулись к этим делам, и каждое из них было расследовано», – отметила Эка Цимакуридзе¹⁷.

В рекомендациях Ассоциации молодых юристов говорится, что следует усовершенствовать законодательство, регулирующее сферу СМИ. В целях лучшей защиты журналистов во время осуществления ими профессиональной деятельности необходимо внести соответствующие изменения в уголовное законодательство и ужесточить санкции.

Отдельная глава в исследовании ассоциации посвящена проблеме в связи с истребованием публичной информации и делам, рассмотренным в суде по данному вопросу. В исследование попали всего 13 дел, бывших в производстве в период 2006-2013 годов.

¹⁶ Насилие именем закона (Законодательные изменения, осуществлённые в Грузии в 2003-2012 годах). – URL: <http://globalresearch.ge/ru/research/nasilie-imenem-zakona.html>

¹⁷ Дзвелишвили Ната. Ассоциация молодых юристов выявила основные тенденции ограничения свободы СМИ / Н. Дзвелишвили // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/news/301941/>

Ассоциация полагает, что в законодательстве должны быть предусмотрены санкции, применяемые в случае, если лицо, ответственное за предоставление публичной информации, не предоставит ее в нарушение закона.

В исследуемый период были также выявлены факты нарушения трудовых прав журналистов, что, по наблюдению ассоциации, в частых случаях, было обусловлено, предположительно, политическими мотивами, а не нарушением журналистами трудового законодательства, внутреннего распорядка и других правил. Факты нарушения трудовых прав в большинстве случаев зафиксированы на Общественном вещателе Грузии.

Ассоциация молодых юристов заявляет, что важно защитить трудовые права журналистов. Желательно, чтобы СМИ разработали общие стандарты трудовых контрактов, что предоставит наемным работникам больше правовых гарантий защиты своих трудовых прав¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Д. Жертвам режима Саакашвили выплатят компенсацию / Д. Александров. – URL: <http://vz.ru/world/2014/12/26/722407.html>. – Данные на 11.03.2015 г.
2. Бочикашвили Гела. Масс-медиа продолжают сбалансированное освещение предвыборного периода / Г. Бочикашвили // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/news/301588/> – Данные на 17.03.2015 г.
3. Векуа Георгий. Основные тенденции 2014 года в Грузии : «выборы» без выбора / Г. Векуа. – URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/12/29/osnovnyetendencii-2014-goda-v-gruzii-vybory-bez-vybora.html>. – Данные на 15.03.2015 г.
4. Вигнанский М. Грузия не должна быть яблоком раздора между Западом и Россией / М. Вигнанский // Известия. – 2012. – сент. – С. 15–16.
5. Грузия On-line : Иванишвили считает успешной внешнюю политику новых властей. – URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1360110723.php>. – Данные на 14.03.2015 г.
6. Грузия осуждает действия России в Украине / Civil.ge. – URL: <http://civil.ge/rus/article.php?id=25733>. – Данные на 14.03.2015 г.
7. Дзвелишвили Ната. Ассоциация молодых юристов выявила основные тенденции ограничения свободы СМИ / Н. Дзвелишвили // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/news/301941/>. – Данные на 15.03.2015 г.
8. Дзвелишвили Ната. В 2013 году были предприняты важные шаги в плане освобождения медиа / Н. Дзвелишвили // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/news/302272/> – Данные на 15.03.2015 г.
9. Мамедов М. В Грузии нет свободы слова / М. Мамедов // Зеркало.az. – URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20090401/248216.html>. – Данные на 13.03.2015 г.

¹⁸ Там же.

10. Циклаури Майя. Ценности на весах / М. Циклаури // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/51384/> – Данные на 14.03.2015 г.

11. Тварадзе Э. Грузинское общество... / Э. Тварадзе // Грузинский тупик. – 2009. – июль.

12. Сванидзе Тамар. Грузинская медиа, украинский кризис и грузинский опыт / Т. Сванидзе // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/302529/> – Данные на 16.03.2015 г.

13. Сванидзе Тамар. Дихотомия грузинских СМИ / Т. Сванидзе // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/302102/> – Данные на 17.03.2015 г.

14. Леиашвили Паата. Алгоритмы демократизации тоталитарного общества (на примере Грузии) / П. Леиашвили // Кавказ и глобализация. – 2010. – № 1–2. – С. 27–28.

15. Мчедлидзе Д. Три первых шага / Д. Мчедлидзе // media.ge. – URL: <http://www.media.ge/ru/portal/articles/40414/> – Данные на 14.03.2015 г.

16. Юрченко И. США : В Грузии имеет место ограничение свободы слова... / И. Юрченко // Комсомольская правда. – 2011. – 9 апр.

17. Насилие именем закона (Законодательные изменения, осуществлённые в Грузии в 2003-2012 годах). – URL: <http://globalresearch.ge/ru/research/nasilie-imenem-zakona.html>. – Данные на 14.03.2015 г.

18. Панфилов О. 2007 г. Расценивать ли чрезвычайное положение в Грузии как посягательство на свободу слова? / О. Панфилов // Радио «Свобода» (США-Чехия). – URL: <http://olegpanfilov.com/?p=335>. – Данные на 11.03.2015 г.

*Российский Университет Дружбы Народов
Телоев И. Д., аспирант
E-mail: teloev@gmail.com*

*Peoples' Friendship University of Russia
Teloev I. D., Post-graduate Student
E-mail: teloev@gmail.com*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ РОК-МУЗЫКАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Д. А. Ускова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 26 октября 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается интерпретация музыки как социально-политического явления в современной журналистике.

Ключевые слова: рок-музыка, музыкант, логоцентричность, оценочность, интенция протеста.

Abstract: the article devoted the interpretation of music as a social and political phenomenon in modern journalism.

Keywords: rock music, musician, logocentric, estimation, intention of protest.

Актуальность изучения музыкальной журналистики обеспечивается ее тесной связью с социальной тематикой. Анализ музыкальных произведений различных стилей и направлений позволяет выявить культурные потребности различных социальных групп, формируемые социально-политической ситуацией. По мнению ряда исследователей, журналисты-практики в своих работах ставят в один ряд эстетическую значимость анализируемой музыки и обеспечиваемую ею возможность социальных изменений [1]. Искусство перестает быть областью только культурной сферы и начинает восприниматься как политический акт.

Наиболее яркой иллюстрацией в осмыслении музыки как социального явления может служить рок-музыка. Исследователи отмечают, что рок обычно осмысливается как социокультурное явление, чутко реагирующее на изменения в общественной и политической сферах: «Рок имеет большую социальную направленность по сравнению с другими музыкальными направлениями, выступает зеркалом процессов, которые происходят в обществе» [2].

Социальный характер рок-музыки также обуславливается тем, что это направление возникает в связи с переоценкой ценностей, происходящей в обществе, ее анализ невозможен без учета проблем современности.

Благодаря тому, что ведущие исполнители этого направления зачастую воспринимаются как лидеры мнений, наблюдается высокий интерес к их позиции относительно актуальных социальных вопросов. Эти действия помогают аудитории «сверить ориентиры», определить собственную политическую идентичность [3], связанную с принадлежностью к той или иной политической группе, реализовать заявленный социальный статус.

Популярные исполнители обладают определенным «символическим капиталом», который наделяет их правом высказываться по поводу актуальных событий в качестве знаковой личности, достойной доверия. Музыкальный критик Артем Рондарев не без иронии выявляет паттерн ретрансляции мнения медийных личностей по актуальным вопросам современности: «Наши рок-музыканты – эксперты по всем вопросам, причем эта роль навязана им средствами массовой информации. <...> наши рок-музыканты традиционно полагаются у нас сперва поэтами, а уж потом музыкантами, в рамках представления о нашем роке (и – шире – о нашей культуре) как о явлении «логоцентричном» [4]. Об отношении к музыкантам, в особенности к рок-музыкантам, как к поэтам, несущим определенный посыл, заявляет в своих лекциях и другой музыкальный критик, Артемий Троицкий. Это говорит о том, что музыка переняла на себя часть функций литературы, традиционно осуществляющей оценивание социально-политических процессов. Выявить способы журналистской оценки публичных высказываний музыкантов призван стилистический анализ.

От рок-музыки, с характерной для нее интенцией протеста, журналисты требуют продолжать линию контрадикции с действиями государственной власти. Это происходит неслучайно: рок-музыку как «явление андеграунда характеризует протест против устоявшегося способа бытия как сознательный выбор художника» [5]. П. Хохловский в «Литературной газете» говорит о традиционном отношении к рок-музыке как к направлению, оппозиционному государственному строю, и заявляет о необходимости продолжения противостояния системе: «Ведь вы же, ребята, – так и хочется здесь воскликнуть «чёрт побери!» – как-никак нонконформисты априори. А о том, чтобы возвысить свои приятные голоса против той колоссальной социальной несправед-

ливости, которая повсеместно солирует сегодня в России, – эти сытые, обуржуазившиеся бывшие революционеры, надо полагать, и помыслить не могли» [6]. Мысль автора приобретает особую экспрессивность благодаря разговорному устойчивому словосочетанию «черт побери» в сочетании с книжными лексемами «априори», «возвысить» и удачной метонимией «голоса», символизирующей одновременно творческую профессию исполнителей и их социальную роль и дающей возможность создания развернутой метафоры «возвысить голоса против несправедливости, которая повсеместно солирует сегодня в России». Самых же исполнителей журналист характеризует с помощью ряда эпитетов «сытые, обуржуазившиеся бывшие революционеры», создающих оксюморон, подчеркивающий несоответствие исполнителей возложенным на них ожиданиям.

В современной ситуации обострения общественных процессов функция противоборства системе в рок-музыке вновь актуализируется. Одной из наиболее широко обсуждаемых новостей в свое время стали «неудобные вопросы» лидера рок-группы Юрия Шевчука, адресованные к Владимиру Путину. Журналисты поддержали музыканта, восприняв его действия как возрождение рок-музыки в ее первоначальном понимании. В. Полупанов в «Аргументах и фактах» связал это с пониманием рока как социального явления: «Разговор Юрия Шевчука с премьер-министром Владимиром Путиным будто разбудил дремлющее рок-царство. И вновь, как в былые годы, зазвучали песни протеста» [7]. Интересно, что рок-музыка в приведенной цитате метафоризируется как некое до поры до времени бездействующее сказочное пространство.

Широкий резонанс в обществе вызвало присоединение Крыма к России. Ряд музыкантов, в том числе Андрей Макаревич, Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук выступили против этого события, что спровоцировало широкое обсуждение в СМИ. Упреки в антипатриотических настроениях в основном высказывались в адрес Андрея Макаревича. Интересно, что ранее лидера группы «Машина времени» обвиняли в конформизме с новой властью. Этот период был осмыслен в публикации И. Панина как самообман исполнителя, который проявлялся всякий раз, когда он выступал в поддержку утвердившемуся государственному строю: «Просто человек посмотрел вокруг и решил вновь стать самим собой, обрести себя. Вновь решил не врать и не бояться, а говорить только то, что думает» [8]. Возможно, подобная реакция вызвана восприятием рока как протестного по своей природе направления, приравняваемого к постоянной оппозиции линии власти. Впоследствии Андрей Макаревич прокомментировал эти упреки в документальном фильме, снятом телеканалом «Культура»: «Мы бо-

ролись с «совком», мы победили. Теперь мы сразу должны плевать на эту власть, что ли? Или мы все-таки получили то, что мы хотели, к чему мы шли?» [9]. Исполнитель подчеркивает свое право на личное мнение, в том числе лояльность к власти как его личный выбор.

Ответ музыканта поднимает актуальную проблему предвзятого отношения к исполнителю, которому отказывается в праве на выражение своих личностных взглядов. С одной стороны, журналисты ждут от рок-музыки нон-конформизма официальной правительственной идеологии. С другой стороны, когда Андрей Макаревич проявил гражданскую позицию, противоречащую официальной позиции правительства, его назвали «деятелем пятой колонны».

Одно из недавних событий – военные события в Донбассе – еще раз продемонстрировало социальную активность музыкантов, их участие в формировании общественной позиции. Александр Скляр, лидер группы «Ва-Банкъ» написал песню, посвященную бойцам Новороссии: «Когда война на пороге, / Не вздумай смотреть назад, / Не спрашивай, по ком звонит колокол, / Он звонит по тебе, мой брат». Журналисты «Комсомольской правды» Александр Коц и Дмитрий Стешин, анализируя песню, прибегли к развернутой военной метафоре: «Новая песня легендарного лидера группы «Ва-Банкъ» «Миллионы» разорвала Интернет, как заряд 240-миллиметрового миномета «Тюльпан», разбрасывающий рваные куски земли и железа на десятки метров. Александр Ф. Скляр спел о том, о чем в нынешней музыкальной тусовке и говорить-то не принято. Разве что шепотом» [10]. Сравнение песни с военным снарядом актуализируется с помощью метафоры, выраженной глаголом «разорвала» и сравнением «как заряд 240-миллиметрового миномета «Тюльпан». Сила ее воздействия также передается метафорически через описание эффекта военного орудия, которому она уподобляется. Гражданская позиция музыканта подчеркивается с помощью антитезы «спел о том – о чем говорить не принято», усиленной с помощью парцелляции: «Разве что шепотом».

Вопросы, связанные с политикой, активно освещаются в прессе. Часто личные поступки музыкантов, не сопровождающиеся политическими заявлениями или комментариями, рассматриваются как политические жесты и вызывают широкий резонанс. Широкое обсуждение вызвал поступок другого исполнителя, Земфиры, которая в июне 2015 г. на концерте в Грузии взяла у одного из своих фанатов украинский флаг и привязала его к микрофонной стойке, а в марте 2016 г. на другом концерте в Литве, настойчиво просила вынести флаг Украины из зала, когда его развернули во время исполнения песни. После каждого из этих событий оценка певицы и ее творчества кардиналь-

но менялась. Изначально поступок Земфиры восприняли в исключительно негативном ключе. Портал Tornews опубликовал подборку цитат деятелей шоу-бизнеса, проводящую параллель между поведением певицы и ее умственными и творческими способностями: «Коллега артистки по цеху Вадим Самойлов заявил, что Земфира подняла украинский флаг «не от большого ума», а Тина Канделаки назвала Земфиру «гением», но ее поступок объяснила наивностью и тем, что певица «не понимает истинных причин ситуации на Украине» [11]. Подобные обвинения послужили поводом для дискуссии в прессе о том, может ли музыкант выражать личную точку зрения, и что служит поводом для оценки его личности и творчества.

После второго концерта, когда исполнительница попросила вынести флаг из концертного зала, вице-премьер Крыма Руслан Бальбек назвал ее истинным патриотом. Л. Дубровская в материале для «Московского комсомольца» отмечает, что чиновник отметил недопустимость использования государственных символов для политических акций: «Он подчеркнул, что флаг любого государства – священен, поэтому использовать его для провокаций недопустимо. «Земфира это понимает, политики в Киеве – возможно, нет», – отметил вице-премьер. В заключение Бальбек пригласил рок-исполнительницу выступить в Крыму, где она сможет держать сразу три стяга – российский, крымский и крымскотатарский» [12]. Интересно, что сразу после слов политика о том, что использование флага страны для провокаций недопустимо, он тут же предлагает окружить выступление музыканта сразу тремя государственными символами с пропагандистскими целями.

Позицию другой стороны отразил в своем материале А. Сидорчук, приведя мнение украинского политолога: «Земфира не имеет определенной политической ориентации, и занимать такую позицию – ее полное право. И нет тут политики. Есть кризис творческой личности. Да в конце концов, это #Флаг – #Земфира – #Кокаин» [13]. Отметим, что эксперт, цитируемый журналистом, несмотря на признание за певицей права на личное мнение, отказывает исполнительнице в творческих способностях и даже обвиняет ее в асоциальном поведении. Подобная оценка творчества музыкантов на основе их социальных заявлений поднимает важную проблему. Попытки перечеркнуть творческую историю того или иного исполнителя, отказать ему в таланте из-за его социальной позиции показывают уровень политической культуры всего общества, которое требует от кумиров беспрекословно разделять общепринятое мнение.

В современной российской культуре мнение рок-музыкантов относительно политической ситуации в стране сохраняет особую социальную зна-

чимось и по-прежнему воспринимается, как некий «глас народа». Однако, если в советскую эпоху на фоне тоталитарного режима отчетливо ощущалась противоположность позиций рок-музыкантов и действовавшей власти, то в настоящее время, когда сложность и неоднозначность российской политики не затемняется официальной пропагандой, нон-конформизм указанных деятелей не может иметь четкой направленности. Но поскольку рок-музыканты «по инерции» сохраняют образ обличителей социальной несправедливости, факт протеста в тех или иных их действиях часто искусственно приписывается им журналистами, итогом чего является острая критика их как выразителей позиции, не соответствующей «истинным» интересам общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Varriale S. Music, journalism, and the study of cultural change / S. Varriale // East Asia and Globalisation in Comparison. Conference Proceedings / Chung-Ang University – Seoul, 2012. – P. 97-107.
2. Громаков А. И. Рок-музыка как кейс музыкальной социализации / А. И. Громаков // Теория и практика общественного развития, 2014. – № 1. – С. 115-117.
3. Блохин И. Н. Политическое поведение личности в медиасреде / И. Н. Блохин // Гуманитарный вектор. Серия : История, политология. – 2013. – № 3 (35). – С. 125-134.
4. Рондарев А. – URL: <http://actualcomment.ru/rondarev-1604111944> (дата обращения 04.10.2016).
5. Смирникова Е. В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х годов / Е. В. Смирникова // Известия Самарского научного центра РАН, 2013. – № 2-2 – С. 534-541.
6. Хохловский П. Пустой звук / П. Хохловский // Литературная газета. – 2010. – 20 окт.
7. Полупанов В. Злой рок: песни против «олигархов и воров» становятся модным трендом / В. Полупанов // Аргументы и факты. – 2011. – 14 сент.
8. Панин И. Если коллектив плюнет в тебя / И. Панин // Литературная газета. – 2010. – 8 дек.
9. Рок-версия событий. Власть поэтов [Видеозапись] / реж. Г. Зданевич; в ролях С. Соловьев, А. Учитель. – Культура, 2007.
10. Коц А. Разведка роком : в Луганск с концертом приехал Александр Ф. Скляр / А. Коц, Д. Стешин // Комсомольская правда. – 2014. – 24 авг.
11. Земфира прокомментировала свое выступление с украинским флагом // Top news. – 2015. – 6 июля.
12. Дубровская Л. После скандала с украинским флагом «патриотку» Земфиру позвали в Крым / Л. Дубровская // Московский комсомолец. – 2016. – 22 марта.
13. Сидорчук А. От любви до ненависти. За что Украина ополчилась на Земфиру / А. Сидорчук // Аргументы и факты. – 2016. – 22 марта.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Ускова Д. А., аспирант кафедры теории журналистики
и массовых коммуникаций
E-mail: dina721@yandex.ru*

*Saint Petersburg state University
Uskova D. A., Post-graduate Student of the Theory of
Journalism and Mass Communications Department
E-mail: dina721@yandex.ru*

СИСТЕМА СМИ ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К «ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ» (К ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ)

Чан Ван Ле

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье анализируются проблемы развития журналистики во Вьетнаме и реализация в СМИ принципа партийности. Основное внимание уделено вопросу либерализации СМИ в условиях «демократического социализма». Подчеркнуты трудности перехода к рыночной экономике и политическому плюрализму в сфере массмедиа.

Ключевые слова: Вьетнам, «демократический социализм», массмедиа, принцип партийности, ВКП, плюрализм в СМИ.

Abstract: in this article the problems of journalistic activity in Vietnam are analyzed. The article deals with liberalization of mass media under «democratic socialism». The hardships of transition to market economy and political pluralism in mass media and journalism stressed.

Keywords: Vietnam, «democratic socialism», mass media, party leadership, VCP, media pluralism.

О проблеме партийности СМИ. Журналистика всегда связана с политической борьбой, с работой партий в политическом поле, с участием народных масс в процессе управления общественной жизнью. Партийность как принцип работы журналистов и как свойство любой идеологии всегда считалась неизбежной частью работы журналистов при социализме, но если понимать термин как обозначение зависимости журналистов от линии какой-либо партии, то надо признать, что такой зависимости в нашей стране почти нет. Изменения в политической жизни, которые последовали за экономическими реформами, не могли не повлиять на работу вьетнамских СМИ. Газеты, журналы, радио, ТВ, а затем и Интернет стали важнейшей частью современной политической культуры Вьетнама, который проводит «курс обновления» («Дой Мой») с целью приближения к модели «демократического социализма» [7]. Изучение СМИ как инструмента политической власти и ядра общественной агитации актуально в связи с возобновившимися спорами о природе политической коммуникации и сути «партийности» [2; 7]. Эти вопросы касаются и теории СМИ, и практического разговора о независимости масс медиа. СМИ Вьетнама партийны, есть государственная цензура. Но это не означает, что журналисты во всем подчиняются полностью решениям партийных органов Вьетнама.

На наш взгляд, мы имеем дело с временным периодом в истории СМИ Вьетнама, когда социалистическая партийность остается единственным руко-

водством к действию [11; 13]. Рассматривая политическую систему Вьетнама, переживающую непростые времена, нельзя не остановиться на роли компартии (КПВ), являющейся реальной силой, руководящей партией в стране. Остальные общественные движения, как правило, соотносят свои действия с решениями правящей партии.

КПВ была создана в феврале 1930 г., вскоре она была переименована в Коммунистическую партию Индокитая. Основателями КПВ были выходцы из правящих классов Вьетнама: Хо Ши Мин, Ле Зуан, Ле Дык Тхо и др. Вьетнам сегодня переживает важный этап перехода к плюрализму мнений и многообразию политической жизни. Состоявшийся в 2011 г. XI съезд КПВ дал определение понятию «рыночная экономика социалистической направленности». В документах съезда сказано: «Рыночная экономика социалистической направленности в нашей стране – это товарная многоукладная экономика, использующая рыночные механизмы, управляемые государством под руководством Компартии; она движима законами рыночной экономики и руководствуется тем, что составляет сущность социализма» [4, с. 189]. Съезд зафиксировал в своих решениях основную линию движения страны и партии: «Продолжать повышать руководящую способность и боевитость партии, развивать силы всей нации, всемерно содействовать процессу обновления» [6, с. 46].

Рыночные отношения коснулись и информационной коммуникативной связи. Компартия пытается стать более демократичной, старается ограничиться только выработкой стратегии развития. Государственные институты управляют и коррек-

руют ход общественных процессов. Однако в последние годы остро встала проблема совершенствования политического руководства. Произошло разделение роли, места и функций между КПВ и государством по формуле: «Партия руководит, народ хозяйствует, государство управляет» [12]. В марте 2016 г. во Вьетнаме был избран новый президент Чан Дай Куанг, который сменил Чыонг Тан Шанга. Вскоре произошла смена правительства, премьер-министром был избран Нгуен Суан Фук. В планах нового руководства страны стоят задачи демократизации общественных отношений, совершенствование технологий и модернизация экономики. Цель правительства заключается в переходе от плановой экономики к смешанному типу хозяйствования.

К началу 1980-х гг. экономика Вьетнама оказалась на грани экономической катастрофы, застой в политике и цензура мешали развитию СМИ, особенно новых. На шестом съезде Коммунистической партии Вьетнама в 1986 г. было принято решение о переходе к политике обновления. Это произошло под влиянием событий в СССР. В основу новой модели социалистических СМИ была положена «политика открытых дверей», идея диалога с Западом. Политика обновления требовала объективной информации, усиления демократической критики чиновников любого ранга. Вариант «китайско-вьетнамского» социализма не отвергал власти компартии, но признавал плюрализм мнений и свободу дискуссий [3, с. 31]. К сожалению, радикальные реформы в экономике при сохранении старого политического механизма нередко дают сбой, что влияет и на искажение принципа партийности, когда контроль и даже слежка за журналистами совмещается с системой поощрения лояльных людей. Не всегда помогают журналистике свободные рыночные отношения и конкуренция. Рынок и коммерциализация ведут не только к здоровой профессиональной конкуренции в СМИ, но и к погоне за прибылью, к победе любой ценой, что мешает усилиям партии и в идеологии, и в социальной сфере. Бедность населения бросается в глаза еще больше, чем в РФ. Об этом писал в своих статьях, например, вьетнамский исследователь СМИ, обучавшийся в Москве, Чыонг Тхи Ны Куинь [11, с. 23]. «Десятый съезд Партии, – отметил он, – впервые дал обширные комментарии к существующим документам КПВ о совмещении идеалов социализма и западного либерализма, коммунисты Вьетнама высшего уровня собрали требования всех слоев народа, в первый раз позволяя выбирать независимых кандидатов и баллотироваться в члены ЦК партии» [11, с. 23].

Бывший член Верховного Народного Суда, ректор Высшей партийной школы Чан Лам уже много лет выступает за свободу печати. **«Главное, что надо сделать как можно быстрее, – говорит этот авторитетный юрист, – это расширить рамки демо-**

кратии таким образом, чтобы можно было действительно, отбирать самых способных, самых талантливых людей, которые помогут народу, помогут стране. Что для этого надо? Ответ очень прост: открыто представлять, открыто соперничать и открыто выбирать» [14]. Ошибкой был признан сам «период субсидирования», когда значительная часть экономической деятельности была плановой, т. е. до реконструкции. Во Вьетнаме устранили тогда большую часть малого бизнеса, товары распределялись по талонам, государство запретило свободную продажу ряда товаров на рынке [4, с. 192]. Государство и сейчас имеет право на распределение товаров, на ограничение обмена наличных денег. В «период субсидирования» продукты питания часто раздавали по списку [4, с. 192]. Подобные искажения духа «демократического социализма» руководители Вьетнама пытаются преодолеть, используя китайский опыт. СМИ помогают популяризировать новые представления о социализме и партийности.

О вьетнамской прессе. Вьетнамская пресса родилась в 1860-х гг. На ранней стадии ее развития большую роль сыграла латинизированная письменность, которая «появилась в процессе деятельности европейских проповедников во Вьетнаме» [10, с. 65]. Основы развития отечественной прессы заложил Чыонг Винь Ки (1837–1898) – главный редактор самой первой газеты («Газета Жадинья»).

Всего в истории СМИ Вьетнама ученые выделяют 5 периодов. Первый период (с 1860-х гг. по 1945 г.) – формирование вьетнамской журналистики, предыстория системы средств массовой информации Вьетнама, развитие национальной прессы. Второй период (с 1945 г. по 1954 г.) – развитие системы СМИ (возникновение радио и информационных агентств), провозглашение принципа партийности СМИ. Третий период (с 1955 г. по 1975 г.) – дальнейшее развитие системы СМИ (возникновение телевидения), воссоединение Вьетнама. Четвертый период (с 1976 г. по 1986 г.) – объединение информационных агентств, возникновение регулярного цветного телевидения, перестройка радиовещания. Пятый период (с 1987 г. по настоящее время) – это время качественного обновления системы СМИ, проходящего на фоне некоторого ослабления государственного и партийного контроля над СМИ [11, с. 34].

Президент Хо Ши Мин заложил основы для развития партийной прессы страны. В 1925 г. возникло Товарищество революционной молодежи Вьетнама, которое выпускало газету «Тхань ниен» («Молодежь»). В 1925–1927 гг. «Тхань ниен» была под контролем Хо Ши Мина. В 1930 г. Центральный комитет КПВ выпустил журнал «Тан чи До» (Tân chí Do «Красный журнал») и газету «Чань Дау» («Борьба»). Возникли первые экономические газеты: «Нонг ко мин дам» («Беседа о сельском хозяйстве и торговле за

чашкой чая») и «Лук тинь тан» («Новая волна на территории Юга»). Газета для женщин «Ны жои чунг» («Женщины») стала первым изданием, где говорилось об участии женщин в политической жизни страны.

Сегодня в стране издается более 170 газет, в том числе и газет на иностранных языках. В киосках и библиотеках насчитывается не менее 390 журналов и бюллетеней; общий тираж – более 850 млн экземпляров. Вьетнамцы хорошо знают главную партийную газету – «Нянзан» («Народ»), а также партийные издания «Ханой мой» («Новый Ханой»), «Туойче» («Молодежь»), «Куандой нянзан» («Народная армия») и др., а интеллигенты читают газету на английском языке «Вьетнамские новости» (*Vietnam News*). Интенсификация международных связей заставила журналистов выпускать больше изданий на французском и английском языках [12]. Именно эти издания отличаются большим либерализмом и готовностью к кооперации с Западом. В них имидж государства предстает в более объективном свете, в них почти нет партийной риторики. Особенно важными для переосмысления принципа партийности оказались газеты и журналы *Heritage* («Наследие»), «Тхань ниен» (Thanh nien, «Молодежь»), *Tin nhanh Viet Nam* («Быстрая информация из Вьетнама»), *Тхонг лоаи хоа чинь* (Thong loi khoa trinh «Всеобщее просвещение»), «Ны жои чунг» (Nu gioi chung «Женщины»), «Нам Фонг» (Nam Phong «Южный ветер»), *Saigon Daily* (Ежедневный Сайгон). Демократизация СМИ позволила чаще писать о недостатках, что помогает сделать имидж страны более приемлемым на Западе, т. к. подобная критическая информация говорит об уходе от тоталитарных моделей массмедиа прошлого [5].

О СМИ нового времени. Новые СМИ менее политизированы, и цензуры в этом веке стало меньше, хотя партийность остается доминирующим признаком журналистики. Радиовещание во Вьетнаме, как и в ряде других стран мира, развивалось под контролем государственной идеологии на основе государственного финансирования. Государственная модель вещания оказалась весьма привлекательной для КПВ. Сегодня в стране радиовещание осуществляет государственное радио «Голос Вьетнама» [1], который могут принимать 90 % жителей страны [8, с. 23]. Крупнейшей частной телекоммуникационной фирмой во Вьетнаме является FPT, предоставляющая доступ в Интернет миллионам пользователей, а также хостинг сотням тысяч сайтов. Во многих адресах электронной почты во Вьетнаме после знака @ стоят буквы fpt.com. Эта фирма имеет одну из самых больших капитализаций на фондовом рынке Вьетнама, а Чуонг Зья Бинь (Truong Gia Binh), президент совета директоров и исполнительный директор фирмы FPT является одним из самых богатых людей Вьетнама.

Вьетнамское телевидение (ВТВ), как показано в работах исследователя Чан Тхи Тху Хыонг, выступает как «коммуникационное агентство правительства», которое испытывает сильную конкуренцию со стороны цифрового телевидения. ВТВ базируется на деятельности каналов: VTV1 (ВТВ1) – VTV1 HD (ВТВ1 HD) (политический, экономический, культурный, социальный), VTV2 (ВТВ2) – VTV2 HD (ВТВ2 HD) (канал науки и образования), VTV3 (ВТВ3) – VTV3 HD (ВТВ3 HD) (канал спортивной, развлекательной и экономической информации), VTV4 (ВТВ4) – VTV4 HD (ВТВ4 HD) (специальный канал для вьетнамцев в зарубежных странах), VTV5 (ВТВ5) – VTV5 HD (ВТВ5 HD) (специальный канал для всех народностей Вьетнама на их языке), VTV6 (ВТВ6) – VTV6 HD (ВТВ6 HD) (канал для детей и молодежи) [9, с. 163]. Естественно ТВ находится под моральным и политическим управлением коммунистов. Самая большая государственная телекомпания Вьетнама – VTV (Viet Nam Television). Этой станции принадлежат 4 телевизионных канала (VTV1 – уникальный общественный канал, VTV2 – образовательный канал, VTV3 – развлекательный канал, VTV4 – спутниковый канал для вьетнамских людей за границей) и одна сеть кабельного телевидения [9, с. 164]. Из 15 категорий телевизионных программ «наиболее популярными у вьетнамцев являются: новости (70 %), кинофильмы (51 %) и музыкальные программы (43 %)» [9, с. 163]. Нельзя говорить о преобладании партийной агитации в передачах вьетнамского ТВ. Наряду с пропагандистскими передачами много развлекательных, музыкальных программ, фильмов, спортивных передач и т. п., что не дает права говорить о наличии во Вьетнаме, например, северокорейской модели СМИ.

Интернет-коммуникация возникла в 1991 г., но лишь в 1997 г. пользователям Интернета было официально разрешено работать во Вьетнаме. Вьетнамский информационный центр сети Интернет был создан 28 апреля 2000 г.; через 7 лет было сформировано законодательство; еще через 4 года создана Вьетнамская Ассоциация интернета (VIA). «С возникновением законодательной базы, с 1997 года до настоящего времени, с точки зрения технологии, провайдеры Интернет и виды услуг быстро развиваются. Особенно пользователи Интернета, в 2000 году, около 200000 пользователей Интернета во Вьетнаме, но эта цифра достигла 24,26 млн человек в 2010 году, а в 2011 было около 26,8 млн человек, составляет 31 % населения. В 2015 году – 45 млн человек» [8, с. 170]. Многие журналистские организации создали веб-сайты, где публикуют материалы печатные СМИ, радио и телевидение, в том числе *Vov.com.vn*; *dantri.com.vn*, *tuoitreonline.com.vn*, *thanhnien.com.vn*.

Пользователями Интернета во Вьетнаме является 42 % населения страны. Чан Зуи в своей дис-

сертации показал, что число потребителей интернет-услуг постоянно растет. Экономика Вьетнама развивается быстро и отсутствие доступа к сети Интернет в некоторых регионах сдерживает развитие страны, поэтому правительство планирует обеспечить их широкополосным доступом, подключить средние школы и все правительственные учреждения. Лицензию Министерства информации и коммуникаций СРВ получили свыше 70 электронных газет. Самые популярные – *Vietnamnet* или *VietNamNet Bridge* (www.vietnamnet.vn) и *VNExpress* (www.vnexpress.net), *Vietnam+* (www.vietnamplus.vn). Крупнейшая онлайн газета – это *Nhan Dan Online* – партийное издание официального толка.

Итак, вьетнамская политическая система в течение всего периода реформирования была однопартийной. До сих пор, к сожалению, политическая модернизация во Вьетнаме – это не духовное, а экономическое движение, направленное на уважение объективных правил рынка. Переход к рынку в области СМИ осуществляется медленно, но неуклонно. Партийный контроль нельзя считать тоталитарной цензурой. Мелкая торговля, либерализация рынка труда, политика открытых дверей – все это дает хороший результат, но надо помнить, что рыночные отношения не всегда благотворно сказываются на СМИ и культуре в целом. Как и в Китае, во Вьетнаме существует одна правящая партия, что, на наш взгляд, помогает сохранить политическую стабильность. Не хватает финансовых ресурсов. Мало кадров высокого уровня. Но есть перспективы динамичного развития демократических СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голос Вьетнама. – URL: <http://www.vov.org.vn/index.htm> (дата обращения 10.11.16).
2. Дау Нгок Дан. Пресса Вьетнама как фактор формирования ценностных ориентаций при переходе к новой экономической политике (1986-1992 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Дау Нгок Дан. – Москва, 1993.
3. Локшин Г. М. Некоторые особенности идейно-политической жизни Вьетнама до и после XI съезда КПВ / Г. М. Локшин // Вьетнамские исследования. – Выпуск 1. – Москва, 2011. – С. 30–38.

*Воронежский государственный университет
Чан Ван Ле, аспирант кафедры рекламы и дизайна
E-mail: bluestar19891989@gmail.com*

4. Мурашева Г. Ф. Вьетнам в 2010-2011 гг.: Основные события / Г. Ф. Мурашева // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. – Выпуск № 17. – 2011. – С. 189–195.

5. Новый Вьетнам : мифы и правда. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=TVWQiAMEy5w> (дата обращения 10.10.16).

6. Хамзин С. Н. СМИ Вьетнама на пути обновления / С. Н. Хамзин // Мой университет, 2012. – № 2. – URL: <http://muniver.khstu.ru/inve-goroda-i-strany/2012/06/08/smi-vietnama-vzglyad-iznutri/> (дата обращения 10.11.16).

7. Хамзин С. Н. СМИ Вьетнама на пути обновления / С. Н. Хамзин. – URL: http://www.rusnauka.com/19_AND_2012/Politologia/10_111838.doc.htm (дата обращения 10.11.16).

8. Чан Зуи. Политические новости Интернет-газет Вьетнама / Чан Зуи // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика. – Москва, 2016. – № 2. – С. 164–171.

9. Чан Тхи Тху Хыонг. Ведущие СМИ Вьетнама / Чан Тхи Тху Хыонг // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – № 4. – С. 162–166.

10. Чыонг Тхи Ньы Куинь. Возникновение вьетнамской прессы: историческая миссия газеты «Жа динь бао» / Чыонг Тхи Ньы Куинь // Журналистика, реклама и связи с общественностью : новые походы. – Воронеж, 2004. – С. 64–66.

11. Чыонг Тхи Ньы Куинь. Формирование системы средств массовой информации Социалистической Республики Вьетнам: опыт периодизации : дисс...на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Чыонг Тхи Ньы Куинь. – Москва, 2005.

12. Chiến Thắng. Việt Nam xếp 128/187 về chỉ số phát triển con người. – URL: <http://www.thesaigontimes.vn/Home/xahoi/doi-song/65377/Viet-Nam-xep-128/187-ve-chi-so-phat-trien-con-nguoi.html> (дата обращения 11.11.16)

13. Thu Phương. Chiều cao trung bình của người Việt vẫn thuộc топ thấp nhất châu Á // Vietnamplus.vn. – URL: <http://www.vietnamplus.vn/chieu-cao-trung-binh-cua-nguoi-viet-van-thuoc-top-thap-nhat-chau-a/350180.vnp> (дата обращения 01.10.2015).

14. Дубнов А. Путин и мавзолей / А. Дубнов // www.vremya.ru. – URL: <http://www.vremya.ru/2006/214/5/166012.html>

*Voronezh State University
Tran Van Le, Post-graduate Student of the Advertising and Design Department
E-mail: bluestar19891989@gmail.com*

АХМАДУЛИН Е. В., ВАРА Т. Б. СИСТЕМА АРАБСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.) / AKHMADULIN EVGENY V., VARA TAREK BASSAM. THE SYSTEM OF THE ARAB JOURNALISM (XIX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY). RALEIGH, NORTH CAROLINA, USA: LULU PRESS, 2016. 190 P.

Монография ставит своей целью представить всю систему журналистики арабских стран, включая печатные и электронные средства массовой информации в исторической динамике их становления и развития. При этом показаны причины и тенденции развития собственно арабской журналистики на основе опыта западных стран, возрождения древней арабской культуры и сохранения исламских религиозных традиций; выявлены геополитические, социально-правовые, образовательные, демографические, конфессиональные и технологические условия развития арабской прессы на современном этапе.

Среди ряда серьезных исследовательских задач, поставленных в монографии, выделим наиболее принципиальные:

- выявление геополитических, социально-правовых, образовательных, демографических, конфессиональных и технологических условий развития арабской прессы на современном этапе;
- выделение панарабских периодических изданий с их спецификой, нацеленной на взаимодействие Запада и арабского Востока;
- рассмотрение исторических и геополитических условий формирования системы СМИ Палестинской Автономии;

В первой главе, в которой арабская пресса рассмотрена в качестве регионального феномена, авторы показали, что несмотря на значительный прогресс арабских СМИ, «клановость, сильная зависимость политиков от племен, закрытость механизма выработки и принятия решений, характерные для многих стран этого региона, наложили свой отпечаток на функционирование СМИ» (например, в иорданских и йеменских СМИ существует практика жесткого закрепления определенной тематики за штатными журналистами; в арабской прессе широко представлена религиозная проблематика, поскольку идеология арабской нации не претерпела процессов секуляризации). Здесь же авторы обобщают рекомендации некоторых экспертов в связи с функционированием СМИ: дать издательские права всем общественным силам независимо от национальности, вероисповедания, политической принадлежности и языка; провести демонополизацию управления в области СМИ, ныне сконцентрированного в руках властных структур; реформировать

действующее законодательство в области СМИ, убрать из законов все преграды и ограничения, которые мешают журналистам осуществлять их профессиональные права и обязанности перед обществом и др.

Вторая глава целиком посвящена исследованию деятельности электронных СМИ, влиянию панарабских теле-, радиовещательных компаний на политическую ситуацию в регионе. Авторы приходят к выводу, что в арабских странах наиболее популярно телевидение ввиду его большей доступности по сравнению с Интернетом и прессой, требующими к тому же определенного уровня грамотности. Несмотря на существование международного документа – «Санской декларации об арабских СМИ», отвергающей «законы и меры, ограничивающие свободу прессы», значительная часть арабских СМИ, доказывают авторы, все же является рупором государственной пропаганды, некоторые режимы прибегают не только к открытой цензуре, но и к более тонким методам законодательного и экономического давления.

В третьей главе анализируются специфические особенности палестинской журналистики, ее роль в палестино-израильском информационном противостоянии. В частности, исследователи приходят к выводу, что палестинская печать отражает сугубо правительственные взгляды в области внешней и внутренней политики, печатая в основном агитационно-пропагандистские материалы. При этом пресса неудовлетворительно с профессиональной точки зрения освещает вопросы внутренней социальной политики; даже крупнейшие газеты, отдавая предпочтение сообщениям международных информационных агентств и рекламе, мало публикуют материалов собственных сотрудников; тиражи палестинских газет и журналов малы: показатель 23 экземпляра на тысячу потенциальных читателей по международным стандартам крайне низок.

В монографии показано также, что для мировых СМИ Ближний Восток наряду с Европой и Северной Америкой является одним из важнейших ньюсмейкеров; события, происходящие там, нередко становятся значительным информационным поводом для мировой журналистики.

В монографии проводится интересная параллель между системами журналистики в арабском регионе и на постсоветском пространстве: «Страны бывшего

Советского Союза на сегодняшний день разобщены не меньше, чем арабские страны. При этом население каждой из этих стран по-прежнему ощущает себя частью одного целого, некоей великой родины, великой нации – будь то советская или арабская. И в обоих случаях именно средства массовой информации, представляющие собой некое подобие единого информационного пространства, становятся единственным механизмом, поддерживающим эту общ-

ность, и фактором сплочения и взаимодействия» (с. 169).

В книге собран большой научный и эмпирический материал об арабских СМИ и журналистике. Но изменения, происходящие в арабском мире, настолько динамичны и не предсказуемы, что современная система журналистики этого региона меняется коренным образом и требует постоянного мониторинга и новых обобщений.

Воронежский государственный университет

Тулунов В. В., профессор, зав. кафедры рекламы и дизайна

Voronezh State University

Tulupov V. V., Professor, Head of the Advertising and Design Department

---

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавливается словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.